

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2019 ТОМ 11 № 1

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-1

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии
С.А. Воронин, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра Исторической Экспертизы и Государственного Прогнозирования

**Заместитель
главного редактора**
И.Д. Стефанидис, профессор Университета имени Аристотеля (Греция)

**Ответственный секретарь
серии**
Е.А. Базанова, кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории РУДН

Члены редколлегии

Абу аль-Хассан Мусса Бакри, доктор исторических наук, профессор Каирского университета (Египет)

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления Университета Карлтона (Канада), действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром Латиноамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук

Нарангоа Ли, профессор Австралийского Национального университета (Австралия)

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

К Варику, профессор Университета имени Джавахарлала Неру (Индия)

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории Российской академии наук

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история (Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история) – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология. Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, Восток-Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>.

Электронный адрес: histj@rudn.university.

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 25.02.2019. Выход в свет 04.03.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 9,10. Тираж 500 экз. Заказ № 19. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2019

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2019 VOLUME 11 NUMBER 1
DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-1
<http://journals.rudn.ru/world-history>
Scientific journal
Founded in 2009

Editor in Chief

S. Voronin, Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Head of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University, Head of Historical Examination and State Prognostication Centre

Deputy Editor-in-Chief

I.D. Stefanidis, Professor of the Aristotle University (Greece)

Executive Secretary

E. Bazanova, Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of World History of RUDN University

Members of Editorial Board

Abu al Hassan Musa Bakri, Ph.D. in History, Professor of the Cairo University (Cairo, Egypt)

Gvozdeva I., Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the Ancient History of History Faculty of Moscow State University

Dutkiewicz P., Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration Carleton University (Canada), member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences

Larin E., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Center for Latin American Studies of the Institute of General History of Russian Academy of Sciences

Narangoa Lee, Professor in Australian National University (Australia)

Ponomarenko L., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Theory and History of International Relations Chair, Vice-Dean at International Affairs of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Variku K, Professor in the University Jawaharlal Nehru (India)

Smolenskiy N., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology of the Moscow State Regional University

Hazanov A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Science Citation Index (eLIBRARY.RU), Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

The list of branches of science and groups of specialties of scientists in accordance with the nomenclature of the Higher Attestation Commission of Russia: 07.00.00 – Historical Science and Archeology. Specialties: 07.00.03 World History (Relevant Period), 07.00.07 Ethnography, Ethnology, Anthropology, 07.00.09 Historiography, Source Study, Methods of Historical Research, 07.00.15 History of international Relations and Foreign Policy.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>.

E-mail: histj@rudn.university.

Review Editor *K.V. Zenkin*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*
Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:
10 Miklukho-Makhlaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

- Савичева Е.М., Иванов С.А.** Искаженная картография как отражение конфликтов и политических противоречий в современном мире 7

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

- Кобищанов Т.Ю.** Бейрут под российским правлением. Часть 2. Осада и оккупация (1773–1774) 16
- Понька Т.И., Шлентова А.Е., Ивашкевич А.А.** Этнические и культурные аспекты уйгурской идентичности в регионе синьцзянь (*на англ. яз.*) 34
- Китинов Б.У., Лю Цян.** Религия в ойратской политике династии Цин 44

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

- Халиль М.А.** Особенности российско-египетской кросс-культурной коммуникации: деловые и управленческие измерения (*на англ. яз.*) 56
- Забелла А.А.** Африканцы в Китае и их влияние на развитие китайско-африканских отношений 65

АНТИЧНЫЙ МИР

- Никишин В.О.** Pax Romana и римский «империализм» в I в. н.э. 76
- Булычева Е.В.** Участие оргеонов в финансировании религиозных церемоний в Аттике IV в. до н.э. (по данным эпиграфики) 91

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Баринава Е.Б.** Средневековая станковая керамика поселения Мурзалы в Восточном Приаралье 101

CONTENTS

IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

- Savicheva E.M., Ivanov S.A.** Distorted cartography as a reflection of conflicts and political contradictions in the modern world 7

ORIENTAL STUDIES

- Kobishchanov T.Y.** Beirut under Russian rule. Part 2. The siege and the occupation (1773–1774) 16
- Ponka T.I., Shlentova A.E., Ivashkevich A.A.** Ethnic and cultural issues of Uyghurs identity in Xinjiang region 34
- Kitinov B.U., Liu Qiang.** Religion in oirat Qing dynasty politics 44

DIALOGUE OF CIVILIZATIONS

- Khalil M.A.** Features of the Russian-Egyptian cross-cultural communication: business and management dimensions 56
- Zabella A.A.** Africans in China and its influence for China-Africa relations 65

ANTIQUÉ WORLD

- Nikishin V.O.** Pax Romana and the Roman “imperialism” in the 1st century A.D. 76
- Bulycheva E.V.** Part orgeones in financing religious ceremonies in Attica in IV century B.C. (according to epigraphy) 91

ARCHAEOLOGICAL STUDY

- Barinova E.B.** Medieval ceramics made on a potter’s wheel of Murzaly in the Eastern Aral Sea region 101

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-1-7-15

Научная статья

Искаженная картография как отражение конфликтов и политических противоречий в современном мире¹

Е.М. Савичева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

С.А. Иванов

Российский государственный гуманитарный университет
Миусская площадь, 6, Москва, Россия, 125993

В статье анализируются некоторые особенности современной политической картографии, связанные с тем, что нередко в угоду политическим интересам конкретных международных акторов производятся на свет искаженные, не соответствующие современным политическим реалиям карты. Такие фальшивые карты вводят массовую аудиторию в заблуждение. Подчеркивается особая опасность «войны карт» в регионах повышенной конфликтности, к которым относится, прежде всего, Ближний Восток и Северная Африка. Делается вывод, что подложные географические карты, наряду с искажением исторической правды и сущности исторических и современных событий и процессов, становятся составным элементом нового разрушительного вида оружия XXI века – информационного противоборства.

Ключевые слова: географическая карта, история, политика, фальсификация, противоречия, спорные территории, конфликты

Выступая 27 апреля 2018 г. на заседании попечительского совета Русского географического общества, Президент Российской Федерации В.В. Путин обратил внимание на то, что сфера топонимики, то есть названий географических и других объектов, нуждается в особом внимании, и призвал не попустительствовать «искажению географической правды» [1].

С формальной точки зрения подложная картография сродни фальшивомонетничеству: суть обоих занятий сводится к фабрикации подделок на предмет обмана и извлечения из этого вполне определенных выгод. Но в реаль-

© Савичева Е.М., Иванов С.А., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ности с географическими картами дело обстоит не так однозначно, как с поддельными купюрами.

Существует география физическая, объективно отображающая мир без «человеческого фактора». Разночтения здесь практически исключаются по определению, например, Эверест – наивысшая точка, Нил – самая протяженная река и так далее, т.е. точность по всем линейным параметрам, без каких-либо разночтений. Но вот что касается географии политической, с лоскутным разноцветьем государств и паутиной разделительных рубежей – здесь все иначе, «нестыковки» могут встретиться какие угодно. А если к изучению карты присовокупить еще и фактологию той или иной территориальной коллизии, так сказать, историю вопроса, то может сложиться весьма противоречивая картина, передающая сложности реальной действительности.

К примеру, послевоенное (т.е. после 1945 г.) устройство Европы включало в себя принцип нерушимости границ. Такое положение просуществовало до конца 1980-х гг., когда Чехия со Словакией мирно размежевались, а две Германии, наоборот, объединились в одну. Примерно тогда же на Ближнем Востоке возник единый Йемен на месте двух государств (но на этом его параллель с Европой закончилась). Далее, Югославия распалась на шесть государств (или семь, если считать независимым Косово, что Россия не признает).

В свое время в советских газетах клеймили «картографов-агрессоров» из сопредельных восточных держав, пометивших «своим» цветом принадлежащие нашей стране земли Сибири и Дальнего Востока. Таких примеров наберется более чем достаточно и в прошлом, и в настоящем. Спорные территориальные ситуации обнаружились, к сожалению, и на пространстве бывшего Советского Союза. Скажем, у Армении с Азербайджаном, находящимся в положении конфликтующих сторон по Нагорно-Карабахскому вопросу, карты по-настоящему «воюют»...

А вот выразительный эпизод, имевший место на заседании Совета Безопасности ООН 3 февраля 2017 г. Британский делегат укорил Москву «за Крым и Украину», на что тогдашний постоянный представитель Российской Федерации В. Чуркин предложил Лондону сначала «очистить совесть», вернув аннексированные им территории ряду стран на разных концах планеты (Испания, Аргентина, Кипр и т.д.), а уж потом «рассуждать на другие темы».

В мире давно широкое распространение получили карикатуры на основе политгеографии. Много таковых появлялось, например, в период Первой мировой войны: поверх контуров воюющих стран художники рисовали фигуры целящихся друг в друга вояк в разных мундирах. Похожая сатирическая метода практикуется до сих пор; в качестве современного примера приведем приблизительное изображение двух земных полушарий, переделанных в ернический рисунок под названием «Мир как он есть после победы Дональда Трампа».

Но хотелось бы высказаться не о шаржах (которые, по определению, условны и призваны сместить через абсурд), а именно о картах, чье предназначение, казалось бы, имеет один-единственный смысл – показывать земное

пространство таким, какое оно есть, адекватно и верно отображать координаты и другие линейные параметры и т.п. Между тем эта задача осложнена всепроникающим вмешательством политики, привнесением эффектов искривленного пространства и искаженной картинки.

Между тем на реальную политическую картографию как бы наслаивается география историческая. К ней прибегают для того, чтобы получить пространственно-временное представление об отживших эпохах и цивилизациях, о былых гигантских завоеваниях и обширных империях – Персидской, Римской, Византийской империях, Арабском Халифате, Китайской, Монгольской, Османской, Российской, Австро-Венгерской империях и т.д., оставивших после себя руины либо вовсе ничего. В какой-то степени стародавние политико-географические конфигурации дожили до современности, о чем можно судить, знакомясь с историческими атласами. Познавательно и даже поучительно, но это представляет, скорее, академический интерес, ибо те времена канули безвозвратно. Придерживаться иного мнения это все равно, что оспаривать ныне существующие границы.

В Европе, между прочим, спорных территориальных проблем, в основном, как говорится, «по мелочи», сохраняется немало и по сей день. Но европейцы уживаются с этим, серьезно не конфликтуют, предоставляя шанс договариваться и решать спорные проблемы потомкам. В других частях света так не получается, и территориальные разногласия становятся зачастую перманентно висящим «дамокловым мечом», генерируя «casus belli», т.е. повод к войне.

Ближний Восток – яркий пример тому, когда лживая картография может продуцировать реальные противоречия и конфликты. Так, каирская газета «Аль-Масри аль-Яум» опубликовала интересный комментарий Абдель Насера Саяме «Война арабских карт» [2]. Авторский посыл таков: арабский регион объят очередным кризисом, но совершенно особого рода. И выражается он в фабриковании географических карт, выдаваемых за нормальные, т.е. адекватно отражающие современные реалии, но на проверку оказывающиеся недостоверными (неточными, искаженными, фейковыми, фальшивыми – как бы вернее выразиться?..). Они фабрикуются, как туманно выразился автор, «в некоторых странах» и потом распространяются по разным каналам: через интернетресурсы, тиражируются в виде печатной продукции (для распространения, подобно прокламациям, на каждом углу), фигурируют в качестве школьных пособий и прочее.

Неточности в них закладываются не по случайности или невнимательности, а целенаправленно, и отражают они геополитические амбиции конкретных политических сил, правящих режимов, внешних сил и т.д. То есть речь идет о том, что желаемое выдается за действительное в плане принадлежности территориальных секторов и начертания границ. До конфликта или тем более состояния войны дело может и не дойти, а вот семена раздора обильно засевают местную ближневосточную почву.

Каирский комментатор предостерегает: подобные картографические вольности (для этих краев не редкость) есть не что иное, как род провока-

ции, которая вводит массовую аудиторию в заблуждение и даже «закладывает мину» под стабильность и благополучие ряда стран и региона в целом. Население между тем живет в условиях непрерывного «промыывания мозгов» всеми медийными средствами, которые разногласно транслируют интересы соперничающих международных акторов разной степени могущества.

Раздоры и конфликты – фирменная черта Ближневосточного региона, неотъемлемая его особенность [3]. И получается, что с ростом населения, с приходом новых поколений угроза конфликтов не снижается, а напротив, воспроизводится и растет. Такая тенденция тревожит автора упомянутой газетной статьи, он бьет тревогу, призывая коллег по пишущему цеху отказаться от привычной установки на конфликты и заговоры, посылить отворачивать «улицу» (слово, обозначающее широкие массы) от вражды и розни, ориентировать общество на примирение, диалог и поиск общих национальных устоев, предлагает вспомнить о «духовных скрепах» – общей истории и культуре, языке и религии...

В статье приведена пара примеров, пусть и не очень масштабных. Названо некое издательство из ОАЭ, которое выпустило недавно карту зоны Персидского залива с небольшими отклонениями в пользу Эмиратов. Так, исчезла демаркационная линия, отделяющая их от принадлежащего соседнему Султанату Оман анклава Мусандам (а точка эта не простая, ибо контролирует с арабской стороны Ормузский пролив)[4].

В данном контексте обратим внимание на логистическую ценность и стратегическое значение Ормузского пролива. Этот водный коридор является важнейшим транзитным путем, через который транспортируются арабские и иранские углеводороды в третьи страны (более 40% мировых поставок нефти и нефтепродуктов).

А самая заметная коррекция – исчез из виду Катар, ставший недружественным после разгоревшегося в июне 2017 г. дипломатического субрегионального скандала между Катаром и его соседями по субрегиону Персидского залива.

Авторам этих строк доводилось бывать в разное время в различных арабских странах. На память пришло несколько личных мини-открытий по части географии. Тогда «находки» удивили, но были списаны на местную небрежность. Удивила, в частности, купленная однажды в дамасском книжном магазине туристическая карта Сирии, скорее даже сувенирная карта, для которой аутентичность не обязательна.

Здесь следует пояснить кое-какие нюансы. САР до начала в 2011 г. трагических событий была вполне безопасной для посещения страной, а, с точки зрения историко-культурных достопримечательностей, может, даже и поинтереснее Египта... При рассмотрении карты обнаружилось, что в пределы страны включены области Кунейтра и Александретта. Однако первая с 1967 г. («Шестидневная война») остается под оккупацией Израиля, а вторую еще в конце 1930-х гг. французские колонизаторы по своим соображениям отрезали от подмандатной Сирии и передали Турции. Согласно официальной идеологии сирийской правящей партии «Баас» оба этих региона в Дамаске продолжали числиться своими.

Но это в теории, а на практике Кунейтра – пыльное запустение, безлюдные руины, «колючка» вдоль линии прекращения огня и миротворцы ООН в голубых касках. А вторая область существует под чужим названием Хатай и давно обжита турками, наглухо отгорожена от Сирии государственной границей. Но на сувенирной карте эти важные обстоятельства не показаны, зато условно обозначены достопримечательности, как бы приглашающие к посещению в рамках тура по Сирии.

Другой эпизод. В аэропорту Касабланки попала в руки карта Марокко – не туристическая, а административная. На ней королевство заметно раздалось в размерах. Но вскоре стало понятно: оказывается, в пределы Марокко была включена территория соседней Западной Сахары. В середине 1970-х гг. из-за этой бывшей испанской колонии сошлись в бою арабские соседи – Марокко, Алжир, Мавритания.

Нынешний правитель Марокко король Мухаммед VI в своей речи по случаю 39-й годовщины «Зеленого марша», положившего начало марокканского присутствия в Западной Сахаре, в очередной раз озвучил официальную позицию королевства: «Сахара – забота не только народа Западной Сахары. Сахара – это дело всех марокканцев. Как я уже говорил ранее, проблема Сахары – это важный, экзистенциальный вопрос, а не только лишь приграничный спор... Марокко останется в Сахаре, и Сахара останется частью Марокко до конца времен...»[5].

Вместе с тем территория Западной Сахары продолжает числиться под наблюдением ООН, помечена отличным цветом на картах любого происхождения – но кроме марокканского.

Подобных «историй с географией» на самом деле более чем достаточно, относящихся к разным периодам и имеющихся отнюдь не только у арабов. За современным примером далеко ходить не надо, вспомним хотя бы про

Крым: в «незалежном» Киеве четвертый год продолжают упорно наносить его очертания на «глобус Украины». С политико-исторической точки зрения перечисленные ситуации совершенно несхожи. Зато с позиции картографии явление можно обобщить термином, в последнее время употребляемом очень часто: фейк, подделка!

Масштабы «экспериментов» с картами самые разные. В Каире в книжном магазине привлекла внимание политическая карта мира, выпущенная достаточно известным издательством. По облику типичное учебное пособие для средних классов школы: масштаб мелкий, многие государства, особенно небольшие, вообще неразличимы. Состоящую из двух частей Палестинскую автономию поместили одним названием, Израиль отсутствует вовсе. Отчего-то не все эмираты представлены...

А если на этой карте найти постсоветское пространство, то здесь кругом сюрпризы. В пределы Российской Федерации включены Украина, Молдова, Казахстан, Туркменистан, Армения, Азербайджан (границами пренебрегли, оставили лишь названия). Если верить карте и в остальном, то страны Балтии, Грузия и Узбекистан вошли в Россию на условиях анонимности, от них и названий не осталось. Другим бывшим советским республикам – Таджикистану и Белоруссии, наоборот, выпало предстать суверенными государствами. Причем к последней присоединен изрядный кусок соседней Польши, и та скукожилась до размеров Чехии (хотя на деле больше той в 4 раза). Карта совершенно не соответствует действительности. Получается, налицо подлог, да еще адаптированный под детское восприятие.

Но вернемся к заголовку статьи, процитированной ранее – «Война арабских карт». Регион и без того испещрен демаркационными линиями, наподобие шрамов, оставленными колониальными разделами и последующими междоусобицами. Эти линии на картах иногда обозначались, а иногда – нет (в зависимости от задаваемых заказчиком установок). Сейчас же «война карт» идет всюду, сопровождая (или обозначая, предвещая) территориальные споры и конфликты. Не вдаваясь в сверхсложные расклады и мудреные расчеты региональных акторов, просто перечислим места, где это особенно ярко проявляется – Сирия, Ирак, Ливия, Йемен, Палестина, Сомали. Отметим и курдские непокорные районы, образования криминального или родоплеменного происхождения (наподобие «Сомалиленда»), чернознаменное «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ/ИГ; запрещена в РФ) и другие из ниоткуда возникающие «халифаты».

В этих краях картография порою бессильна перед реальным развитием событий. Формально законные границы низводятся к фикции; пространства воспринимаются не в привычном формате административно-территориальных единиц, а в виде подвижных зон – контроля, нестабильности, конфликта, реде деэскалации и т.п. У воюющих сторон (ибо на войне как на войне, без границ) – утилитарная боевая топография, безо всякой декоративной мишуры.

Между тем на головы мирного населения не только падают бомбы и снаряды, но и льется агрессивная, зомбирующая и притом разно ориентирован-

ная пропаганда. Тем временем международную аудиторию кормят тщательно препарированным контентом, модифицированным продуктом информагентств. И подложные географические карты, наряду с клеветническими новостями, лживыми историческими сюжетами, «постановочными» видеорепортажами с участием псевдоспасателей в белых касках – это все разновидности вредоносного фейка, другими словами, составные элементы нового разрушительного вида оружия XXI века – информационного противоборства.

Приметой времени, к великой тревоге всех порядочных людей, становится массированное распространение недостоверных (а зачастую и полностью лживых) сведений на разных уровнях, вплоть до официального. Иногда это происходит масштабно – ради введения людей в устойчивое заблуждение на какой-то предмет, в целях долговременного помрачения общественного сознания. Бывает, локально – посредством провокационного вброса информации-«однодневки», которую легко опровергнуть, и она тут же будет позабыта и отброшена, замещена новой фальшивкой. Искажающие реальность географические карты – из той же серии тиражируемого фейка, очередная его разновидность. Это отнюдь не пустяк, это – беда и тревога, как и всё, что связано с войной или может к ней привести.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Стенографический отчет о заседании попечительского совета Русского географического общества (РГО) // Официальный сайт президента России: заседание попечительского совета РГО, 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57377>
- [2] Cairo Press Review. Issue No. 3151. Mon., January 29, 2018.
- [3] Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 3. С. 14–24.
- [4] Seddiq R. Border Disputes on the Arabian Peninsula // Washington Institute for Near East Policy. 2001. March 15. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/border-disputes-on-the-arabian-peninsula>.
- [5] Full Text of King Mohammed VI Speech on the 39th Anniversary of Green March. 2014. URL: <http://www.moroccoworldnews.com/2014/11/143369/full-text-of-king-mohammedvis-speech-on-39th-anniversary-of-green-march/>.

REFERENCES

- [1] Stenograficheskiy otchyot o zasedanii popechitel'skogo soveta RGO // Oficial'nyy sayt prezidenta Rossii: zasedanie popechitel'skogo soveta RGO, 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57377>.
- [2] Cairo Press Review. Issue No. 3151, Mon., January 29, 2018.
- [3] Savicheva E.M. K voprosu o geopoliticheskoy situatsii na Blizhnem Vostoke: vzaimodejstvie regional'nyh i global'nyh tendencij // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. № 3. S. 14–24.

- [4] Seddiq R. Border Disputes on the Arabian Peninsula // Washington Institute for Near East Policy. 2001. March 15. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/border-disputes-on-the-arabian-peninsula>.
- [5] Full Text of King Mohammed VI Speech on the 39th Anniversary of Green March // Morocco World News. 6 November, 2014 . URL: <http://www.moroccoworldnews.com/2014/11/143369/full-text-of-king-mohammed-vis-speech-on-39th-anniversary-of-green-march/>.

Research article

Distorted cartography as a reflection of conflicts and political contradictions in the modern world

Elena M. Savicheva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

Sergey A. Ivanov

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Square, Moscow, 125993, Russia

Some features of modern political cartography are analyzed. The authors note that sometimes for the sake of political interests of some international actors, geographic maps, distorted and not responding to modern political realities, are produced. Such false maps mislead the mass audience. The authors emphasize the particular danger of a “war of maps” in regions of heightened conflict, to which, above all, the Middle East and North Africa belong. They conclude that the forged geographic maps, along with the distortion of historical truth and the essence of historical and modern events and processes, become an integral element of a new destructive type of weapons of the 21st century – information confrontation.

Keywords: geographical map, history, politics, falsification, contradictions, disputed territories, conflicts

Информация об авторах / Information about the authors

Савичева Елена Михайловна, к.и.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов. E-mail: savicheva@mail.ru

Иванов Сергей Александрович, к.и.н., кафедра зарубежного регионоведения и внешней политики, факультет международных отношений и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет. E-mail: si0506_ould@mail.ru

Elena M. Savicheva, PhD in History, Associate Professor at the Department of Theory and History of International Relations, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: savicheva@mail.ru

Sergey A. Ivanov, PhD in History, Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities. E-mail: si0506_ould@mail.ru

Для цитирования / For citation

Савичева Е.М., Иванов С.А. Искаженная картография как отражение конфликтов и политических противоречий в современном мире // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2019. Т. 11. № 1. С. 7–15. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-7-15>

Savicheva E.M., Ivanov S.A. Distorted cartography as a reflection of conflicts and political contradictions in the modern world // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. No. 1. Pp. 7–15. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-7-15>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 05.09.2018

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-1-16-33

Научная статья

Бейрут под российским правлением²

Часть 2. Осада и оккупация (1773–1774)

Т.Ю. Кобищанов

Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11, Москва, Россия, 125009

В ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Россия стала первой европейской державой, которая в новое время вторглась на Ближний Восток и даже на короткий период заняла часть его территории: г. Бейрут. События, предшествовавшие штурму и захвату города, а также происходившие во время оккупации, были зафиксированы как местными летописцами, так и российскими офицерами, нашли отражение они и в письмах арабских правителей и донесениях находившихся в Сирии дипломатов. В результате вырисовывается объемная картина общества, впервые столкнувшегося с колониальной экспансией модернизирующейся Европы.

Вторая часть представленной статьи представляет картину жизни города во время осады 1773 г. и последовавшей оккупации российскими войсками: сперва действительно имевшей место, а затем – мнимой. Особое внимание уделяется изменениям в системе существования различных этноконфессиональных общин Бейрута.

Ключевые слова: Бейрут, Сирия, Архипелагская экспедиция, Йусуф Шихаб, Дахир аль-Умар

12 и 17 июня 1773 г. к сирийским берегам подошли две российские эскадры под командованием секунд-майора Ивана Войновича и старшего по званию капитан-лейтенанта Михаила Кожухова. На кораблях прибыл и морской батальон подпоручика Аненкова, а также 2-ой албанский батальон Георгия Дуси, в составе 13 офицеров и 340 десятников и рядовых [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 107]: албанцев, греков и «славон» (далматинских сербов и черногорцев). Экспедиция прибыла на помощь потерявшему власть в Египте 'Али-бею. Для Кожухова с Войновичем стало полной неожиданностью, что бывший правитель, не дождавшись обещанной российской подмоги, со сравнительно небольшими силами предпринял поход на Каир, был разбит и 8 мая 1773 г. скончался от ран. Соответственно, шейху Дахиру надо было придумать, как

© Кобищанов Т.Ю., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

удержать флотоводцев, предложив им новую цель. Ею и стал Бейрут. Капитанов удалось убедить, что город будет взят несложно при поддержке ливанских войск, и эта совместная операция даст России союзника в лице Йусуфа Шихаба [10. С. 84].

Переговоры начались 25 июня и продолжались более 3-х недель, несмотря на то, что основные положения союза были уже согласованы шейхом Дахиром с находившимся в Сирии поручиком Баумгартенем [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 63]. Эмир Йусуф также к тому времени получил от шейха соответствующие «наставления» [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 69]. Однако заверения союзников, что друзья готовы штурмовать Бейрут и лишь ожидают «с большой нетерпеливостью» прибытия российских кораблей» [1. Ф. 190. Оп. 1. Д. 122. Л. 18–18 об.], не подтверждались на практике. Выведенный из терпения Кожухов даже пригрозил увести суда, если переговоры еще затянутся [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 3].

Причина неспешности ливанской стороны очевидна. В рядах знати не было единства. В отличие от поддерживавшей эмира Йусуфа коалиции Джумблати, феодалы фракции Йазбаки, по свидетельству эмира Хайдара Ахмада аш-Шихаба, желали успеха аль-Джаззару [19. Т. 1. С. 98]. Собрание ливанских феодалов (1) должно было санкционировать переход на сторону врагов Порты. В таком случае при неудаче союз нельзя было бы объяснить личным выбором эмира Йусуфа, свергнуть его и заменить другим членом клана Шихабов. Недаром каждый из присутствовавших представителей знати лично подписался под договором, приложив к нему свою печать [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 5 об.]. К согласию, очевидно, удалось прийти не сразу. Друзским феодалам требовалось убедиться, что чаша весов склоняется на сторону антиосманской коалиции и пришел срок, пока не поздно, примкнуть к победителям.

Текст «кондиций» был подробно разобран И.М. Смилянкой [13. С. 390–393], поэтому ограничимся кратким изложением. Первый артикул договора провозглашал обязательство признавать «вышепоказанными» феодалами «от сели и впредь своею защитницею Ея Императорское Величество [Екатерину II. – Т.К.]» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 1 об. – 2]. Арабский текст до нас не дошел, но очевидно, в данном случае был использован термин «химайа» (араб. «защита», «покровительство») (2).

По справедливому мнению И.М. Смилянской, это понятие имело смысл не политико-юридический, а репрезентативно-протекционистский [13. С. 409]. Так же, как и год назад, ливанская сторона внесла оговорку, что переход под протекторат состоится только при условии территориальных приобретений в регионе, в данном случае: взятии Бейрута. Второй артикул фиксировал, что шейх Дахир также признавал зависимость от России [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 2]. Прочие пункты соглашения оговаривали обязательства дружеской знати не отречься от союза с Россией до окончания войны, наказывать отступников, предоставить 5–6-тысячный воинский контингент для осады и штурма Бейрута, не вступать в сепаратные переговоры с неприятелем. Определялись статус аль-Джаззара в случае его пленения, участь захваченного военного имущества, а также будущее бейрутских церквей и пленных-христиан.

Одним из ключевых был десятый артикул, устанавливавший порядок действий союзников «во время штурмования» Бейрута. На том основании, что российские части, «бегая по городу», не смогут отличить друзов от солдат аль-Джазара, было договорено, что артиллерия Кожухова проделает бреши в стенах, а внутрь проломов пойдут только ливанские ополченцы. «...а чтоб наградить российския войска обыкновенным грабежем, который в таком случае им запрещается, то вышепоказанные князья и начальники дурусские, обязуются платить господину коменданту Российскому триста тысяч левков [пиастров. – *Т.К.*]» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 4 об.]. Обязательства ливанской стороны закреплялись предоставлением заложников-«аманатов» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 5 об.].

17 июля 1773 г. «кондиции» были подписаны, два дня спустя племянник правящего эмира Муса ибн Мансур (ум. 1807) занял место высокородного «аманата» при российских капитанах [15. С. 96; 8. С. 14; 18. С. 52–53], и 23 июля объединенная эскадра выдвинулась к Бейруту, а армия эмира перекрыла все подходы к городу со стороны суши (3). На этот раз защитникам Бейрута предстояло столкнуться с куда более грозной силой, нежели та, что атаковала город год назад. Объединенная российская эскадра насчитывала 17 военных кораблей во главе с 42-пушечной «Надеждой». Сирийские летописцы упоминают о том, что город блокировало около 40 больших и малых судов [15. С. 96; 8. С. 14]. Это может быть близко к истине, учитывая присутствие на рейде флотилии шейха Дахира, а также нескольких торговых кораблей, чьи капитаны получили заверения, что прождать придется недолго, поскольку на взятие города потребуются не более пары часов [20. Р. 212]. На деле на это ушло более трех месяцев.

Ход осады Бейрута, нюансы взаимоотношений российского командования с арабскими союзниками и Джазар-беем достаточно подробно описаны в отечественных исследованиях. Поэтому позволим себе дать лишь их общую канву и сосредоточиться на событиях, происходивших в городе и в лагере эмира Йусуфа.

В первый артобстрел российские суда вложили всю огневую мощь 232 орудий, «разрушая дома и жилища осажденных, неся горести и несчастья» [6. С. 114]. В сирийских хрониках вновь появляются уже не выглядящие столь преувеличенными цифры в «6 тысяч пушечных выстрелов, произведенных в ходе только одной бомбардировки» [18. С. 53], или в «20 тысяч ядер, выпущенных по городу в течение 8 дней» [5. С. 320]. Потрясенные бейрутцы решили, что «настал Судный день» [18. С. 53], и впоследствии утверждали, будто звуки канонады были слышны в 6 часах пути от города и даже в самом Дамаске. Сайда, по свидетельству французского консула, сотрясалась от доносившегося грома пушечных разрядов [20. Р. 211].

К счастью для осажденных, эффект от бомбардировки был преимущественно психологическим. Со стороны моря город представлял для артиллеристов удобную мишень (4). Однако, как указывал ливанский летописец, «бейрутские строения были построены из песчаника, и ядра не производили в них больших разрушений, выбивая лишь отдельные камни, в которые попадали,

оставляя здание в целом нетронутым» [18. С. 53]. Качественная кладка бейрутских домов, стоявших «на сводах необыкновенно прочных, по самому свойству камня» [3. С. 82], не позволяла им превратиться в груды развалин; местные жители и гарнизон укрывались под «кривыми и узкими» уличными сводами. Полностью разрушенным оказалось лишь небольшое число городских сооружений, «ничего же плохого сверх того, – как указывал летописец, – не происходило» [8. С. 14].

Между тем небольшая городская батарея вполне успешно отстреливалась, «солдаты аль-Джазара день и ночь были на стенах» [15. С. 96]. Российские суда, расстреляв боезапас и получив повреждения, один за другим начали выходить из боя. Центр сражения переместился на сушу. «Албанский» батальон майора Дуси высадился на берег, под его прикрытием артиллеристы установили батареи и к 31 июля пушечным огнем разрушили тонкие стены в двух местах. Джазар-бей бросал солдат в безуспешные вылазки, а тем временем защитники города заделывали проломы, «возводя перед этой стеной вторую, из ящиков и корзин, наполненных песком» [15. С. 96]. Эти баррикады могли быть легко преодолены, однако возникло неожиданное затруднение: друзские феодалы отказались вести свои войска на штурм. Более того, как отметили российские офицеры, уже со второго дня осады ливанские ополченцы стали «уходить по домам в свои деревни» [16. С. 687].

Дезертирство ливанских войск нельзя объяснить лишь их недостаточной боевой подготовкой либо трусостью и нежеланием ввязываться в непривычный бой на узких городских улицах (5). Подобное поведение ливанской знати, небезосновательно названное местным хронистом «предательством» [15. С. 96], не было редкостью. Как отмечал историк Ильяс Харик, «если муката‘аджи был лично привержен цели, за которую сражался эмир, он мог оставаться с ним неограниченное время. Однако если он не был ее рьяным сторонником, то мог и отказать в своей поддержке; обычно это происходило, когда хаким [правлящий эмир. – Т.К.] был слаб и муката‘аджи чувствовал, что серьезные последствия не наступят» [22. Р. 61]. Очевидно, так было и на сей раз. С трудом согласившиеся на союз с Россией феодалы, увидев, что осада Бейрута затягивается, предпочли не вступать в прямое столкновение с гарнизоном, оставить Йусуфа Шихаба и вернуться в свои владения.

1 августа эмир Йусуф в панике бросился к Кожухову и Войновичу, расписавшись в неспособности удерживать разбегающиеся войска [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 7]. Ко 2 августа из 8-тысячной ливанской армии в строю оставалось лишь пятая часть. 600 человек маронитского ополчения удалось уговорить спуститься к берегу, а еще 1 тыс. солдат остались в «верхнем лагере». Через два дня верхний лагерь полностью опустел, а на берегу оставалось лишь 400 ополченцев. Очевидно, христианские феодалы Северного Ливана не без влияния Са‘ада аль-Хури проявили несколько большую лояльность правителю, нежели друзские шейхи.

Раздавленный и униженный эмир при всех назвал себя «бесчестным» «и просил о неоставлении его в чем от нас», – докладывал Кожухов [1. Ф. 8.

Оп. 4. Д. 771. Л. 7 об.]. Как писал не скрывавший сочувствия к правителю православный бейрутский летописец, российские офицеры «сжалились и пообещали продолжать осаду до тех пор, пока не возьмут для него штурмом город» [15. С. 96]. Впрочем, сам эмир с оставшимися «верными ему людьми» [8. С. 14] в тот же день предпочел ретироваться в близлежащие горы [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 7 об.]. Бесславно вернуться с поражением командование эскадры, потерявшее при штурме 65 человек убитыми и ранеными, не собиралось. Оставлять войска на берегу без прикрытия было опасно, и Кожухов с готовностью принял поступившее ему 5 августа предложение аль-Джаззара о перемирии при условии эвакуации десанта обратно на суда. Корабли встали вне досягаемости крепостных батарей.

В этот момент Ахмад-бей, судя по всему, решил разыграть рискованную комбинацию. На следующий день после эвакуации десанта он прислал «дервиша»-парламентера «с представлением что бей себя с городом подвергает в протекцию Ея Императорскаго Величества на таковых договорах чтоб города принцам друзским неотдавать а соединить его с шехом Дагер Омером с которым будет он воевать против Оттоманской Порты» [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 8].

Сложно сказать, насколько правитель Бейрута был искренен в желании перейти на сторону противника. Возможно, его готовность переметнуться в стан врагов султана была лишь уловкой, чтобы выиграть время. Ему, похоже, было известно, что из Дамаска на подмогу Бейруту готовится «выдвинуться большое войско под командованием трех пашей» [8. С. 14]: дамасского, халебского и тарабулусского.

Предложенный аль-Джаззаром союз был отвергнут; предложение, как верно отметила И.М. Смилянская, «противоречило заключенным с друзьями «кондициям», а главное – исключало выплату 300 тысяч пиастров за передачу города эмиру Юсуфу» [13. С. 397]. Однако сил для штурма не хватало, и нападавшие решили сменить тактику, задушив город в кольце осады. Эмир Йусуф с оставшимися верными ему войсками перекрыл ведущую в горы дорогу. 18 и 24 августа осаду замкнули два высадившихся с кораблей десанта, «блокировавших подвоз продовольствия и воды, которые получал город» [5. С. 320]. Солдаты аль-Джаззара несколько раз предпринимали «сильные вылазки» [4. С. 381], безуспешно пытаясь выбить россиян из укрепленных позиций. Очевидно, в это время в Бейруте начали подходить к концу запасы еды. В окрестных садах зрели фрукты, но добраться до них было нелегко: более десятка женщин, пытавшихся нарвать плоды, были захвачены в плен. Хотя автор местной церковной хроники писал, что осажденные получали из городских хранилищ «все, что им было нужно, за исключением малозначимых товаров, например табака» [15. С. 96], мы можем согласиться с И.Г. Константинопольским, считающим, что это высказывание относится к первому периоду блокады [7. С. 84]. О голоде, который «много помог к здаче оной крепости», упоминал в своем рапорте и граф Войнович [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 306]. Сирийские летописи живописуют ужасы жизни голодающего города, жителям которого

приходилось есть мясо «верховых животных и собак» [18. С. 53] и, как добавляли историографы XIX в., даже крыс [3. С. 115]. «Кто сможет описать все тяготы, которые пришлось пережить горожанам?» – экспрессивно восклицал бейрутский летописец [15. С. 97].

Всю первую половину сентября вялые боевые действия между осаждавшими и осажденными чередовались со столь же вялыми переговорами. Создается впечатление, что аль-Джаззар явно тянул время. Наконец, 16 сентября Ахмад-бей внезапно ударил по позициям осаждавших. В результате 5-часового ожесточенного боя русско-албанскому корпусу удалось отразить нападение [18. С. 53]. А на следующий день [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 11 об.] Кожухов с Войновичем получили известие, что османская армия, выступившая из Дамаска на помощь осажденному Бейруту, бесславно рассеялась при известии, что наперерез ей двигаются войска шейха Дахира. 18 сентября аль-Джаззар выразил готовность сдать город Дахир аль-‘Умару и на следующий же день на российской полугалере отбыл в Сайду.

Переговоры продолжались до 29 сентября, когда на борту фрегата «Надежда» были подписаны «Кондиции о здаче Барута». Под ними стоят три подписи: Кожухова, Ахмад-бея аль-Джаззара и ближайшего приближенного Дахир аль-‘Умара, командующего его магрибинской гвардией, Ахмад-аги Денгизли [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 10–11]. Автографа Йусуфа Шихаба под «кондициями» нет, к переговорам его не привлекали. Джаззару, прекрасно осознававшему, что ему грозит, попади он в руки эмира Йусуфа, удалось договориться о переходе со своими подчиненными на службу к шейху Дахиру [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 68]. На следующий день оставшиеся в живых 1 тыс. 200 солдат аль-Джаззара с оружием в руках – уже в статусе союзников – прошествовали через Западные ворота Бейрута. Джаззар покинул город, вывезя с собой накопленные деньги и имущество. Показательно, что его безопасный отъезд обеспечивал не только представитель Дахир аль-‘Умара, но и шейх Хусейн Тальхук со своей дружиной [11. С. 96–97]. Оппозиционная эмиру Йусуфу коалиция Йазбаки не упустила возможности продемонстрировать свою политическую ориентацию, отдав дань уважения защитникам города.

Однако не у одного аль-Джаззара были основания опасаться мести со стороны эмира. В подписанных «Кондициях» мы слышим и отголоски страхов горожан. В соглашении особо оговаривалось, что «Войско Российское и войско начальника Акрсакаго [шейха Дахира. – Т.К.] во время пребывания своего в городе не причинят городским обывателям никакого вреда и ненанесут им ни малейшей обиды ни в разсуждении их лица ниже имения; а еще должны войска сии быть их покровителями, и защищать их от войск друзских и всяких других, доколе в бережении их сей город остается» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 10 об.]. Без сомнения, этот пункт был вставлен в договор по настоянию бейрутцев.

Одновременно с выходом защитников города в Восточные ворота «со знаменами, с музыкою и барабанным боем» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 13–13 об.] вошли российские войска. Арнауты, а также отряд из 50 магрибинцев Денгизли были расквартированы в прибрежных башнях и по периметру крепостных стен.

Оккупация прошла без эксцессов. Отсутствие дружеских войск и дисциплинированное поведение «москвитов» произвели благоприятное впечатление на горожан. И. Войнович доносил, что «на первой случай обыватели кажутся быть довольными» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 13 об.], а прибывший в Бейрут 3 октября М.Г. Кожухов принял «благодарность» от бейрутцев «за хорошее поведение [гарнизона]» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 14]. В свою очередь, он приказал освободить 30 мужчин и женщин, захваченных в плен во время осады.

Точное число жертв среди бейрутцев неизвестно. В докладе Кожухова говорится только о 800 погибших солдатах аль-Джаззара [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 13 об.], при всей условности эта цифра кажется достаточно реалистичной. Что же касается «обывателей», то капитан оценивал число уцелевших в 3 тыс., причем, судя по контексту, имел в виду только мужчин. Вошедшие в местные хроники описания осады, а также отсутствие стенаний по многочисленным жертвам позволяют предположить, что погибло относительно немного мирных жителей: несколько десятков, возможно, одна-две сотни человек. Оккупационные войска не проявляли жестокости, и горожане могли надеяться, что отделались малой кровью, и их несчастья окончены. Однако у российского командования были свои планы.

Российские капитаны провели у «Сирских берегов» уже более трех месяцев, потеряли убитыми и ранеными 130 человек, корабли были повреждены, боезапас почти полностью расстрелян. Кожухов и Войнович жаждали обещанной контрибуции. Эмир Йусуф не отказывался заплатить россиянам положенные 300 тыс. пиастров, но просил времени, чтобы собрать деньги. Россияне же, со своей стороны, должны были выполнить оставшуюся часть «кондиций»: передать ему Бейрут.

Эта операция была проведена в два этапа. Войдя в город, российские солдаты первым делом приступили к восстановлению стен («чтоб могли защищаца» [2. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1948. Л. 8]), а также к размещению батарей. К 4 октября основные работы были закончены. Убедившись, что горожане не намерены сопротивляться, союзное командование приступило ко второму этапу оккупации. 5 октября магрибинцы Денгизли были отправлены обратно в Сайду, а на смену им прибыл друзский отряд из 40 человек, возглавляемый эмирами Йусуфом и Мансуром Шихабами [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 14 об.]. Устроенный россиянами торжественный салют стал знаком уважения и поддержки ливанских союзников. В город возвратились его прежние хозяева.

Кожухов с Войновичем отправились к шейху Дахиру в Акку, оставив комендантом Баумгартена, а Йусуф Шихаб приступил к сбору средств. Эмир, который во время военных действий, как язвительно писал Кожухов, «неокуражился неприятелем» [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 108], на этот раз действовал жестко. По свидетельству шеваляе де Толе, у горожан, чиня «бесконечные страдания», подручные эмира отбирали все: «деньги, ожерелья, пряжки, браслеты, товары» [20. Р. 212]. Арабские источники характеризуют действия друзов как «великое притеснение» [5. С. 320] местных мусульман. Очевидно,

с особым удовольствием Йусуф конфисковал находившееся в городе имущество лидеров коалиции Йазбаки [17. С. 395].

Содержащиеся в «Бейрутской церковной летописи» сведения о том, что деньги собирали также и с местных христиан [15. С. 98], не подтверждаются остальными хрониками. Желание православного летописца выгородить своих единоверцев понятно. Однако по какой причине не склонный к сентиментальности молодой эмир пощадил имущество бейрутских христиан? Подписанные с Кожуховым соглашения не содержали никаких ограничений на этот счет, «кондиции» лишь определяли будущее церквей.

Представляется, что милостивое отношение к христианам было инициативой самого Йусуфа Шихаба, который стремился заслужить благосклонность российских союзников. С этой же целью эмир, еще в детстве тайно обращенный в католичество Са‘адом аль-Хури, демонстрировал офицерам нательный крест [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 72] (6). До Ливана к тому времени должны были дойти вести о поддержке Россией восстания, поднятого греками Мореи (Пелопонесса) и ряда других областей; и Йусуф, действуя в привычной для него оси координат, принял политические устремления Екатерины II и ее военачальников за стремление вести войну за веру. В написанном на имя императрицы письме от 1 января 1774 г. религиозный лейтмотив звучал в полную силу, причем эмир делал акцент на благосклонном отношении к христианам со стороны его самого, его «предшественников и предков» [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 71]. Соответственно, Йусуфу требовалось зримое подтверждение своих слов, и лучшим доказательством могло послужить покровительственное отношение к бейрутским христианам.

Реквизиции разоряли мусульманскую общину города, и, опасаясь последствий, эмир решил подавить возможное сопротивление в зародыше. Он прибыл к коменданту Баумгартену и «объявил ему что жители Барута непоказывают свои преданности и велел отобрать у них оружие» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 15 об. – 16.]. Следует отметить, что владеть оружием, согласно шариату, христианам было запрещено, так что данная мера касалась только мусульман. Российское командование обнародовало требование «о приносе всем обывателям ружей под смертною казнию». Угроза мало кого напугала, и оружия сдали «весьма малое число».

Эмир продолжил разыгрывать свою интригу. Следующим шагом стал донос на «первейшего в городе писаря Саида Али», который был обвинен в саботаже требования коменданта. Солдаты под командованием служившего волонтером при российской эскадре барона фон Палена ворвались в дом османского служащего, который укрывался «в серале», – Кожухов не преминул добавить в свой рапорт пикантную деталь, – и доставили его к Баумгартену. Саид Али просил прощения, обещал обеспечить сдачу оружия и был отпущен.

Однако такой исход явно не устраивал эмира Йусуфа. На следующий вечер эмир выдвинул против Саида Али прямое обвинение в подготовке заговора. Якобы тот «сказал принцу наедине ежели вы дадите дозволение то довольно еще сил чтоб выгнать русских». Предполагаемый заговорщик был помещен

под караул в находившуюся за городом башню, с судов были присланы дополнительные войска, а пушки крепостных батарей развернуты в сторону городских кварталов. Эта демонстрация силы на бейрутцев подействовала, учинив «великий страх обывателям». Мусульмане внезапно осознали, что Саид Али «человек опасной и чрез его измену город все прежние несчастья терпел». Имевшееся у горожан оружие было беспрепятственно конфисковано.

Полтора месяца спустя наступил последний акт спланированного Йусуфом Шихабом действия. 2 декабря Саид Али по требованию эмира был передан ему из-под ареста и казнен. Сын писца, уже прошедший в октябре через публичное коленопреклонение перед эмиром, узнав о смерти отца, тут же дал все признательные показания, о которых «донести прежде страшился». Якобы замысел заговорщиков состоял в том, чтобы на рассвете по окончании рамадана «перерубить всех русских». Теперь Йусуф Шихаб мог быть полностью удовлетворен. Бейрутские мусульмане лишились лидера, были разоружены, их «ружья, сабли и пистолеты» пополнили арсенал эмира. Российское командование убедилось в преданности и полезности ливанского союзника, спасшего их от кровавой резни.

Насколько вероятна была угроза восстания? Начнем с того, что российские источники преувеличивают силу местного ополчения. Фигурирующие в репорте Кожухова сведения о 3 тыс. вооруженных горожанах, сражавшихся бок о бок с солдатами аль-Джазара, – невероятная цифра для небольшого поликонфессионального города. Мусульманская община Бейрута, в которой вряд ли насчитывалось намного больше 1 тыс. боеспособных мужчин, была деморализована тягостной осадой, 3-месячной бомбардировкой, капитуляцией гарнизона и последовавшей оккупацией. Ни одного зафиксированного в источниках эксцесса, ни одной попытки сопротивления или акта недовольства... кроме упомянутого «дела Саида Али», больше похожего на сведение эмиром Йусуфом старых счетов.

Сломив волю бейрутских мусульман, эмир с удвоенной силой продолжил выколачивать из них средства. И все же из 600 кошелев (300 тыс. пиастров), полагавшихся российской эскадре за взятие города, удалось выплатить только 500, причем 450 деньгами и 50 товарами [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 110 об.]. Оставшиеся 50 тыс. Йусуф Шихаб якобы не мог собрать из-за плохого урожая и разоренного состояния эмирата (7).

31 декабря 1773 г. командование эскадры получило последний денежный взнос, а 2 января 1774 г. с крепостных стен и башен были сняты караулы, и войска торжественным маршем «с распущенными знаменами и под барабанный бой», под звуки артиллерийского салюта выступили из города. Кожухов упоминал, что до самого берега за колонной следовала толпа «народа с приятным видом городских обывателей» [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 17 об.], то ли любопытствующих зевак, то ли местных христиан, провожавших единоверцев. Неделью спустя флот ушел с Бейрутского рейда [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 110 об.].

В знак того, что власть в городе сменилась, над приморскими башнями взмыли новые знамена. Два из них: зеленое с красной каймой и красное –

с зеленой [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 110 об.] были штандартами правящего эмира и поддерживавшего его могущественного клана Джумблат. Но современников поразили другие флаги, пересеченные большими крестами. Дойдя до Дамаска, эта новость была воспринята местным христианским хронистом как радостное известие о кресте, водруженном московитами над воротами Бейрута [4. С. 109; 8. С. 15]. В дальнейшем эти знамена однозначно идентифицировались историками как Андреевские стяги, что должно было символизировать сохранявшийся российский протекторат над владением эмира Йусуфа. Однако в своем рапорте капитан-лейтенант Кожухов описывал их как «флаги белые с прямыми в середине крестами» [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 17 об.].

Голубой прямой Георгиевский крест на белом фоне был символом греческих повстанцев, визуально перекликавшимся с того же цвета косым крестом Андреевского флага. Кто же поднял в оставленном российскими войсками Бейруте этот штандарт?

Дело в том, что в 1774 г. в городе остался отряд арнаутов. 23 ноября 1773 г. между капитаном Кожуховым и шейхом Дахиром был подписан договор о предоставлении последнему «войска Албанского находящегося ныне в Баруте, чтобы перевести оное... в Акру» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 12–13]. Соглашение касалось батальона Георгия Дуси, который поступал в личное подчинение шейха Дахира «для употребления противу Оттоманской Порты». Месячное жалование арнаутов удваивалось против того, что им платило российское командование [13. С. 404]. В договоре детально прописывалось и довольствие продуктами, включая обязательство ежедневно выдавать каждому солдату «сткляницу вина и другую водки ... а предводителям их и офицерам ... вдвое» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 12 об.]. Особо обговаривалась недопустимость попыток склонить бойцов батальона к смене вероисповедания.

Однако уговорить албанцев не удалось. 25 декабря офицеров батальона собрали на встречу с уполномоченным шейха «доном Симоном». Облеченный в монашескую рясу представитель семьи ас-Саббах демонстрировал албанцам контракт, уговаривал остаться на службе в Сирии и обещал «уступку жалования», но майор Дуси и его подчиненные, хорошо понимавшие все риски этого предприятия, «на оныя нимало несоглашались» [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 17]. Резкое сопротивление оказал и Ахмад-ага Денгизли. Старого командующего отнюдь не прельщала перспектива получить высокооплачиваемую воинскую часть, способную создать конкуренцию его магрибинцам. Кожухову Денгизли объявил, что «хотя трактат и заключен но он на таком великом жаловании [солдат] не принимает и принимать не будет» [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 17]. Российский командующий не стал упорствовать и приказал грузить арнаутов на суда.

В этот момент перехватить хотя бы часть наемников попытался эмир Йусуф. 26 декабря он объявил Кожухову о переходе к нему на службу капитана Епифания, уроженца о. Скопелос, и далматинца Андрея, помощника капитана полугалеры «Солоника» [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 17] (8).

Арнаутов удалось соблазнить не только деньгами, но и должностями. Епифаний был назначен командиром «над всеми приморскими крепостями»

[1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 17], то есть, как уточнял барон фон Пален, двумя прикрывавшими вход в порт башнями [2. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1948. Л. 6]. Андрей получил пост начальника артиллерии Бейрута (9). Орудийную батарею разместили за восточными воротами, и этому факту, как предположил ливанский историк Самир Кассир, была обязана своим названием образовавшаяся позднее на том же месте Пушечная площадь [23. Р. 95] (10). Всего в подчинение эмиру Йусуфу перешло около 40 арнаутов, такое число «русско-греков» насчитал в Бейруте французский консул на Кипре Б. Астье [21. Р. 314]. Ежегодно они получали от эмира 15 кошельков [8. С. 15], что составляло в среднем 15 пиастров в месяц на человека и примерно соответствовало размеру жалования, оговоренному в соглашении между Кожуховым и Дахиром от 23 ноября 1773 г.

Ни Кожухов, ни Войнович в рапортах не сообщили об этом оставшемся в Бейруте отряде. Арнауты выбыли с российской службы, и офицерам не хотелось о них вспоминать. Что касается самих греко-албанцев, то они явно пользовались благосклонностью эмира Йусуфа и вели себя так, будто находятся на территории, освобожденной от османского владычества. Арабский источник сообщал, что гарнизон продолжал по воскресным и праздничным дням торжественно поднимать флаги с крестами [15. С. 98; 5. С. 320]. Знамена с Георгиевским крестом, реявшие над покоренным городом, где, по преданию, св. Георгий Победоносец поверг змия, без сомнения, несли в себе особый смысл. Не менее символичен был и помещенный над главными городскими воротами образ, который французский консул в Триполи принял за портрет российской императрицы [20. Р. 106]. Весьма вероятно, что это была икона св. Екатерины, что ныне украшает бейрутский собор св. Георгия (11): с императорской короной на голове и руками, распростертыми над саблей и глобусом, святая заступница вызывала у горожан вполне понятные политические аллюзии [26]. Источник сообщал, что солдаты следили, чтобы всадники не забывали спешиваться перед образом, а прохожие – сгибаться в поклоне [20. Р. 106].

Нет сомнения, что эти действия были санкционированы Йусуфом Шихабом. Пребывание в Бейруте отряда арнаутов должно было убедить горожан, что за спиной эмира по-прежнему стоял могучий российский союзник, чей флот господствовал в Восточном Средиземноморье. Городской летописец продолжал называть греко-албанцев «московскими солдатами» [15. С. 98]. Пропагандистской цели, очевидно, служил и отразившийся в местной летописи слух о том, что отряд состоял из 100 человек [15. С. 98]. В конце 1774 г. эмир дал убежище в Бейруте и числившемуся на российской службе экипажу галиота грека Константина Дели, захватившему французский корвет и вырезавшему его команду [21. Р. 314] (12).

По-видимому, отношения арнаутов с бейрутцами складывались вполне мирно, по крайней мере, в летописях нет сообщений о каких-либо конфликтных ситуациях. Много позже, опираясь на хронику Хайдара аш-Шихаби, который называл капитана Елифания «Истыфаном» [18. С. 53] (13), а также на «народное предание», царский дипломат К.М. Базили упомянул, что русский офицер

«Степан» «командовал в Бейруте и оставил по себе хорошую память» [3. С. 83]. Вероятно, сыграло роль и отсутствие языкового барьера. Многие местные христиане были потомками греческих переселенцев, в значительной степени арабизировавшихся, но не забывших родной язык. Греческий использовался в православных церковных службах. Таким образом, греко-албанские солдаты не должны были испытывать сложности в коммуникации, по крайней мере с представителями православной общины города.

Весной 1775 г. ситуация переменилась. В соответствии с условиями подписанного Кючук-Кайнарджийского мирного договора Россия осенью 1774 г. начала вывод флота из Восточного Средиземноморья, а в марте – мае 1775 г. пределы османских владений покинули последние суда Архипелагской экспедиции. На их борту, в частности, были и пожелавшие переселиться в Россию греческие и албанские наемники с женами и детьми. Отрезанные от соотечественников, оставшиеся на Ближнем Востоке арнауты не приняли участие в эвакуации в Крым (14). Возможно, они о ней даже не знали или не надеялись, что покинувших службу солдат могут взять в Россию. В мае 1775 г. упомянутый консул Б. Астье доносил, что власти Горного Ливана выгнали из Бейрута «гарнизон руссо-греков», а также за выкуп в 4 тыс. пиастров отпустили капитана Константина Дели и 13 моряков его команды. «И те, и другие, – уточнял дипломат, – перешли на службу к шейху Дахиру» [21. Р. 314]. Устранение греко-албанского контингента из Бейрута прошло без эксцессов. Как сообщалось в местной хронике, «московские солдаты спустили знамя и покинули крепость и башни», передав их эмиру Йусуфу [15. С. 98].

В марте 1776 г. Джаззар-паша был назначен Портой правителем Сайдского пашалыка и вскоре, невзирая на сопротивление Йусуфа Шихаба, поставил Бейрут под свой контроль. Что касается членов различных религиозных общин, то судьба их складывалась по-разному. В то время как горожане-сунниты продолжали вести прежний образ жизни, а друзьям было запрещено являться в Бейрут, христиане бежали в горы и на протяжении 3 лет не решались вернуться в родной город, «тяготясь на чужбине бездействием и расходами» [15. С. 104]. Впрочем, в Горный Ливан бежали не все члены общины. Несколько купцов остались, очевидно, боясь бросить свои товары и тем самым превратившись в удобный объект для репрессий властей и сведения личных счетов. Православный хронист отмечал суровость действий кахьи аль-Джаззара, который управлял в те годы городом. Те торговцы, на кого мусульманские земляки донесли об их «вине во время войны с русскими», подверглись жестокой казни «посредством сажания на кол, подвешивания [через ребра] на крюк и повешения» [15. С. 104]. Не посчастливилось и тем христианским купцам, кто избежал обвинений в коллаборационизме. С них кахья потребовал денежных выплат. Торговцев помещали в тюрьму и отпускали только тех, кто мог найти поручителей и отправиться собирать требуемую сумму у скрывавшихся в горах родственников и друзей. Возможно, описывая репрессии, летописец сгустил краски, стремясь вызвать у читателей ассоциации с религиозными гонениями Римской эпохи. Но представляется вполне логичным, что аль-Джаззар

решил выжать деньги из общины, столь счастливо избежавшей реквизиций конца 1773 г., и действовал в своей манере: жестко и безжалостно.

Гонения прекратились только в конце 1778 – начале 1779 г. Христианский хронист объяснял их окончание заступничеством православного служащего бейрутской таможни Йунуса Никулы, которого связывали с аль-Джаззаром хорошие отношения [15. С. 104]. Личный фактор нельзя сбрасывать со счетов, однако обращает внимание, что в это же время Джаззар-паша примирился с эмиром Йусуфом. Эмир в обмен на выплату 100 тыс. пиастров добился своего утверждения в качестве правителя Горного Ливана (15). В Бейруте аль-Джаззару уже не было нужды преследовать местных христиан в качестве пособников своего врага. В свою очередь, обнадеженные мирным соглашением бейрутские христиане устремились в свои дома, пришедшие в разруху после постоя в них солдат аль-Джаззара.

Местная хроника отмечала, что «в Бейруте установились покой и безопасность», «между христианами и мусульманами царило полное согласие» [15. С. 106]. Более того, православный летописец с удовольствием констатировал, что «визирь Джаззар хорошо управлял жителями своей области, так что люди желали ему продолжительной жизни» [15. С. 106]. Можно сделать вывод, что спровоцированный действиями российской эскадры и ее ливанского союзника межобщинный конфликт был урегулирован.

Первая и вторая осады Бейрута, а также кратковременный период его оккупации выявили различия в поведении основных проживавших в городе этноконфессиональных групп. В июне 1772 г. христиане массово покинули город, предоставив его защиту мусульманам, годом позже они также не приняли активного участия в обороне. Однако на этом этапе «правоверным» было не в чем упрекнуть своих христианских земляков. Поведение обеих общин строго соответствовало исламским принципам религиозного устройства. Шариат возлагал ответственность за защиту Земель ислама (араб. Дар аль-ислам) на мусульман и запрещал «покровительствуемым» (араб. ахль аз-зимма), в частности христианам, носить оружие.

Другое дело – проявления измены и коллаборационизма со стороны местных христиан, упоминания о которых содержатся в источниках. В рапорте Кожухова сообщалось о перебежчиках-христианах, передававших российскому командованию точные сведения о численности войск и боевых потерях аль-Джаззара, запасах имевшегося в крепости провианта [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 8-8 об.]. Данных о дезертирах-мусульманах в документах не встречалось. Реявшие над городскими башнями Георгиевские кресты, украшавший ворота образ св. Екатерины также должны были наполнять бейрутских христиан радостью и надеждами. И, конечно, то, что их дома обошли подручные эмира Йусуфа, выбивавшие деньги и ценности для выплаты россиянам контрибуции, христиане не могли не считать милостью Господней.

Не приходится сомневаться, что настроения бейрутских мусульман были противоположными. Община пострадала во время боев с «московитами», впоследствии была разоружена и ограблена, унижена знаками христианского

господства, вывешенными греко-албанцами. Поэтому обрушившиеся на христиан в 1776 г. репрессии должны были восприниматься мусульманами как справедливое возмездие.

Перемены в системе этноконфессиональных отношений, наблюдавшиеся в Бейруте в 1773–1776 гг., происходили на ограниченном пространстве небольшого города. Но в них слышатся первые толчки потрясений, прогремевших в Египте во время экспедиции Наполеона Бонапарта 1798–1801 гг. и окончательно разрушивших традиционное межрелигиозное устройство в годы оккупации Сирии Мухаммадом Али в 1831–1840 гг., друзско-маронитских войн 1842–1860 гг. и реформ Танзимата. Очевидно, что члены иноверных общин тяготились теми социальными и бытовыми ограничениями, которые налагались на них в Османском государстве. Давление европейских держав и поддержка сепаратистски настроенных правителей разжигали тлеющее недовольство зимми, провоцируя наиболее радикальную их часть к ниспровержению устоявшихся порядков. Это вызывало резкую ответную реакцию со стороны мусульман.

Для Османской Сирии, включая Горный Ливан и Бейрут, значение российской интервенции не ограничилось тем фактом, что регион впервые стал объектом мировой политики и оказался вовлечен в серьезный международный конфликт, как то подчеркивали арабские исследователи [25. Р. 15; 23. Р. 76]. История Бейрута 1772–1776 гг. является миниатюрной моделью тектонических процессов, до неузнаваемости изменивших социально-политический ландшафт арабо-османского мира в XIX – начале XX в. Вторжение европейской державы, разворот в ее сторону местного сепаратистски настроенного правителя, принятие идеи господства неисламского государства и противодействие этому лояльных Порте мусульманских властей, набухающий нарыв этноконфессиональных противоречий, – все это еще было новым для Ближнего Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В российских документах эмиры и шейхи назывались «князья и начальники» [1. Ф. 315. Оп. 1. Д. 607. Л. 1] или «князья и головы» [1. Л. 6]. Иногда последние именовались «капами». Очевидно, под таковыми имелись в виду ливанские феодалы-муката‘аджи или манасиб, имевшие голос в выборах правящего эмира.
- (2) Понятие «химайа» было распространено в арабо-османском официальном и бытовом вокабуляре, охватывая широкий спектр взаимоотношений: от «крышевания» вооруженными формированиями торговцев и ремесленников до «вассалитета» по отношению к султанской власти.
- (3) Французский консул оценивал численность приведенных Йусуфом Шихабом под стены города войск в 20 тыс. человек [20. Р. 211], российские источники говорят о 8-тысячной армии эмира [1. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 4 об.]. К тому времени ливанский рейд был уже более месяца заперт кораблями шейха Дахира при поддержке пары российских судов.

- (4) «Байрут, – отмечал позднее П.П. Львов, – представляет грязный амфитеатр жилищ, набросанных в тесной массе по каменистым утесам» [12. С. 226].
- (5) В письме графу А.Г. Орлову эмир Йусуф характеризовал свое ополчение как людей «почти ничего не наученных воинскому искусству, но весьма храбрых, естли не помышляют измены» [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 91. Л. 72].
- (6) Данный факт был неизвестен западным и арабским историкам. Первым правящим эмиром, тайно исповедовавшим христианство, считался младший брат Йусуфа Сайид-Ахмад, ненадолго ставший главой Горного Ливана в 1778 г. Впрочем, американский исследователь ливанского происхождения Илия Харик оговаривался, что, учитывая секретность смены веры, и до Сайида-Ахмада могли быть правящие эмиры, перешедшие из суннитского ислама в христианство маронитского толка [22. Р. 42].
- (7) «Дурная погода и бедность моего владения по притчине непрерывной войны», как он сам оправдывался пред адмиралом Г.А. Спиридовым [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 9. Л. 75].
- (8) Барон фон Пален записал в своем дневнике, что Епифаний был уроженцем Лемны (Лемноса) [2. Оп. 16. Д. 1948. Л. 6]. Впрочем, эти острова относительно близко расположены.
- (9) Пушек эмиру Йусуфу не хватало, и он направил гр. Орлову письмо с просьбой прислать орудия и боеприпасы [1. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 76].
- (10) Эта площадь, в обиходе называемая горожанами Бурдж (араб. Башня), пережила ряд перестроек и переименований: ал-Хамидийа, площадь Мучеников.
- (11) Иконостас был подарен храму в 1783 г. местным торговцем Йунусом аль-Джбейли, соответственно иконы были написаны до этой даты.
- (12) Начатое французским консулом на Кипре Б. Астье расследование фактически поставило К. Дели и его матросов вне закона, очевидно, по этой причине они предпочли укрыться в Бейруте.
- (13) Отметим, что в арабском языке нет буквы «п». Впрочем, возможно, ливанцам запомнился «капитан Стефано», командовавший одной из рот албанского батальона.
- (14) Подробнее о переселении «греко-албанцев» в Крым см.: [9. С. 5-13].
- (15) Подробнее об этих событиях см.: [24. Р. 61-65].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ).
- [2] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
- [3] Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. Иерусалим/Москва, 2007.
- [4] Брайк Михаил. Тарих аш-Шам, 1720–1782 (История Сирии 1720–1782). Дамаск, 1982.
- [5] аль-Джамил Илийас. Байна Лубнан ва Русийа фи ‘ахд аш-Шихабийин (Между Ливаном и Россией в эпоху Шихабов) // Тарих Ахмад баша ал-Джаззар (История Ахмад-паши ал-Джаззара). [Бейрут], [1955].
- [6] Йанни Джирджи. Тарих Сурийа (История Сирии) // Байрут фи-ль-мусаннафат аль-‘арабийа. Нусус мухтара (Бейрут в арабских сочинениях. Сборник текстов). Под ред. Йусуфа Хури. Бейрут, 1995.
- [7] Константинопольский И.Г. Общественно-политическая история Бейрута в конце XVIII – начале XIX вв. Дипл. раб. на соиск. степ. магистра. М., 2008.
- [8] аль-Мунаййир Хананийа. Ад-дурр аль-марсуф фи тарих аш-Шуф (Нанизанные жемчуга истории [округа] Шуф). Байрут, 1984.

- [9] Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII–XIX веков. Исторические очерки. СПб., 2008.
- [10] ас-Саббаг‘Аббуд. Ар-рауд аз-захир фи тарих Дахир (Цветущий сад истории Дахира). Газа, 2002.
- [11] ас-Саббаг Михаил Никула. Тарих шейх аль-‘Умар аз-Зайдани (История шейха Дахира аль-‘Умара аз-Зайдани). Каир, 2010.
- [12] Сирия и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX в. М., 1991.
- [13] Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.
- [14] Соколов А.П. История Архипелагския кампании, 1769–74 года // Записки гидрографического департамента морского министерства. Часть VII. СПб., 1849.
- [15] Трад ‘Абдаллах ибн Михаил. Мухтасар тарих аль-асакифа аль-лазина ракку мартабат риасат аль-кахнут аль-джалила фи мадинат Байрут (Краткая история епископов, возведенных в высокий сан первосвященников города Бейрута). Бейрут, 2002.
- [16] Хметевский С.П. Журнал // Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.
- [17] аш-Шидьяк Танус. Китаб ахбар аль-‘ыйян фи Джабаль Любнан (Книга достоверных событий Ливанских гор). Бейрут, 1858.
- [18] аш-Шихаби Хайдар Ахмад. Тарих Ахмад баша.
- [19] аш-Шихаби Хайдар Ахмад. Любнан фи ‘ахд аль-умара’ аш-Шихабийин (Ливан в эпоху эмиров Шихабов). Бейрут, 1933.
- [20] Charles-Roux Fr. Les échelles de Syrie et de Palestine au XVIIIe siècle. Paris, 1928.
- [21] Documents consulaires. Lettres reçues par le chargé d’affaires du Roi à Malte au XVIII-ème siècle. T. I. Vol. 5. P.
- [22] Harik, Iliya F. Politics and Change in a Traditional Society Lebanon, 1711–1845. Princeton, New Jersey, 1968.
- [23] Kassir S. Histoire de Beyrouth. P., 2008.
- [24] Philipp T. Acre. The Rise and Fall of a Palestinian City, 1730–1831. N.Y., 2001.
- [25] Salibi, Kamal S. The Modern history of Lebanon. Delmar, 2004.
- [26] https://www.instagram.com/p/BNOKhs_A6W0/

REFERENCES

- [1] Russian State Archive of Navy (RSAN).
- [2] Russian State Archive of the Military History (RSAMH).
- [3] Basily K.M. Syria and Palestine under Ottoman Government in the Historical and Political Attitudes [Siria i Palestina pod turetskim pravitelstvom v istoricheskom i politicheskom otnosheniyah]. Jerusalem/ Moscow, 2007.
- [4] Brayk Mikhail. Tarikh al-Sham, 1720–1782 [History of Syria, 1720–1782]. Damascus, 1982.
- [5] al-Jamil Ilyas. Beina Lubnan wa Russiya fi ‘ahd al-Shihabiyyin [Between Lebanon and Russia at the epoch of al-Shihabs] // Tarikh Ahmad-basha al-Jazzar [History of Ahmad-pasha al-Jazzar]. [Beirut], 1955.
- [6] Yanni Jirji. Tarikh Suriya [History of Syria] // Bairut fi-l-musannfat al-‘arabiya. Nusus mukhtara [Beirut in the Arab Works. Collection of Texts]. Under red. of Yussuf al-Khuri. Beirut, 1995.

- [7] Konstantinopolsky I.G. *Obshestvenno-politicheskaya istoriya Beiruta v kontse XVIII – nachale XIX v.* [The Social-Political History of Beirut at the End of XVIII – Beginning of XIX century]. Text of Phd. Moscow, 2008.
- [8] al-Munayyir Hananiya. *Al-durr al-marsuf fi tarikh al-Shuf* [The Strung Pearls of the History of Shuf]. Beirut, 1984.
- [9] Priahin Y.D. *Greki v istorii Rossii XVIII-XIX vv. Istoricheskiye ocherki* [Greeks in the Russian History of XVIII–XIX Centuries. Historical Essays]. St. Petersburg, 2008.
- [10] al-Sabbag ‘Abbud. *Al-Rawd az-zahir fi tarikh Dhahir* [Flower Garden from the History of Dhahir]. Gaza, 2002.
- [11] al-Sabbag Mikhail Nikula. *Tarikh sheikh al-‘Umar al-Zaydani* [The History of Sheikh al-‘Umar al-Zaydani]. Cairo, 2010.
- [12] *Siriya i Palestina v opisaniyah rossiyskih puteshestvennikov, konsulskih i voyennykh obzorah pervoi poloviny XIX v.* [Syria and Palestine in the Descriptions of Russian Travelers, the Consular and Military Reviews of the First Part of XIX century]. Moscow, 1991.
- [13] Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya E.B. *Rossiya v Sredizemnomorye. Arhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoy* [Russia in the Mediterranean. The Archipelago’s Expedition of Catherine the Great]. Moscow, 2011.
- [14] Sokolov A.P. *Istoriya Arhipelagskiy kampanii 1769–74 goda* [The History of Archipelago’s Campaign 1769–74] // *Zapiski gidrograficheskogo departaments morskogo ministerstva* [The Briefs of Hydrographic Department of the Navy Ministry]. Part VII. St. Petersburg, 1849.
- [15] Trad ‘Abdallah ibn Mikhail. *Mukhtasar tarikh al-asakifa al-lazina rakku martabat piasat al-kahnut al-jalila fi madinat Bairut* [The Short History of Bishops Sanitized to the Rank of High Priests of the Town of Beirut]. Beirut, 2002.
- [16] Hmetevskiy S.P. *Journal [Logbook]* // Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya E.B. *Rossiya v Sredizemnomorye. Arhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoy* [Russia in the Mediterranean. The Archipelago’s Expedition of Catherine the Great]. Moscow, 2011.
- [17] al-Shidyak Tanus. *Kitab akhbar al-‘iyan fi Jabal Lubnan* [The Book of the Truthful Events of the Mountain Lebanon]. Beirut, 1858.
- [18] al-Shihabi Haydar Ahmad. *Tarikh Ahmad Basha al-Jazzar* [The History of Ahmad-pasha al-Jazzar]. Beirut, 1955.
- [19] al-Shihabi Haydar Ahmad. *Lubnan fi ‘ahd al-umara’ al-Shihabiyyin* [The Lebanon at the Age of Emirs al-Shihabs]. Beirut, 1933.
- [20] Charles-Roux Fr. *Les échelles de Syrie et de Palestine au XVIIIe siècle*. Paris, 1928.
- [21] *Documents consulaires. Lettres reçues par le chargé d’affaires du Roi à Malte au XVIII-ème siècle*. T. I. Vol. 5. P.
- [22] Harik, Iliya F. *Politics and Change in a Traditional Society Lebanon, 1711–1845*. Princeton, New Jersey, 1968.
- [23] Kassir S. *Histoire de Beyrouth*. P., 2008.
- [24] Philipp T. Acre. *The Rise and Fall of a Palestinian City, 1730–1831*. N.Y., 2001.
- [25] Salibi, Kamal S. *The Modern history of Lebanon*. Delmar, 2004.
- [26] https://www.instagram.com/p/BNOKhs_A6W0/

Beirut under Russian rule

Part 2. The siege and the occupation (1773–1774)

Taras Y. Kobishchanov

Institute of Asian and African Studies (IAAS), Moscow State University (MSU)
11 Mohovaya St., Moscow, 125009, Russia

During the Russian-Ottoman war of 1768–1774 Russia became the first European country that invaded Middle East in the Modern times and even for the short period occupied its part: the town of Beirut. The events that preceded the assault and capture of the town were fixed by the local chroniclers and Russian officers; as well they were reflected in the messages of Arab rulers and the reports of the diplomats residing in Syria. As a result the volumetric picture of the society is emerging that for the first time faced the colonial expansion of the modernized Europe. The second part of presented article presents the picture of life of the town during the siege of 1773 and its following Russian troops' occupation, that at first indeed took place, and then imaginary. Special attention is paid to the changes in the system of co-existence of different ethno-religious communities of Beirut.

Keywords: Beirut, Syria, Archipelago expedition, Youssuf Shihab, Dahir al-Umar

Информация об авторе / Information about the author

Кобищанов Тарас Юрьевич, доцент кафедры Истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки (ИСАА) Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: kobischanov@mail.ru

Taras Y. Kobishchanov, Assistant Professor at the Chair of History of the Near and Middle East' Countries, Institute of Asian and African Studies (IAAS), Lomonosov Moscow State University (MSU). E-mail: kobischanov@mail.ru

Для цитирования / For citation

Кобищанов Т.Ю. Бейрут под российским правлением. Часть 2. Осада и оккупация (1773–1774) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019.Т. 11. № 1. С. 16–33. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-16-33>

Kobishchanov T.Y. Beirut under Russian rule. Part 2. The siege and the occupation (1773–1774) // RUDN Journal of World History. 2019. Vol. 11. No. 1. Pp. 16–33. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-16-33>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 02.08.2018

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-1-34-43

Research article

Ethnic and cultural issues of Uyghurs identity in Xinjiang region³

Tatyana I. Ponka, Anastasia E. Shlentova, Andrey A. Ivashkevich

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

The Uyghurs are a Turkic-Muslim minority in the People's Republic of China (PRC), their native language belongs to a Turkic language family and is written on the basis of Arabic graphics, and regard themselves as culturally and ethnically close to Central Asian nations. This article deals with the issue of the Uyghur identity role in the case of the Xinjiang Uygur Autonomous Region (XUAR) in China and its manifestations in relation to Chinese policy in the region. In order to study this issue the article analyzes the Uyghurs' attitude towards the Han Chinese migrants and their reaction towards Mandarin tuition as well as the salience of Islam faith as a crucial identity marker.

Keywords: Identity; China; Uyghurs; Culture; Islam; Minorities

Introduction

Human history demonstrates that cultural differences can become a ground for intensification of disputes and tensions. Some scholars state that differences in culture can lay the ground for deep psychological animosity [1, 2]. Others pay attention to how elements of culture may hinder an effective communication, which brings about misunderstandings and acts of violence [3].

Social identity theory, described by R. Brown [4] within the frameworks of social psychology, is founded on the idea that humans, by nature, are able to distinguish between various conditions, entities and behavior. This ability represents a functional cognitive process, which is essential for basic interactions. This ability easily leads to the formation of in-groups and out-groups division of “us” and “others”, which helps individuals to build mental constructs for setting, guiding and navigating behavior and social interactions. Another important point is that individuals perceive the salience of those identities depending on circumstances and setting. The most basic one among them is when representatives of one identity encounter ones of a different identity and the latter join their group. This phenomenon and its consequences have been demon-

© Ponka T.I., Shlentova A.E., Ivashkevich A.A., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

strated in the research, conducted by Steele, Spencer, and Aronson in 2002 [5] which explains why the issue of identity is greater in majority–minority relationships. Thus, once an identity becomes a salient aspect of an issue and reinforces the idea of “us” and “others”, the dispute propensity and even riots become more likely to occur.

This analysis is dedicated to examining the case of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region (XUAR) in China, where the issue of identity has become a matter of considerable significance. The relationship between the dominant and the minor identities is defined as the centre of contemporary disputes, where minor identity, involving strong connection to history, beliefs and culture lay the foundation for the polarisation between “us” and “others” [6]. This very fact marks the relevance of the research. The main question for this analysis is: What role does the Uyghur identity play in the relative region`s case?

Uyghur identity review and its factor in relations with the Han

First, it should be kept in mind that Uyghur society is characterized by a considerable salience of religious devotion and Islam as an integral part of their lifestyle and identity as well as strengthening affiliation with the global Muslim community (Ummah). However, in the contemporary XUAR there exist some types of internal religious division, namely, the contradiction between Sunni and Shia Islam, various Sufi practices or local religious traditions and reformist orthodox practices.

Secondly, it is possible to find a various intragroup divisions within the Uyghurs, which is stated by another scholar, who examines the question of Uyghur identity, J. Rudelson. His research separates Uyghurs by geographical factor – according to certain areas of residence affiliation – and by the social groups based on occupation [7: 168]. He argues that among geographically marked groups, one can observe a certain atmosphere of local competition. For example, Uyghurs usually tend to assert that their hometown is better than any others and tend to prescribe unique character`s features to citizens of different villages and towns. Considering social groups, Rudelson describes the following three categories: peasants, merchants and intellectuals. His analysis states, poor peasants tend to identify themselves with Islamic world, whereas wealthy peasants the merchants, who may travel to other regions, are more prone to see themselves as multicultural citizenship of Chinese country. The last group, intellectuals, perceive themselves as both the People`s Republic of China (PRC) citizens and a part of the Turkic ethnicity.

Another boundary-marker appeared not so long ago and distinguishes Uyghurs according to the language they were educated in: the *minkaohan* (in Mandarin language) and the *minkaomin* (in Uyghur language). This division led to the intragroup polarization as “minkaomin education is not taken seriously by non-Uyghur employers. <...> In turn, they [minkaomin] often resent minkaohan students as opportunistic and unfaithful to their own heritage” [8].

The existence of internal identity markers shows the hybridity of Uyghur identity. However, another researcher J. Smith Finley points out its later dynamic of consolidation, which is driven by “external” factors of a new religious, cultural and socio-economic perceived threat from Han migrants [9]. In the 1950s, the Chinese

government launched an active policy of economic development for the region, which resulted in the construction of infrastructure – schools, hospitals, modern houses, highways and railways, and included a considerable migration policy of Han Chinese with two major goals: to provide high quality personnel and ensure the better and faster assimilation of the region and its inhabitants. At that date the region's population was quite homogenous: approximately 75% Uyghurs, less than 5% Han Chinese [10: 306]. The pace of migration has been increasing over the past half century, especially with the construction of railways and highways. This process led to the fact that the number of migrants in Xinjiang gradually began to approach the number of local residents. In 2008 the demographic comprised around 46% Uyghur and 39% Han Chinese [11: 121].

At the very beginning of their relations Hans and Uyghurs did not face serious disagreements [12]. However, the situation started to aggravate since “The Great Leap Forward” campaign, initiated in 1958, when some Uyghur political leaders were accused of nationalism and sent to labor camps. The famine that struck the country after the “Great leap” further intensified hostility towards the Han people. Things became even worse after The Cultural Revolution, which was aimed to remove the remnants of traditional elements from Chinese society, including symbols of religious devotion: thus, the “Red Guards” destroyed Mosques and publicly burned Korans. The consequences of the Cultural Revolution had a strong negative impact on the relationship of Hans and local ethnic groups.

Besides, if initially the Han people settled in so-called “New Towns” separated from Uyghur “Old Towns”, which was the reason for limiting contacts, recently, new migrants began to settle not only in cities, but also in rural areas. In addition, the Uyghurs themselves moved to areas populated by Han migrants, as this opened up new opportunities for finding well-paid jobs, new markets and the opportunity for a better education. As a result, the interaction between Hans and Uyghurs, as well as the pressure on fragile ethnic boundaries has increased, making religious-cultural differences harder to manage.

In the long run, the growth of the Han population led to the fact that, while making up the majority in some urban areas of XUAR, new migrants saw no reason and did not want to adapt to the Uyghur culture. Instead, they expected the Uyghurs themselves to adapt to the Han culture [12: 173]. The situation resulted in the Uyghurs accusing the Hans of great chauvinism and the process of a voluntary social segregation. According to J. Smith Finley, it serves as a means of differentiating a united ethnic identity. With the exception of business, the Uyghurs almost do not communicate with the Hans and demonstrate a public condemnation of Uyghur-Han connections, explaining it by the Uyghur Islam-rooted national customs, which are difficult for non-Muslims to understand [9].

Moreover, as the British researcher Joan N. Smith notes, from the 1990s the Uyghurs started deliberately intensifying and exaggerating the cultural and religious differences between themselves and the Han as a means of protecting their ethnicity from disappearance among Chinese migrants and differentiating a united ethnic identity in reaction to perceived competition from Han immigrants in various social

spheres. This tendency of intentional and voluntary segregation is described by a public disapproval of Uyghur-Han intermarriages and broad unwillingness to communicate with the Hans in various social situations that is explained by the Uyghur Islam-rooted national customs, which are difficult for non-Muslims to understand [12].

It should be noted, that neither side wants to compromise the situation and strictly adheres to its stereotype of behavior. The outcome of this was the deliberate confrontation of the two completely different types of life patterns, and Uyghurs' current attitude towards the Han is characterized by bitterness and a sense of injustice.

Attitude towards the institutionalization of Chinese language

Another factor contributing to the consolidation of Uyghurs in opposing their ethnicity to the Han people was the issue of language. During the second half of the 20th century Mandarin became an official language in public and educational institutions. As a result, urban Uyghurs living in cities were caught in a network of socio-economic disadvantages. In order to have a chance for a good job, the Uyghurs have to have the same level of education as the Han migrants, which is impossible without studying at school where teaching is conducted in Chinese (a Han Chinese school). All this led to a large level of unemployment among the Uyghur population, and increasingly the Uyghurs' bitterness against the Han occupying the "white-collar posts" [9: 51–53]. So, the overwhelming majority of Uyghurs feel that in order to succeed on the job market they have to master Mandarin.

Since the mid-1980s the PRC government has taken the course for gradual institution of compulsory Chinese education to achieve successful minority's inclusion and full minority-Han communicability. To support this goal, Uyghur language schools began to teach Chinese in the third grade instead of the first year of middle school. In addition, intensive teacher training was implemented. By the beginning of 2015, more than 2 million ethnic minority students (which accounts for 75% of all kindergarten, primary and middle students) have been studying under bilingual program; most of them are from cities and only a small amount – from southern rural areas [13]. The Communist Party of China (CPC) has repeatedly outlined the salience of bilingual education for minority children and regional development [13, 14]. However, a number of Uyghurs complain about such policy, because they perceive it to be an assault on their culture. The Uyghur Human Rights Project (UHRP) voices concern that there are not many Uyghur schools compared to the Chinese ones and they receive less amount of public financing; the majority of school textbooks are only written in Mandarin language; with the exception of minority languages and literature, courses at Xinjiang University are taught solely in Chinese [15]. In addition, there appeared common negative effects of the increased mandarin-focused bilingual education in Xinjiang, which always followed the situations when minority-children have to study in a foreign language [15]. The UHRP insists that the method of language immersion as currently practiced in XUAR results in a poor education for minority students, as, firstly, the added pressure of learning in a second language has repeatedly proved to have negative effect on a child's development and

motivation, which in turn leads to frustration and higher dropout rates, and, secondly, vast majority of Han Chinese teachers are not bilingual and can only speak Mandarin [15, 16].

Besides, the situation is even more complicated by the fact that many Uyghur parents do not want to send their children to the Han schools because, on the one hand, they fear ethnic discrimination of their children by Han Chinese classmates, and on the other – wish to preserve the national Uyghur culture through Uyghur education [17: 24].

Thus, Uyghurs appear to be caught in the network of collisions. On the one hand, being a part of a multinational country implies that they should objectively master the national common language to succeed. On the other hand, the fact, underlined by some scholars and the UHRP that Uyghurs see their language as a crucial identity marker, causes the opposition towards the Mandarin tuition. The conditions for children's ability to successfully master Chinese is complicated by the deep-rooted tradition in Uyghur society to only speak in native language among themselves. As a result, students speak and write in Chinese at school (and sometimes Uyghur teachers are not fluent enough in Chinese), and then go home where all conversations are done in Uyghur language. What is more, as it was mentioned above, Hans themselves are reluctant to adapt to Uyghurs' traditions and use their language, even those occupying official positions [18, 9: 169].

Culture and religion

The CPC expresses strong disagreement with accusations of oppression of the minorities' right to freedom of religion. However, a strict government policy aimed at religion's control does take place. As Xi Jinping pointed out at the Central Religious Work Conference in 2016, religious groups should “merge [their] doctrines with Chinese culture” while keeping religion out of politics, government affairs, and education [19]. Some measures clearly represent the intentions to interfere in and regulate the most personal aspects of Muslims' lives. So, it is officially forbidden to attend the mosque before age 18. Another example is an announcement made by the Shayar County government that called for the citizens to inform the authorities of “suspicious conduct of 18 different religious activities”[20] for the reward. Some measures clearly represent the intentions to interfere in and regulate the most personal aspects of Uyghurs' lives. From time to time, there appears information considering the ban on fasting during Ramadan, which manifested in a way when Uyghurs were obliged to eat at work or at school. One of the Uyghur Human Rights Project reports expresses concern about recent measures preventing Uyghurs from choosing state restricted names for their newborn children, as they are determined to be an expression of extremist Islam or “splittism” [21].

All these cases embody a common attitude towards Islam, which reigns in the CPC. However, Islam and its rituals play a central role in Uyghur identity, and a significant number of Uyghurs express discontent with government's supervision over their religious practices and perceive Islam as “the sole remaining certainty in a society which allows us [Uyghurs] no space” [9: 281]. Some government initiatives may be perceived painfully if they somehow contradict to Islam tradi-

tions. For example, the family planning policy (despite being even more flexible than the same policy towards the Han – rural Uyghurs in Xinjiang have been allowed to have maximum of three children and urban population – of two) met a high complaint among Uyghurs as they saw children as “Allah’s blessing”.

During her research, J. Smith Finley states that one can observe a revival of Islam within the Uyghur community, which portrays both a search for religious purity and a way to express and demonstrate its Identity and protect it from disappearance. The other reason is a consequential defensive reaction against official attitude, which tends to equate Islam and terrorism or extremism as well as portray Uyghurs as susceptible to the “Three Evil Forces” of separatism, terrorism, and extremism [22]. According to one of J. Smith Finley’s respondents, “I suppose Islam is stronger now because the government is trying to block religious activities. If the government tries to block or limit Islam, then people’s faith only becomes stronger” [9: 165].

Another salient identity maker is clothing and appearance, especially in Islam tradition. However, as it was aforementioned, the Uyghurs face some government initiative to constrain Muslims in this sphere as well by placing restrictions on the practice of Islam traditions. So, in 2014 the authorities of Qaramay and Ghulja issued the temporary ban on using the public transport for so-called “Five People”, which implied men with long beards, women wearing hijab, jilbab or veils, and individuals wearing clothes with the logo of a crescent moon and stars, which are attributes of the East Turkestan flag. [23]. The prohibition was explained by the need to strengthen public transport safety and combat manifestations of religious extremism. This policy was followed by the permanent banning regulation which was passed at the 21st Meeting of the 15th Standing Committee of the Urumqi People’s Congress in December of the same year and came into power on February 1, 2015 [24]. This regulation implied a total ban on attending public spaces in the XUAR capital, Urumqi, for individuals wearing full-faced Islamic veil and full-body covering. The implemented ban was again tied to security reasons: in order not to impede police personnel to identify individuals, as well as to the fact that those types of clothing were associated with religious extremism and that Islamic clothing is “abnormal” attire [25]. In this way, the new policy happens to be imprudent and fails to accept the nuanced identity symbols for Muslim communities, by belittling their significance to a simple clothing choice.

Nevertheless, some scholars [9, 25–26] argue a growth of Uyghurs wearing veils and long beards following the ethnic clashes in 1990-s and 2009, which can be considered as an example of how representation of identity might change as a reaction to outside pressure as a defense of one’s identity.

In 2003 the state’s Information Office published a “White paper”, which stated that religious extremists had “politicized the unstandardized geographical term ‘East Turkistan’, and fabricated an ‘ideological and theoretical system’ on the so-called ‘independence of East Turkistan’ on the basis of the allegation cooked up by the old colonialists” [27]. This rhetoric has changed over time, it is emphasized that “religious extremism betrays and distorts religious doctrines, deludes and deceives the public, particularly young people, with their fallacies, and changes some people into extremists and terrorists completely under its control” [28]. However, the main

idea, that the government will continue taking “active measures to make religions to adapt to socialist society, and prevents the use of religion in interfering in the administrative, judicial, educational and other social affairs” [28]. Such stance objectively causes grievance in Muslim community, as markers of Islam faith and culture traditionally manifest in all their life spheres. Moreover, this process of labeling cultural and religious practices as abnormal, and linking them to violent extremism creates an association of the Uyghur identity with terrorism. So, the CPC by associating Uyghurs with terrorism – even if indirectly – represents them as a “foe” and establishes the foundation which strengthens the boundary definition of Uyghurs’ “self” contrast to Hans’ “other”. Moreover, taking into account identities are flexible, the Chinese government by treating Uyghurs as an “enemy” may itself create a self-fulfilling prophecy, potentially resulting in them behaving as such.

Conclusion

In response to the main research question “What role does the Uyghur identity play in the relative region’s case?” it can be stated that the idea of “Us against Them” and salience of identity is clearly visible, and the analysis supports the idea that the issue of identity serves as a battleground in Xinjiang region. However, the increasing manifestation of Uyghurs identity can be considered to be more of the effect rather than the reason of the tensions, as it initially did not provoke any problems with the government. Yet the latest tendencies demonstrate a significant growth of identity’s issue for Uyghurs, which fuels the disagreements, and may prolong them to a point of intractability.

The research concludes that the Uyghurs close in upon themselves and begin to react painfully to everything new that is connected with Chinese culture and lifestyle, which may also be caused by two facts. Firstly, identity boundary symbols have become a way of an indirect resistance to the perceived threat of the PRC policy. Secondly, as Islam is a cornerstone of Uyghurs’ culture, the policy of treating it as a violent force related to terrorism and extremism leads to the animosity and adds more disputes. In addition, there is some visible hostility towards Han migrants, as Uyghurs try to emphasize their differences with Chinese and strengthen the boundaries between the two identities. Such pattern, which sharply distinguishes different types of cultures, inevitably leads to tensions.

Nevertheless, it would be improper to label this case as an “ethnic conflict”. Instead, the issues of Xinjiang would be more correctly to describe as partly a failure of China to successfully address minority’s wishes and effectively integrate them.

REFERENCES

- [1] Connor W. *Ethnonationalism: The Quest for Understanding*. Princeton, New York: Princeton University Press; 1994.
- [2] Huntington SP. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon and Schuster; 1996.

- [3] Comor E. The Role of Communication in Global Civil Society. *International Studies Quarterly*. 2001 Sept;45(3):389–408. doi: 10.1111/0020-8833.00206.
- [4] Brown R. Social Identity Theory: Past Achievements, Current Problems and Future Challenges. *European Journal of Social Psychology*. 2000; 30(6):745–778. doi: 10.1002/1099-0992(200011/12)30:6<745::AID-EJSP24>3.0.CO;2-O.
- [5] Steele CM, Spencer S, Aronson J. Contending with Group Image: The Psychology of Stereotype and Social Identity Threat. *Advances in Experimental Social Psychology*. 2002.(34): 379–440. doi: 10.1016/S0065-2601(02)80009-0.
- [6] Kaldor M. Identity and War. *Global Policy*. 2013 Nov;4(4):336-346. doi: 10.1111/1758-5899.12084.
- [7] Rudelson JJ. *Oasis Identities, Uyghur Nationalism Along China’s Silk Road*. New York: Columbia University Press; 1997.
- [8] Palmer J. Blood and Fear in Xinjiang. *Foreign Policy*. 2014 March 2. Available at: <https://foreignpolicy.com/2014/03/02/blood-and-fear-in-xinjiang/>. Accessed: Nov 4, 2018.
- [9] Smith Finley J. *The Art of Symbolic Resistance: Uyghur Identities and Uyghur-Han relations in Contemporary Xinjiang*. Leiden and Boston: Brill, 2013.
- [10] Millward JA. *Euroasian Crossroads: A History of Xinjiang*. London: Hurst & Co; 2007.
- [11] Howell A, Cindy Fan C. Migration and Inequality in Xinjiang: A Survey of Han and Uyghur Migrants in Urumqi. *Eurasian Geography and Economics*. 2011;52(1):119–139. doi: 10.2747/1539-7216.52.1.119.
- [12] Smith JN. Making Culture Matter: Symbolic, Spatial and Social Boundaries between Uyghurs and Han Chinese. *Asian Ethnicity*. 2002;3(2):153-174. doi: 10.1080/14631360220132718.
- [13] More students in Xinjiang receive bilingual education. *Xinhua*. 2015 Oct 7. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2015-10/07/c_134689471.htm; Accessed: Oct 30, 2018.
- [14] Bilingual education boosts development in Xinjiang. *China News Service Website*. 2015 Sept 10. Available at: <http://www.ecns.cn/2015/09-10/180690.shtml>. Accessed: Oct 30, 2018.
- [15] Uyghur Human Rights Project. *Uyghur Language Under Attack: The Myth of “Bilingual” Education in the People’s Republic of China*. 2007 July 24. Available at: <https://uhrp.org/uaa-and-uhrp-reports/uyghur-language-under-attack-myth-“bilingual”-education-peoples>. Accessed: Oct 20, 2018.
- [16] Uyghur Human Rights Project. *Voices on Education: China’s Assimilative “Bilingual Education” Policy in East Turkestan*. 2015 May 20. Available at: <https://uhrp.org/press-release/uhrp-releases-report-bilingual-education-east-turkestan-uyghur-voices-education.html>. Accessed: Oct 27, 2018.
- [17] Pshencoff PS. The problem of ethnic isolation in the formation of the national identity of the indigenous population on the example of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of the People’s Republic of China. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*. 2007;4:21-26. (in Rus).
- [18] Mackerras C. Some Issues of Ethnic and Religious Identity among China’s Islamic Peoples. *Asian Ethnicity*. 2005;6(1):3-18. doi: 10.1080/1463136042000309017.
- [19] China Focus: Xi calls for improved religious work. *Xinhua*. 2016 Apr 23. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2016-04/23/c_135306131.htm. Accessed: Nov 7, 2018.
- [20] World Uyghur Congress. *Attempt to standardise Uyghur traditional clothing latest excessive intrusion into personal religious lives of Uyghurs*. 2014 May 15. Available at: <http://www.uyghurcongress.org/en/?p=22512%20Attempt%20to%20standardize%20>

- Uyghur%20traditional%20clothing%20latest%20excessive%20intrusion%20into%20personal%20religious%20lives%20of%20Uyghurs. Accessed: Oct 16, 2018.
- [21] Uyghur Human Rights Project. BRIEFING: Ban on “Islamic” names an absurd intrusion into Uyghurs’ private lives. 2017 May 4. Available at: <https://uhrp.org/uaa-and-uhrp-reports-and-briefings-press-releases/briefing-ban-“islamic”-names-absurd-intrusion>. Accessed: Oct 16, 2018.
- [22] Leibold J. Creeping Islamophobia: China’s Hui Muslims in the Firing Line. *China Brief*. 2016 June 10;16(10):1-19.
- [23] Minitrue: No Beards on Xinjiang Buses. *China Digital Times*. 2014 Aug 5. Available at: <https://chinadigitaltimes.net/2014/08/minitrue-beards-xinjiang-busses/>. Accessed: Nov 10, 2018.
- [24] The City of Urumqi Prohibition on Wearing Items That Mask the Face or Robe the Body. *ChinaFile*. 2015 Feb 4. Available at: <http://www.chinafile.com/reporting-opinion/features/city-urumqi-prohibition-wearing-items-mask-face-or-robe-body>. Accessed: Nov 10, 2018.
- [25] Leibold J, Grose T. Why China is banning Islamic veils. *La Trobe*. 2015 June 2. Available at: <https://www.latrobe.edu.au/news/articles/2015/opinion/why-china-is-banning-islamic-veils>. Accessed: Nov 10, 2018.
- [26] Page J. In Xinjiang, Veils Signal Conservative Shift Among Uighurs. *The Wall Street Journal*. 2014 July 31. Available at: <https://www.wsj.com/articles/in-xinjiang-veils-signal-conservative-shift-among-uighurs-1406830554>. Accessed: Oct 12, 2018.
- [27] History and Development of Xinjiang. White Paper. The State Council Information Office of the People’s Republic of China. 2003 May. Available at: http://www.gov.cn/english/official/2005-07/28/content_17948.htm. Accessed: Nov 8, 2018.
- [28] Freedom of Religious Belief in Xinjiang. White Paper. The State Council Information Office of the People’s Republic of China. 2016 June 2. Available at: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2016/06/02/content_281475363031504.htm. Accessed: Nov 12, 2018.

Научная статья

Этнические и культурные аспекты уйгурской идентичности в регионе Синьцзянь

Т.И. Понька, А.Е. Шлентова, А.А. Ивашкевич

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Уйгуры являются тюркским меньшинством, исповедующим ислам, в составе Китайской Народной Республики (КНР). Уйгурской язык относится к тюркской языковой группе и близок к узбекскому, в письменности которого используется арабская графическая основа. Культурно и этнически данный этнос относит себя к Центрально-азиатским нациям. Данная статья рассматривает вопрос уйгурской идентичности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) и ее проявления по отношению к политике Китая в

регионе. С целью исследования данного вопроса в статье представлены и осмыслены темы отношения уйгуров к ханским мигрантам и их реакции на обучение на китайском языке, а также значение Ислама в качестве основополагающего маркера идентичности.

Ключевые слова: идентичность, Китай, Уйгуры, Ислам, культура, меньшинства

Информация об авторах / Information about the authors

Понька Татьяна Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: ponka-rudn@mail.ru.

Шлентова Анастасия Евгеньевна, соискатель степени магистра кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: bobcat24@rambler.ru.

Ивашкевич Андрей Андреевич, соискатель степени магистра кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: anjay3960@gmail.com.

Tatyana I. Ponka, PhD in History, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University. E-mail: ponka-rudn@mail.ru.

Anastasia E. Shlentova, master's degree candidate of the Department of Theory and History of International Relations, Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University. E-mail: bobcat24@rambler.ru.

Andrey A. Ivashkevich, master's degree candidate of the Department of Theory and History of International Relations, Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University. E-mail: anjay3960@gmail.com.

Для цитирования / For citation

Понька Т.И., Шлентова А.Е., Ивашкевич А.А. Этнические и культурные аспекты уйгурской идентичности в регионе Синьцзянь // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 34–43. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-34-43>

Ponka T.I., Shlentova A.E., Ivashkevich A.A. Ethnic and cultural issues of Uyghurs identity in Xinjiang region // RUDN Journal of World History. 2019. Vol. 11. No. 1. Pp. 34–43. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-34-43>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 17.10.2018

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-1-44-55

Научная статья

Религия в ойратской политике династии Цин⁴

Б.У. Китинов

Институт востоковедения РАН
ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

Лю Цян

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Династия Цин в период 1680-х – 1750-х гг. в своих отношениях с ойратами (джунгарами и хашутами) активно использовала потенциал и значение буддизма для достижения своей основной цели – подчинения этих кочевников. При этом она выступала в качестве мироустроительницы и законодательницы, стремясь поставить под свой контроль не только ойрато-тибетские отношения, но и получение образования ойратскими ламами, для чего добивалась их обучения в пекинских монастырях. В случае явного или тайного неподчинения Пекин обвинял ойратских правителей в их отказе от учения Будды, заявляя о себе как единственном истинном защитнике учения Гелук и лично Далай-ламы. Такая политика, наряду со сложным политическим процессом в Тибете и межойратскими усобицами, оказала свое воздействие на кризис в ойратском сообществе в сер. XVIII в.

Ключевые слова: буддизм, Гелук, Далай-лама, джунгары, ойраты, хошуты, Цин

Введение

Религия традиционно использовалась правителями для решения разного рода политических и иных задач, стоявших перед государством, в том числе для подчинения и управления народами и сообществами. Особенно показательным является политика династии Цин (1644–1911), когда взаимодействие, вернее, соперничество императора и кочевников-ойратов, в борьбе за влияние в Тибете ссылавшихся на свое исключительное положение в деле защиты «чистоты» учения и «положения» Далай-ламы, определялось спецификой их отношения к тибетским лидерам, особенностями политических процес-

© Китинов Б.У., Лю Цян, 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

сов и событий, силой традиций и т.п. «Важно отметить, что представление об императоре как защитнике тибетского буддизма было частью политической идеологии империи Цин почти до ее конца», пишет известный российский монголовед В.Л. Успенский [4. С. 229]. Следует отметить, что под тибетским буддизмом в первую очередь подразумевается учение школы Гелук, известной также как желтошапочная («желтое учение», «желтая секта»), основателем которой был известный религиозный реформатор Цзонхава (1357–1419).

Особенно выделяются периоды правления двух цинских императоров – Канси (правил в 1662–1722) и Цяньлуна (правил в 1736–1796), чьи мнения о роли и значимости религии буддизма во взаимоотношениях с западными монголами – ойратами (джунгарами, хошутами) являют собой образец использования религии в качестве инструмента влияния на внешнюю и внутреннюю политику этих кочевников.

Методы и материалы

В настоящей статье нами в качестве основного источника используется «Цин шилу чжуньгээр шилиао чжайбянь» – сборник материалов хроники «Цин шилу», касающихся истории ойратов и Джунгарии [6]. В качестве дополнительных были привлечены переводы на русский язык извлечений из источников на китайском, тибетском и монгольском языках [1, 2, 3, 4, 5]. При изложении материала авторы исходили из принципов историзма и объективизма, использовали религиоведческий и компаративный методы. Соответствующее внимание было уделено причинно-следственному подходу (логике) к исследованию процессов и явлений, затронутых в статье.

Исследование проблемы

При Канси монголы вступили под покровительство империи Цин. Причиной такого шага стало вторжение в 1688 г. ойратской армии в Халху (Восточная Монголия) после того, как джунгарский правитель Галдан Бошокуту-хан (правил в 1671–1697) обвинил монгольского духовного лидера Богдо-гэгэна Джебдзун-Дамбу хутухту (1635–1723) в неуважении к посланнику Далай-ламы Галдану-ширету. Богдо-гэгэн с несколькими светскими монгольскими лидерами бежал под защиту маньчжурских войск.

Вот что писал Галдан императору Канси летом 1688 г.: «Джебдзун-Дамба-хутухта и Тушэту-хан попрали учение Далай-ламы и не оказали уважения Ширэгэту. Я призвал их к уважению норм поведения, к дружелюбию и к правильным действиям. Но они не послушались и продолжили творить неправо дело, так что в конце концов я поднял войска и пришел. Я пришел уничтожить их жилища, опираясь на чудодейственный дар Далай-ламы. Эти двое делают не то, чего все желают. Поэтому им некуда податься. Если они куда и придут, то их все равно нигде не примут» [6. С. 54–55; см. также: 2. С. 148]. В ответ Канси написал: «Далай-лама всегда спасал и благодетельствовал все живое

и стремился к тому, чтобы все жили в мире и дружбе. Я отправляю посла и пусть они, следуя моему приказу и учению Далай-ламы, договорятся о мире (между вами)» [6. С. 55].

Для Канси было принципиально обозначить себя как истинного защитника учения Гелук в споре с претендовавшим на то же положение Бошоктуханом. Вот что писал император в одном из своих писем Галдану: «В своем письме [ты] пишешь, что в [своих] действиях [ты] руководишься учением Цзонхавы. Но я также неизменно покровительствую учению Цзонхавы, защищаю и распространяю его... Далай-лама прекрасно знает, что я защищаю учение Цзонхавы, и потому докладывает мне [обо всем], так что обмен посольствами [между нами] не прерывается уже много лет. Халха же и ойраты явно [занимаются лишь тем, что] говорят пустые слова о своем следовании учению Цзонхавы и наставлениям далай-ламы, тайно же нарушают [и то, и другое]. Это известно во всех землях...» [2. С. 151–152]. А.С. Мартынов отмечал, что в этом и других своих посланиях император выступает как универсальный монарх мира, соответственно, он «находится целиком в рамках традиционной китайской политической теории» [2. С. 52], предполагающей ответственность правителя за мир и процветание мира, а его подданным – быть искренними и преобразовываться.

К последним Канси относил и Далай-ламу, которого император призывает к совместным усилиям во имя мира:

«Галдан относится с большим почтением к твоим, лама, законам и принципам. [А потому], если ты [также] пошлешь туда послов, с тем чтобы они строжайше приказали двум государствам впредь навечно прекратить вооруженную борьбу, то и твое и мое основное желание – вызволять запутавшихся и опекать попавших в беду – будет удовлетворено» [2. С. 145]. Впрочем, император с целью очернения Галдана мог заявлять и противоположное; так, в одном из своих посланий Галдану он утверждал: «Внешне ты придержишься учения Цзонхавы, на самом же деле ты перешел в ислам и не желаешь, чтобы я способствовал процветанию учения Цзонхавы и далай-ламы» [2. С. 153].

Здесь надо отметить следующее: среди ойратов (и калмыков) было небольшое число последователей ислама, которые были рождены в смешанных семьях и были известны на русском языке как томуты (известны у ойратов также как хотаны/хотоны). На наш взгляд, слово «томут» имеет центрально-азиатское происхождение и родственно слову «туокемути». По мнению Суйла (КНР), цинхайские и синьцзянские монголы (хошуты), чьей религией является ислам, известны как томао: «Цинхайские монголы называли их туокемути «托克木惕». В китайских исторических источниках их называют «люди томао», а в монгольских – 图木克 (тонгмог), 托克马克 (токмак)» [3. С. 78]. Хотя они и были мусульманами, тем не менее, считали себя ойратами. Их было совсем небольшое число, как среди ойратов Центральной Азии, так и среди калмыков, они до сих пор живут, например, среди хошутов Цинхая и Алашани.

После разгрома Галдана спокойствие на западных и юго-западных границах империи длилось относительно недолго – до 1717 г., когда новый джун-

гарский хан Цэван Рабдан (правил в 1697–1727) ввел свои войска в Тибет, против правившего там хошутского хана Лхавзана, имевшего тесные отношения с императором, и, вероятно, для оказания поддержки определенной части духовенства Гелук (ввиду доктринальных разногласий внутри этой школы). Это вторжение потянуло за собой цепочку важных событий. Вот что отмечено в цинских источниках:

«Пятьдесят шестой год правления императора Канси (1717), октябрь, и-сы.

Кукунорский князь Лобсан Дандзин писал в докладе императору: «Церинг Дондуб, подчиненный Цэвана Рабдана, возглавил 3000-ое войско на Тибет с целью убийства Лхавзан-хана. Войска Лхавзана столкнулись с противником и провели несколько битв, но ни одна из сторон не выиграла и не проиграла». [6. С. 190].

Джунгары в ноябре того же 1717 г. захватили Лхасу, Лхавзан погиб в бою близ Поталы. Послание же, отправленное хошутским правителем в Пекин, было доставлено в начале 1718 г.:

«Пятьдесят седьмой год правления императора Канси (1718), февраль, гэн-инь

Лхавзан-хан отправил доклад: «Наши многие поколения испытывали на себе милость мудрого императора. Внезапно замысливший злодеяние Цэван Рабдан отправил 6000-ое войско и мы в Тибете вступили войну, которая длится 2 месяца. Пока нет победителя и побежденного, но неприятельские войска снова движутся к Лхасе. И теперь наши войска защищают Лхасу, однако армия Тибета очень мала, большая тревога охватывает народ! Если Кам, Потала, Ташилунпо будут захвачены, то желтая секта будет стерта с лица земли. Поэтому убедительно прошу императора скорее отправить подкрепление и прошу кукунорскую армию тотчас же прийти на помощь» [6. С. 191].

Кукунорская (хошутско-тибетская) армия не смогла оказать реальной помощи Лхавзану. Вот что докладывал императору Ациту, бывший в свое время его посланником к Галдану Бошокту-хану:

«Пятьдесят седьмой год правления императора Канси (1718), апрель, синь-сы

Ациту писал в докладе императору: «Наши войска прибыли в Чатанму утром второго дня первого месяца, столкнулись с людьми Идаму-дзаба, который вел семью Лхавсана, вместе с женой его сына Сурца, они пытались бежать из Лхасы. Они сообщили, что войско джунгаров прибыло в эти места и мои тибетские войска неоднократно вступали с ними в сражения, обе армии понесли серьезные потери. В прошлом году десятого дня десятого месяца ойратский Шактур-заб предал нас и соединился с джунгарами, что привело к капитуляции монастыря Рамоче. Моя тибетская армия разогнана. Северные ворота дворца Поталы были взяты, и джунгары вторглись во дворец. Утром первого дня одиннадцатого месяца была прорвана оборона, которую держали Сурца с командой в 30 человек, все они были захвачены. Лхавзан умер в осаде, с того момента мы в бегах. Джунгары держат Далай-ламу в храме Чакбри. Панчен-лама по-прежнему живет в монастыре Ташилунпо» [6. С. 191].

После захвата Лхасы джунгарами грабеж длился три дня, при этом пострадали не только иные школы (например, школа Ньингма), но также и часть «желтошапочников», т.е. отдельные представители школы Гелук, во имя которой Цэван Рабдан и приказал совершить бросок в Тибет. Джунгарские лошади растоптали захоронение Пятого Далай Ламы, значительный урон был нанесен Потале, пострадали практически все монастыри Лхасы.

Спустя три года по изгнании в 1720 г. джунгаров из Лхасы и Тибета вспыхнуло восстание хошутов – ойратов, правивших Кукунорским регионом, ближайшими к Тибету землями, имевшими стратегическое значение для интересов династии Цин. Для Пекина это событие стало поводом напомнить хошутам об их прежней высокой оценке со стороны императоров и необходимости сохранять лояльность империи, присущее им со времен Гуши-хана, оказавшего в свое время неопределимую поддержку Пятому Далай-ламе в борьбе с врагами Гелук. Одновременно это восстание позволило в очередной раз представить джунгаров как врагов Гелук:

«Первый год правления императора Юнчжэн (1723), июль, цзи-чо

Юнчжэн направил сообщение главному полководцу Фуюаню: «Передай мой приказ Эрдэни Эрке Тогтоною. Все кукунорские князья являются внуками Гуши-хана. Когда наш император Тайцзун вззошел на трон, Гуши-хан и Далай-лама жили в мире и почтительно служили императорскому двору, с тех пор минуло уже 100 лет. Умерший император (Канси) был благосклонен к вам, предоставлял титулы и земли, оказывал свое покровительство. Затем Цэван Рабдан разрушил желтую секту и окружил Тибет, убил Лхавзана и бесцеремонно нарушил ваш порядок. После этого умерший император отправил большое войско для защиты Тибета, доставил Далай-ламу в Тибет и возродил желтую секту. Ныне без объявления причин войну начал Лобсан Дандзин, а поскольку вы не присоединились к нему, он напал на вас. Я (искреннее) почитаю умершего императора и с заботой думаю о потомках Гуши-хана. Данное злодеяние не имеет никаких оснований, нельзя ждать, следует немедленно идти в карательный поход. Я уже отправил шилана Чаншо для расследования фактов и обстоятельств деяний Лобсана Дандзина. Ежели Лобсан Дандзин раскается в содеянном, я определю степень его вины и помогу вам мирно разрешить (этот конфликт), укажу его братьям занять прежние территории в Кукуноре. Если Лобсан Дандзин не примет мою волю и бесцеремонно вторгнется в пограничную крепость, то как я могу не двинуть войска для уничтожения мятежников?» [6. С. 208].

После разгрома восстания летом 1724 г. Лобсан Дандзин бежал в Джунгарию. Цэван Рабдан отказался передать его императору. Пекин вновь поднял вопрос о его судьбе в конце 1727 г., когда у власти в Джунгарии стал Галдан Цэрэн (правил в 1727–1745), сын Цэвана Рабдана:

«Пятый год правления императора Юнчжэна (1727), декабрь, цзя-у

Лобсан Дандзин является сыном Даши Батура кукунорских хошотов. Его потомки не имеют права поднимать восстание и учинять взаимные расправы. Я приказал министрам отправиться туда с указом к отступлению. Од-

нако Лобсан Дандзин самовольно пересек границы и разбил пограничные войска, а затем обратился в бегство. Твой отец обязан был немедленно схватить его и передать мне, это было бы ярким проявлением дружеских чувств между нами. Ты, однако, укрыл его у себя, как это понимать? Ты обязан немедленно похоронить Лобсана Дандзина. Однако я полагаю, что предыдущие заслуги его отца Даши Батура позволяют сохранить ему жизнь. Потому я дарую ему свою милость, и повелеваю оставить его в живых». [6. С. 239–240].

После событий 1717–1720 гг. (захват джунгарами Лхасы) и 1723–1724 гг. (восстание Лобсан Дандзина и окончательное подчинение хошуттов империи) перед Галданом Цэрэном стала задача восстановления отношений с Лхасой, где руководство в лице нового «тибетского царя» Миванга Пхоланая (правил в 1728–1747) с большой подозрительностью относилось к инициативам джунгаров, особенно если дело имело политическую подоплеку:

«Девятый год правления императора Юнчжэна (1731), август, у-шэнь

Тибетский Полханэ Соднам Тобгье представил доклад императору: «Джунгары желают, чтобы сын Лхавзана Сурца был отправлен обратно [в Тибет] и стал тибетским ханом». Юнчжэн ответил на это: «Джунгары убили Лхавзана, а его сына Сурца взяли в плен. Нынче он говорит, что Сурца должен быть отправлен обратно в Тибет. Моя армия обязательно примет меры. Если речь зашла об отсылке Сурца, значит, Галдан Цэрэн замыслил коварство. Раз джунгары убили Лхавзана, сможет ли Сурца, вернувшись в Тибет, спокойно продолжить дело отца своего? Что касается «ханского» титула, следовало бы принимать решение после доклада далай-ламы и панчен-эрдэни. Как мог Галдан Цэрэн осмелиться на такие безрассудные действия?» [6. С. 261–262].

Тем не менее, по ряду причин, в том числе ввиду того, что Пхоланай был признан инкарнацией хошутского военачальника и ламы Галдана Цеванга, внука Гуши-хана [5. Р. 203], он, при разрешении императора, позволял джунгарам совершать в лхаских храмах религиозные требы:

«Пятый год правления императора Цяньлун (1740), февраль, и-мао

Император Цяньлун жаловал Галдану Цэрэну высочайший указ: «В своем докладе ты написал: «наш народ верит тибетскому буддизму, поэтому я хотел просить отправить людей для участия в чайной церемонии в храмах Тибета. Однако, всякого разного груза много, и сотня людей не сможет перевезти, потому настоятельно прошу разрешить мне взять с собой 300 человек». Ранее, из-за кончины Панчен-эрдэни, ты запросил разрешения для отправки людей к участию в чайной церемонии в храмах Тибета. Я издал указ пропустить вас, однако распорядителей должно быть не более 100 человек. Теперь ты пишешь, что 100 человек недостаточно, чтобы увезти все, и просишь увеличить до 300 человек. И эту просьбу я удовлетворяю. Ты должен выбрать людей, которые правильно понимают суть дела. Пусть они придут в Донкор (монастырь), я направлю людей для сопровождения» [6. С. 305].

В соответствии с имевшимися договоренностями с ойратами цинские власти шли на определенные финансовые расходы:

«Восьмой год правления императора Цяньлуна (1743), март, и-хай (Министерством финансов) было внесено предложение об увеличении соляного налога в Шаньси до 200 тысяч лянов, собранный налог следует пре-проводить под конвоем до Ганьсу, данный налог пустить на покрытие издержек при перевозке груза для чайных церемоний послами Джунгарии» [6. С. 321].

Особое внимание уделялось ламам. Все перемещения буддийских священников между Тибетом и Джунгарией были под контролем Пекина, фактически под запретом, поскольку император допускал вовлечение лам в политические планы джунгарских правителей.

«Восьмой год правления императора Цяньлун (1743), декабрь, гуй-хай Лянчжоуский генерал Ухэту предоставил доклад императору: «Джунгарский посол Чунамука привез ламу Лобсанга Тензина в Тибет. Я спросил у посла, кто этот лама? Выяснил, что этот лама уже прожил 26 лет в Джунгарии, ныне представился удобный случай в связи с перевозкой подношений к чайным церемониям. Посол просил разрешить ламе вернуться в Тибет. Посол просил об этом в связи с прецедентом, связанным с ламой Гацзинь-линьцинем, который был оставлен и сейчас проживает в храме Лолуньбу. Цзюньван Полханэ наблюдает за его действиями». Император Цяньлун издал указ: «Лобсанг Тензин слишком долго прожил в Джунгарии, ему нельзя верить. Если разрешить ему жить в Тибете, есть опасения, что он будет шпионить. Следует разыскать Гацзинь-линьциня и Лобсанга Тензина, и отправить их в один из монастырей столицы» [6. С. 339].

Вместе с тем маньчжуры считали, что ламы могут стать проводниками интересов Пекина, который позиционировал себя как сакральный центр буддийской империи, куда и сам Далай-лама посылал свои дань и посольства. Выход виделся, в частности, в обучении нового поколения джунгарских священнослужителей в храмах Пекина:

«Пятнадцатый год правления императора Цяньлуна (1750), январь, у-у Император Цяньлун написал джунгарскому тайджи Цэвану Дорджи: «Ныне ламы, отправленные к вам из Тибета, по всей вероятности, уже скончались. Мы очень обеспокоены, что это приведет к полному исчезновению желтой секты [у вас]. Я намерен и дальше развивать желтую секту, как могу позволить ей затухать с каждым днем? Сегодня я очень много думал о вас. В Великом храме моей столицы обитает известный хутухта, добродетельный лама, избранный в Тибете, а также ламы приехали из различных мест (со всей Поднебесной), все они служат буддийской вере. Среди лам в Джунгарии можно выбрать 10 или 20 мудрых монахов и отправить их в столицу. 3–4 года они будут старательно обучаться в Великом храме, а затем вернуться обратно. Это поможет распространению желтой секты. Эти ламы обязательно должны быть молоды, так чтобы они потом не менее 30–40 лет могли распространять учение желтой секты. После прибытия этих выбранных молодых лам в столицу дальше не разрешается каждый год отправить сюда лам из Джунгарии. После завершения обучения этих выбранных лам они смогут покинуть столицу, далее можно будет разрешить новым ученикам прибыть (в Великий храм)

на обучение. Учение желтой секты в Джунгарии приходит в упадок, поэтому (надо) тщательно все обдумать. Ламам из Джунгарии необязательно проходить обучение в столице. Ежели вы не желаете отправлять лам на обучение, то мы можем прекратить это дело; и если вы опять отправите посла в Тибет, моего разрешения не будет дано» [6. С. 319].

Но новый джунгарский правитель Лама Дорджи не решился послать своих хуvaraков (молодых лам) в пекинский Великий храм, под которым подразумевался, скорее всего, монастырь Юнхэгун, основанный императором Цяньлуном на месте дворца своего отца в 1744 г. Ссылаясь на заболевание лам оспой, Лама Дорджи вновь обратился с просьбой направить опытных тибетских лам в Джунгарию:

«Шестнадцатый год правления императора Цяньлуна (1751), февраль, бин-шэнь

Цяньлун издал указ джунгарскому тайджи Ламе Дорджи: «Ты писал, что ламы из ваших мест болеют оспой, и поэтому не могут отправиться в столицу. И настоятельно просишь отправить в Джунгарию 4–5 добродетельных лам, которые будут передавать знания. Если ученики хотят изучать искусство и культуру, то они должны приехать к учителю. А ты просил отправить учителя к ученику, (чем) неуважительно относишься к учителю. Поскольку ты заявил, что ваши ламы не могут отправиться в столицу, то ты должен прекратить это дело. Ныне ваш посол Эрцзин опять предоставил устный доклад: «Наш тайджи настоятельно просит направить 4–5 тибетских лам для многолетнего преподавания в Джунгарии, после завершения преподавания они вернутся в Тибет». Я обдумал ваши намерения и принимаю вашу просьбу. Приказываю, чтобы ламы высокого уровня направились к вам преподавать учение. После [того, как я] отправлю тибетских лам в Джунгарию, у тебя уже не будет никаких оправданий, если попытаешься обмануть нас. Ваши посланцы, по возвращении, все вам разъяснят. Ты должен снова направить посланцев в столицу, чтобы пригласить тибетских лам в Джунгарию. Тебе нужно дать обещание, что больше не будешь заниматься никакими трюками. Только после получения твоего обещания, я снова отправлю лам в Джунгарию. Данное дело напрямую связано с репутацией Цинской империи. Я не позволю ламам учить людей, у которых нет добродетели» [6. С. 344].

«Семнадцатый год правления императора Цяньлуна (1752), январь, и-хай

Джунгарский тайджи Лама Дорджи писал в докладе императору: «Послы во главе с Эрцзином и Ньимой доложили Вам наше желание. Благодарю Вас за разрешение пригласить в наши земли 4–5 лам для поучений. Мы услышали Ваше решение, и глубоко признательны. Ныне я отправлю посла Тубир-Халана в столицу, чтобы пригласить лам. Настоятельно просим разрешить приглашения одного из трех хутухту для наставлений, это позволит распространить учение желтой секты и принесет большое благо». Цяньлун издал указ джунгарскому тайджи Ламе Дорджи: «Из доклада тайджи: «Настоятельно просим разрешить пригласить одного из трех хутухту для наставлений, это позволит распространить учение желтой секты». В прошлом году послы во главе с Эрц-

зином и Ньимой доложили мне о делах по приглашению лам. Я издал четкий указ, что три почтенных хутухты и добродетельные ламы проводят обучение в столице, невозможно отправить их в Джунгарию. Однако я, опасаясь, что учение желтой секты погибнет в Джунгарии, издал указ Далай-ламе о выборе добродетельных лам в Тибете, и отправке их в столицу. Они могли бы отправиться в Джунгарию, как только ваши послы придут в столицу. После получения моего указа Далай-лама выбрал 10 лам для распространения [у вас] учения желтой секты. Ныне вы не следуете моему приказу, и сделали противоположный запрос – опять просите послать хутухту в Джунгарию. Факт в том, что ты в действительности не хочешь распространять учение желтой секты. Что касается избранных лам, то ваши послы уже встречались с ними, но поскольку эти послы не получили ваш приказ, они не осмелились пригласить лам в Джунгарию. В прошлом году я самолично выбрал тибетских лам, которые отправятся в столицу, и ждал вашего приглашения. Ныне ваши послы прибыли, однако же не пригласили их. Теперь я не буду отправлять даже этих десяти лам» [6. С. 347].

Последующие политические события в Джунгарии, где началась междоусобная борьба, затмили проблему прибытия лам из Пекина. Осознавая важность роли религии, Цяньлун требовал от своего окружения внимательно следить за активностью джунгаров в буддийских вопросах:

«Восемнадцатый год правления императора Цяньлуна (1755), февраль, у-шэнь

Император Цяньлун издал указ министру военного дела: «За последние годы джунгарский тайджи Лама Дорджи несколько раз хотел пригласить тибетских лам в Джунгарию, просил отправить людей для участия в чайной церемонии в храмах Тибета, но я не удовлетворял эти просьбы. Ныне в течение этого года они не писали о необходимости отправки послов в столицу, возможно, затаили недоброе и хотят вторгнуться в Тибет. Необходимо принять меры и тайно следить за их перемещениями» [6. С. 305].

Безусловно, отмечая важность роли религии (буддизма) в обществе и государстве, цинские императоры не только покровительствовали ей, но также использовали ее потенциал для укрепления своей власти и единения государства. Наиболее характерным примером является текст «Лама-шо», высеченный в 1793 г. по указу Цяньлуна на мраморной плите, поставленной в одном из павильонов Юнхэгуна:

«Хотя Наша династия покровительствует Желтой церкви... мы не проявляем какое-либо предубеждение, не желаем проявлять рабский пиетет перед священниками, (как это было) при династии Юань... Покровительство Нашего царства Желтой церкви простирается совсем по-другому. Так как монголы поклоняются Будде и имеют явную веру в лам, мы должны защищать ее только во исполнение нашей политики и распространения нашей любви к слабому» [1. С. 150]. Как писал А.С. Мартынов, «можно по-разному оценивать политику маньчжуров в монгольском мире и ту систему понятий, которая использова-

лась для оформления ее. Но в одном Цинам отказать никак нельзя: их «универсализм» отнюдь не был примитивным по форме. Притязание на «мировое» господство было искусно облечено с помощью традиционной китайской доктрины в классическое одеяние универсальной благотворительности. «Я являюсь повелителем Поднебесной, – утверждает император <...> – и если [я] не приму и не вскормлю пришедших [ко мне] людей, то кто же их примет и вскормит?»» [2. С. 147]

Заключение

Буддизм играл важную роль в политике ойратских (джунгарского и хошутского) государственных образований и империи Цин. Стремление правителей Джунгарии (Галдана Бошокту-хана, Цэвана Рабдана, Галдана Цэрэна, Цэвана Дорджи, Лама Дорджи) представить себя защитниками тибетского буддизма школы Гелук привело их к столкновению с Цинской империей, чьи императоры также претендовали на роль покровителей этого учения. События, случившиеся в Тибете в первой четверти XVIII в. (джунгарская оккупация Лхасы и восстание хошутутов Кукунора), имели непосредственную связь с ролью буддизма у ойратов, и вместе с тем их можно определить и как реакцию на соответствующую политику Пекина. В последующем джунгары были вынуждены обращаться к императорам за разрешением провести религиозные службы в Тибете или обучать там своих лам; разрешая либо запрещая подобные действия, император позиционировал себя мироустроителем и хранителем освященного порядка. Осознавая высокую степень влияния религии на кочевников, Пекин стремился взять под свой контроль буддийских священнослужителей, формировал образ империи как буддийской, чтобы добиваться нужных ему последствий во внешней и внутренней политике ойратов и монголов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Люлина А.Г. Тибетские институты власти и цинская система администрирования: особенности взаимодействия (середина XVII – конец XVIII вв.). Дисс... к.и.н. М., 2016. 183 с.
- [2] Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 284 с.
- [3] Суйла. Вэйлатэ – Си мэнь гу взнь хуа бянь цян. (Ойраты – Культурные изменения в Западной Монголии). Пекин, 2002. 221 с.
- [4] Успенский В.Л. Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: Студия НП-Принт, 2011. 368 с.
- [5] Sperling Elliot. Pho-lha-nas, Khang-chen-nas, and the last era of Mongol domination in Tibet// *Rocznik Orientalistyczny*, 2012, t. 65, z. 1, pp. 195–211.
- [6] Цин шилу чжуньгээр шилиао чжайбянь (Материалы из цинских «Правдивых записей» по истории Джунгарии). Урумчи, 1987. 652 с.

REFERENCES

- [1] Lyulina A.G. Tibetan institutions of authority and the Qing administration system: peculiarities of interaction (mid.17th – late 18th centuries). Diss ... Ph.D. Moscow, 2017. 183 p. (In Russian)
- [2] Martynov A.S. The status of Tibet in the XVII-XVIII centuries in the traditional Chinese system of political ideas. Moscow: Science, 1978. 284 p. (In Russian)
- [3] Su yi la. Wei la te – Xi meng gu wen hua bian qian (Oirats – the Cultural Change in Western Mongolia). Beijing, 2002. 221 p. (In Chinese)
- [4] Uspensky V.L. Tibetan Buddhism in Beijing. St. Petersburg: NP-Print Studio, 2011. 368 p. (In Russian)
- [5] Sperling Elliot. Pho-lha-nas, Khang-chen-nas, and the last era of Mongol domination in Tibet// *Rocznik Orientalistyczny*, 2012, t. 65, z. 1, pp. 195–211.
- [6] Qing shi lu zhun ga er shi liao zhai bian (Materials from Qing True Records on the history of Dzungaria). Wu lu mu qi. 1987.

Research article

Religion in qirat Qing dynasty politics

Baatr U. Kitinov

Institute of Oriental Studies RAS
12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russia

Liu Qiang

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russia

During 1680s–1750s the Qing dynasty in its relations with the Oirats (Jungars and Khoshuts) actively used the potential and significance of Buddhism to achieve its main goal – the subordination of these nomads. At the same time, it had acted as a peacemaker and legislator, seeking to put under dynasty's control not only the Oirat-Tibetan relations, but also the education of the Oirat lamas, and had tried to get them for their education in the Beijing Buddhist monasteries. In case of overt or covert insubordination, Beijing usually accused Oirat rulers in their rejection of Buddha's teaching and conversion to Islam, claiming itself to be the only true defender of the teachings of Geluk school and personally the Dalai Lama. Such a policy, along with a complex political process in Tibet, and the Oirat internal strife, had had its impact on the crisis in the Oirat community in the middle of XVIII century.

Keywords: Buddhism, Geluk, Dalai Lama, Jungars, Oirats, Khoshuts, Qing

Информация об авторах / Information about the authors

Китинов Баатр Учаевич, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник, отдел истории Востока, институт Востоковедения РАН.

Лю Цян, аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.

Kitinov Baatr, PhD, Associates Professor, Senior research fellow, Department of history of East, Institute of Oriental studies of RAS.

Liu Qiang, PhD student of the Department of World History Peoples' Friendship University of Russia.

Для цитирования / For citation

Китинов Б.У., Лю Цян. Религия в ойратской политике династии Цин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 44–55. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-44-55>

Kitinov B.U., Liu Qiang. Religion in qirat Qing dynasty politics // RUDN Journal of World History. 2019. Vol. 11. No. 1. Pp. 44–55. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-44-55>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 22.10.2018

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-1-56-64

Research article

Features of the Russian-Egyptian cross-cultural communication: business and management dimensions⁵

Mona Khalil

Russian-Egyptian Business Council
Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation
6/1 Ilyinka St., Moscow, 109012, Russia

The article considers the importance of cross-cultural competence for the Russian-Egyptian economic and business interaction. A historical overview of bilateral relations is made with an emphasis on trade. However, in today's globalized world communication between representatives of such two different cultures as Russia and Egypt can no longer rely upon traditional approaches.

The choice in favour of the Russian-Egyptian interaction is determined by the following factors: 1) both countries are regional leaders – Russia is a locomotive of Eurasia and the leader of various political and economic processes at the post-Soviet space, while Egypt is both “heart and mind” of the Arab world, being a traditional architect of development in the Middle East and North Africa; 2) Russia traditionally has geopolitical interests in this part of the world, while Egypt has strong intention to diversify its international liaisons by including the Russian Federation into the circle of its strategic partners; 3) Russian-Egyptian relations enjoy a long and profound history; 4) Russian-Egyptian cooperation is currently being realized on a wide scale and includes political, military, economic, cultural, scientific, educational, social even religious spheres.

Psychological challenges of the Russian-Egyptian business interaction are illustrated on both empirical and theoretical material: the first is shown by the examples from the work of the Russian-Egyptian Business Council. The second level is represented by the two theoretical concepts: 1) of M-time and P-time cultures elaborated by the prominent American anthropologist Edward Hall; 2) Long-Term Orientation dimension suggested by famous Dutch researcher Geert Hofstede.

Keywords: cross-cultural, communication, glocalization, Russia, Egypt, business, management

The issue of globalization and its consequences has become a routine, but inevitable part of almost any discourse, be it public or academic. Indeed, the influence of globalization processes on the present day world situation can hardly be overestimated. Meanwhile it is necessary to emphasize that by globalization, which is often nicely defined as worldwide movement toward economic, financial, trade,

© Khalil M., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

and communications integration, we in fact mean westernization or, to be precise, Americanization of the non-western world. However, globalization has triggered mechanisms of self-preservation, especially in traditional non-western cultures making them activate localizing and regionalizing potential, facilitate the emergence of local cultural identities [1]. The situation of a simultaneous existence of both globalization and localization processes acquired a name “glocalization” appearing for the first time in the late 1980-es in the works of Japanese economists and later, in 1990-es was popularized by the English sociologist Roland Robertson, who defined glocalization as the co-existence of both universalizing and particularizing tendencies [2]. In other words, it is a paradox situation when macro-actors of cross-cultural communication seek a greater openness, while isolation trends are increasing [3, p. 169].

Glocalization definitely gives a much more appropriate explanation of the current state of global affairs than notorious globalization. Moreover, glocalization is very likely to continue prevailing in the visible future, resulting in expansion of human exposure to communication with the representatives of other cultures on the one hand, and preservation and increase of their cultural specifics on the other.

As a result societies lacking cultural awareness (which implies understanding and accepting cultural differences) would face severe challenges in intensified cross-cultural interaction, be it politics, business, management, science, sports, culture or inter-personal communication. At present, both countries under consideration – Russia and Egypt – are making first steps in introducing cross-cultural programmes, courses and lectures into their education systems as well as professional trainings.

The choice in favour of the Russian-Egyptian interaction is determined by the following factors: 1) both countries are regional leaders – Russia is a locomotive of Eurasia and the leader of various political and economic processes at the post-Soviet space, while Egypt is both “heart and mind” of the Arab world, being a traditional architect of development in the Middle East and North Africa; 2) Russia traditionally has geopolitical interests in this part of the world, while Egypt has strong intention to diversify its international liaisons by including the Russian Federation into the circle of its strategic partners; 3) Russian – Egyptian relations enjoy a long and profound history; 4) Russian – Egyptian cooperation is currently being realized on a wide scale and includes political, military, economic, cultural, scientific, educational, social (usually referred to as public diplomacy) and even religious cooperation.

The dawn of the Russian-Egyptian relations dates back to the X century, when according to the Nikon Chronicle, Russian Prince Vladimir in 1001 has sent first ambassadors to Egypt. Further, Russians started visiting Egypt within the framework of religious pilgrimage to the Christian shrines of Palestine and Sinai. Christian Orthodox monastery of St. Catherine with its burning bush as well as Moses Mountain had been among the holy sites willingly visited by Russian pilgrims. Yet before going to the famous monastery, Russians were obliged to pass by Cairo in order to obtain a written permission for such a visit from the monastery’s representation. Archimandrite Agrifenyi made one of the earliest written mentions of Egypt

that dates back to 1370 [4, p. 9, 11]. Starting from XV century the number of Russian pilgrims to Egypt increased; some of them made unique and outstanding travel notes about the Land of Pyramids, the analysis of which, however, are out of our scope.

In the second half of the XIX century Russia and Egypt established diplomatic, cultural and trade relations due to increased interest for this mysterious country of many well-off Russians, who started actively travelling to Egypt via newly opened in 1858 direct naval route Odessa – Alexandria. Egyptians in their turn expressed warm feelings for Russians: Russian writer and translator Nikolay Berg noted that these people love Russians very much, not like all other Europeans, mainly because Russian's behavior towards them is simpler and more humane [5, p. 75].

The beginning of the XX century was marked by formation of the first Russian community in Egypt: in 1920 five Russian ships arrived in Alexandria port having around 4350 “white” emigrants on board, who were fleeing from the 1917 October socialist revolution. Later most of them would leave Egypt heading to other countries, but in the 1920-es their camp in Alexandria's Sidi Bishr had been substantial.

Amidst the WWII in 1943 Soviet Union and Egypt establish diplomatic relations and after Egypt's 1952 revolution a new page of bilateral relations opens. While Egypt launches nationalization politics of partially socialist ideology the strategic friendship with the USSR is proclaimed. Moscow views Egypt as its main partner in the region and commences tremendous industrial projects, many of which are still being part of country's economic stability, such as High Aswan Dam (often referred to as “Miracle on the Nile”), Helwan and Nag Hammadi metallurgical plants, Alexandria shipyard, as well as multiple training schools, medical and veterinary centers. In Egypt, on the basis of cooperation with the USSR, a modern efficient army equipped with the latest weapon systems was created, which ensured the defense capability of the largest country in the Middle East [6, p. 18]. Active cooperation in the sphere of science and culture was taking place. But in 1972 the new Egyptian leadership takes decision to terminate friendly relations with the Soviet Union and turns to its Cold war enemy – the United States. Bilateral projects were cancelled and around 20 000 Soviet military specialists as well as civil experts had been expelled from Egypt. In 1975 the Friendship Agreement between the two countries is officially denounced by Cairo. For at least a decade bilateral relations didn't exist and the collapse of the USSR in 1990 didn't contribute to their restoration. Russia's orientation towards the West in 1990-es with the parallel ignoring of Arab interests plus Chechen wars that had been perceived in the Arab world as Russian aggression against Islam has led to dramatic recession in bilateral relations. Gradual recovery began only in 2005.

When analyzing bilateral trade and economic relations it is necessary to stress that during the years of most intense cooperation (1957–1972) deals had been strictly government controlled: on behalf of the USSR, where private sector was non-existent, acted Ministry of foreign trade, on behalf of Egypt acted various ministries and a few state-supported businessmen. Consequently Russians and Egyptians did

not have neither tradition, not practice of business to business cooperation, which makes it today a challenging new experience. Meanwhile many European companies enjoy their presence in Egypt for decades: Siemens (Germany) made first contacts with Egypt in 1856 and opened a technical bureau in 1901; Barclays bank (Great Britain) has purchased Anglo-Egyptian bank in 1920 and entered the market; British Petroleum (Great Britain) is working in Egypt for more than 55 years now; Eni (Italy) is operating in Egypt for 50 years. Needless to say, that Russian managers are making their first steps in revealing Egyptian business environment compared to their Western colleagues.

Consequently, figures of bilateral trade relations differ greatly – export from Egypt to Western countries is usually significant: in 2017 export to Italy made \$2.198 bln., to USA \$1.328 bln., to Great Britain \$1.088 bln., to Germany \$582 mln., while to Russia only \$397 mln. As for the import of foreign goods to Egypt Russian position seems high: Egypt imports Russian goods at \$3600 bln., which is an impressive number if compared to \$4.192 bln. of Italy, \$3.896 bln. of the USA and \$1.593 bln. of Great Britain [7]. But these figures are deceptive: as much as 44% of the Russian goods to Egypt are cereals, another 18% are iron and steel [8] and these are deals carried out under the state supervision. As a result, Russia has 19th place in the list of Egypt's trade partners. And that can hardly be qualified as a positive achievement taking into account Russia's economic potential and complementarity of its market with the Egyptian one.

Similar picture is detected in trade and economic cooperation between Russia and other Arab countries: trade turnover of sixteen Arab countries (Algeria, Djibouti, Egypt, Jordan, Iraq, Qatar, Kuwait, Lebanon, Libya, Morocco, Saudi Arabia, Syria, Sudan, Tunisia, United Arab Emirates and Yemen) with Russia in 2016 made \$14.504 bln., while trade turnover with Turkey alone the same year reached \$15.845 bln. [9].

Analysis of the current state of the Russian – Egyptian business interaction shows that cultural differences and lack of cross-cultural competence among business actors are among the main stumbling blocks for bilateral cooperation.

Cross-cultural competence is a complex of key knowledge about a certain culture, skills (cognitive, affectionate and behavioral) enabling to efficiently and successfully interact with the representatives of this culture as well as to feel psychologically comfortable in a foreign environment. Being a necessary competence for professional efficiency in the globalized world cross-cultural competence is among the top ten skills of the future workforce by the Institute for the Future [10, p. 9]. According to former Chairman and CEO of “Ernst & Young” James S. Turley, to succeed in this complex business environment, leaders will need to adopt a set of characteristics and traits that enable them to move fluidly across different cultures [11, p. 1].

Presently in many Western countries variety of cross-cultural tuition is tremendous and enjoys high demand. As early as in 1974 an interdisciplinary network for trainers and researchers in the area of intercultural and cross-cultural communication SIETAR had been established in the United States. Today it has regional

bodies in Argentina, Austria, Brazil, British Columbia, Bulgaria, Europe, France, Germany, India, Ireland, Italy, Japan, Netherlands, Poland, Spain, Switzerland, United Kingdom, USA; recently SIETAR Russia has been launched. Meanwhile in today's Russia interest towards cross-cultural programmes and trainings is just awakening: the leading universities begin to include cross-cultural communication courses into their curriculum, but local business community is still insensible of the crucial importance of cross-cultural competence, especially for exporters and companies aiming at global market. In Egypt the situation with cross-cultural education and training is even more pessimistic: neither universities, nor commercial companies are aware of the cross-cultural competence and its potential advantages for both professional and personal development.

According to the Russian-Egyptian Business Council at the Chamber of Trade and Industry of the Russian Federation (REBC), representatives of private sector from both countries are making constant attempts to approach each other, conduct negotiations, participate in professional exhibitions and fairs, pay business visits to potential partner companies, but the results leave much to be desired. REBC's main objective is to promote the interests of Russian private business in Egypt, to intensify and develop trade and economic cooperation between the two countries. In its activities, REBC leadership regularly observes difficulties that businesspersons from Russia and Egypt face during their direct communication. In overwhelming majority of cases Russians and Egyptians leave negotiations without visible intention to continue cooperation. The REBC leaders confirm that among main obstacles to bilateral cooperation between Russia and Egypt is cultural differences, of which the participants are utterly unaware. Indeed, much of our difficulty with people in other countries stems from the fact that so little is known about cross-cultural communication [12, p. 14].

An elementary example from daily practice – differences in oral/writing communication styles. Egyptian culture is oral, which means that most of Egyptians would prefer oral discussion of working issues with partners to business correspondence. In a pinch, it is possible to discuss professional issues by phone. Consequently, Egyptian managers will in every possible way avoid writing documents and letters, insisting on a verbal solution of all working matters. Their Russian counterparts as a rule would insist on formal style of business communication, where all agreements and questions are formulated and sent to partners in writing. Oral form of business interaction is considered unacceptable, and is seen as “not serious”. Thus, at the level of preliminary negotiations between potential Russian and Egyptian partners, there already emerge communication complications [13, p. 164–165].

Prominent American anthropologist Edward Hall has developed the concepts of monochronic/polychronic cultures as well as cultures of high and low contexts that are today among the main cross-cultural theories of high relevance. Various world cultures had elaborated two different solutions to the use of time and space as organizing frames for their activities: monochronic time (M-time) and polychronic time (P-time) cultures. M-time cultures emphasizes schedules, segmentation and promptness. P-time systems are characterized by several things happening at once,

stressing involvement of people and completion of transactions rather than adherence to present schedules.

Hall's classification reveals that people in M-time cultures adhere to plans, do one thing at a time, are well concentrated, prioritize work, take time commitments seriously, do things in turn and are used to short-term relationships. Representatives of P-time cultures on the contrary change plans easily (adjusting to the current situation), do multiple things at a time, are easily distracted and subject to interruptions, prioritize human relationships, take time commitments lightly, prefer to mix and combine things and aim at establishing life-long relationships. The majority of Western countries belong to the M-time type, which actually has been cultivated in northern European tradition: within the Western world the man finds little in life that is exempt from the iron hand of M-time [14, p. 17, 18]. Middle Eastern countries in their turn are surely associated with the opposite type of P-time culture. The Russian and Egyptian cultures are dramatically contrasting with each other in the current context: Russian culture is inarguably monochromic, while Egyptian is polychromic. Naturally, the process of dealing with a reverse behavior style inevitably arouses irritation and psychological tension – a typical reaction of Russians and Egyptians after joint business meeting or negotiations. Russian inclination to precision, punctuality, formal business manner and utmost concentration is seen by Egyptians as inhuman, rigid and extremely unpleasant way of doing things. At the same time Egyptian unpredictable flexibility (when plans and decisions are easily changed), irresponsibility and frequent distraction makes Russian partners conclude these people are unreliable and dealing with them is very unpromising. Although both sides might have a solid potential for cooperation being in fact perfectly trustworthy.

Another dimension – long-term orientation – suggested by Dutch researcher Geert Hofstede as part of his “Six dimensions of national culture” model will also significantly contribute to explanation of barriers in Russian – Egyptian communication. This dimension describes how different societies maintain links with their own past while dealing with the challenges of the present and future; how they prioritize these two existential goals differently. For example normative societies, which score low on this dimension, prefer to maintain time-honoured traditions and norms while viewing societal change with suspicion. Those, which score high, on the other hand, take a more pragmatic approach: they encourage thrift and efforts in modern education as a way to prepare for the future. According to Hofstede evaluations, Russia has a very high score of 81, which means it is definitely a country with a pragmatic mindset. In this kind of societies people believe that truth depends very much on situation, context and time. They show ability to easily adapt traditions to changing conditions, a strong propensity to save and invest as well as thriftiness and perseverance in achieving results. Egypt's very low score of 7 indicates that its culture is very normative. People in such societies have a strong concern with establishing the absolute Truth; they are normative in their thinking, showing great respect for traditions, a relatively small propensity to save for the future, and a focus on achieving quick results [15].

In business interaction difference in long-term orientation leads to discord in both pace and ways of the result achieving. Russian long-oriented culture would concentrate on persistence, structured problem solving and accepting delayed results of business cooperation, while Egyptian short-term culture would have chaotic problem solving and expect immediate or quick results. In case there is no cultural awareness of partner's specifics, the clash is almost unavoidable.

It is possible to make conclusion that in today's globalizing world communication between representatives of such two different cultures as Russia and Egypt can no longer rely upon traditional approaches and the only adequate way to overcome the above mentioned challenges in communication between Russian and Egyptian businesspeople and consequently bring bilateral relations to a higher level is to seriously consider obtaining cross-cultural competence as a strategic necessity and include it into professional education, and other forms of soft skills trainings.

REFERENCES

- [1] Anthony Giddens Discusses the Globalization Debate // Carnegie Endowment for International Peace, July 05, 2000. Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2000/07/05/anthony-giddens-discusses-globalization-debate-pub-8655>.
- [2] Managing local practices in global contexts [Electronic resource] // The Open University. Mode of access: <http://www.open.edu/openlearn/money-management/management/business-studies/managing-local-practices-global-contexts/content-section-2.4>
- [3] Shestopal A.V., Silantieva M.V. Intercultural communication in the context of contemporary modernization of processes // Intercultural communication: contemporary theory and practice. Manuals of VII Konv. RAMI: scientific publication. Ed. by A.V. Shestopal, M. V. Silantieva, main ed. A.V. Malgyn. 2013. pp. 168–171 (In Russ).
- [4] Egypt Through the Eyes of Russians of XV–XVIII centuries. Collection of Pilgrimages / Ed. V.V. Beliakov. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2013. 292 p.
- [5] Beliakov, V.V. To the Sacred Banks of the Nile. Institute of Oriental Studies, Moscow, 2003. 304 p. (In Russ)
- [6] Bogdanov M.L. Moscow – Cairo: Ups and Downs of Cooperation. Moscow, MGIMO, 2017. 303 p. (In Russ)
- [7] Egypt: Trade Statistics // [Electronic resource] Global Edge. Mode of access: <https://globaledge.msu.edu/countries/egypt/tradestats>.
- [8] Egypt Imports from Russia [Electronic resource] // Trading Economics. Mode of access: <https://tradingeconomics.com/egypt/imports/russia>.
- [9] Reviews and News by Country [Electronic resource] // Russian Foreign Trade. Mode of access: <http://russian-trade.com/>.
- [10] Future Work Skills 2020 // Institute for the Future for the University of Phoenix Research Institute, 2011. P. 9
- [11] House, R.J., Dorfman, P.W., Javidan, M., Hanges, P.J. & Sully de Luque, M.F. Strategic Leadership across Cultures: The GLOBE Study of CEO Leadership Behavior and Effectiveness in 24 Countries, SAGE Publications, 2013. 464 p. P. 1
- [12] Hall E. The Silent Language. Doubleday & Company, Inc., Garden City, New York, 1959. 242 p. P. 14

- [13] Khalil M.A. Socio-Cultural Aspects of Muslim – Christian Interaction (case study of mass communication and education systems of Russia and Egypt). PhD Thesis, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, 2016. 241 p. (In Russ)
- [14] Hall E. Beyond Culture. Anchor Book/Doubleday, New York, 1977. 320 p. P. 17
- [15] Country Comparison Russia vs. Egypt [Electronic resource] // Hofstede Insights. Mode of access: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/egypt,russia/>

Научная статья

Особенности российско-египетской кросс-культурной коммуникации: деловые и управленческие измерения

М.А. Халиль

Российско-египетский деловой совет
Торгово-Промышленная палата РФ
ул. Ильинка, 6/1, Москва, Россия, 109012

В статье приводятся доказательства необходимости освоения кросс-культурной компетентности для развития российско-египетского торгово-экономического сотрудничества. Дан исторический обзор двусторонних отношений с акцентом на внешнеэкономическую деятельность.

В сегодняшнем глобализирующемся мире коммуникация между представителями таких разных культур, как Россия и Египет, больше не может идти по традиционному пути.

Выбор в пользу российско-египетского взаимодействия обусловлен следующими факторами: 1) обе страны являются региональными лидерами – Россия является локомотивом Евразии и лидером различных политических и экономических процессов на постсоветском пространстве, а Египет – «сердце» арабского мира, традиционный архитектор развития в регионе Ближнего Востока и Северной Африки; 2) Россия традиционно имеет геополитические интересы в этой части мира, в то время как Египет намерен диверсифицировать свои международные связи, включив Российскую Федерацию в число своих стратегических партнеров; 3) российско-египетские отношения имеют давнюю и глубокую историю; 4) Российско-египетское сотрудничество в настоящее время осуществляется полномасштабно и включает такие сферы, как политика, оборона, экономика, культура, наука, образование, а также социальную и религиозную сферы.

На эмпирическом и на теоретическом материале показаны психологические проблемы, отмечаемые в ходе российско-египетского делового взаимодействия: эмпирический уровень демонстрируется с помощью примеров из работы Российско-египетского делового совета, теоретический уровень представлен двумя концепциями: концепцией монохромной и полихромной культуры, разработанной выдающимся американским антропологом Эдвардом Холлом, а также измерением «долгосрочная ориентация», предложенным известным голландским исследователем Геертом Хофстеде.

Ключевые слова: кросс-культурный, коммуникация, глокализация, Россия, Египет, бизнес, управление

Информация об авторе / Information about the author

Халиль Мона Абдель Малик, кандидат философских наук, исполнительный директор Российско-египетского делового совета при Торгово-Промышленной палате РФ. E-mail: rusegbc@inbox.ru

Khalil Mona, PhD, Executive Director of the Russian-Egyptian Business Council at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation. E-mail: rusegbc@inbox.ru

Для цитирования / For citation

Халиль М.А. Особенности российско-египетской кросс-культурной коммуникации. Деловые и управленческие измерения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 56–64. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-56-64>

Khalil Mona. Features of the Russian-Egyptian Cross-Cultural Communication. Business and Management Dimensions // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. No. 1. Pp. 56–64. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-56-64>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 12.11.2018

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-1-65-75

Научная статья

Африканцы в Китае и их влияние на развитие китайско-африканских отношений⁶

А.А. Забелла

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Последние годы неуклонно растет влияние Китая в Африке. Африку зачастую называют «China's second continent», что связано с усилением китайского присутствия на африканском континенте. Однако остается мало изученным вопрос присутствия африканцев в Китае и уровень их влияния на развитие китайско-африканских отношений, что будет объектом изучения данной статьи.

Особый интерес данная тема вызывает ввиду инициативы председателя КНР Си Цзиньпина о создании Центра инновационного сотрудничества между Китаем и Африкой в целях содействия инновациям среди молодежи и предпринимательству, озвученной во время Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОСАС), прошедшего в Пекине в начале сентября 2018 года.

В данной статье автор выделит важные исторические события развития китайско-африканского диалога, рассмотрит основные города с высоким процентом африканского населения, выявит причины пребывания африканцев в Китае и влияние на развитие сотрудничества между сторонами.

Ключевые слова: африканцы в Китае, китайско-африканские отношения, ФОСАС, гуманитарная политика Китая

Введение

Ввиду быстрого экономического роста роль и место Китайской Народной Республики в мировой политике увеличиваются. Следствием этого является не только превращение КНР в мощную политическую, экономическую, культурную силу, но также повышает интерес со стороны иностранных государств и граждан по отношению к Китаю. Африканцев китайская сторона привлекает ввиду ряда факторов.

Во-первых, важную роль в создании благоприятного образа Китая в глазах африканцев играет тот факт, что китайское руководство придерживается концепции «человек превыше всего», а также «осуществление власти ради

© Забелла А.А., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

мира народа» [7. С. 188]. Принимая во внимание тот факт, что африканские народы долгие годы находились в зависимости от европейских колонизаторов, где неоднократно возникали вопросы относительно соблюдения прав человека, вышеизложенная позиция руководства КНР находит положительный отклик у населения большинства государств Африки.

Во-вторых, Китай с XVII съезда КПК (2007 год) начал уделять большое внимание реализации политики «мягкой силы». Китайской стороной было проведено немалое количество культурных мероприятий за границей, в том числе и в Африке, для повышения привлекательности и увеличения интереса со стороны иностранцев к Китаю, в том числе и при помощи создания Институтов и классов Конфуция. Именно с этой целью в 2011 году в КНР была принята стратегия развития «могущественного культурного государства» [1. С. 54]. В то же время повышение привлекательности китайского государства на международной арене не является новым веянием XXI века, так как еще в прошлом столетии Дэн Сяопин заявлял о том, что развитие не должно опираться лишь на экономический подъем. По мнению Дэн Сяопина, необходим баланс и в экономике, и в политике, и в культуре. После достижения баланса в этих областях государство будет способно всесторонне развиваться, что вызовет не только интерес к «китайской модели» развития, но и желание подражать ей [13]. Китайское руководство выступает за продвижение идеологии «гармоничного общества и мира» [13], что также находит положительные отклики со стороны африканцев.

В-третьих, увеличение инвестиций в экономику африканских государств, создание инфраструктуры, гуманитарные миссии, увеличение квот для обучения в Китае и т.д. создает в глазах африканцев не только положительный образ КНР, но также и надежного партнера и единомышленника.

Таким образом, можно говорить о том, что КНР является привлекательным государством для прибывающих граждан из стран Африки, что во многом обусловлено возвышающимся положением Китая на международной арене и новым позиционированием государства в качестве мощнейшей экономической державы мира, а также увеличивающимися сферами сотрудничества между КНР и странами Африки.

Необходимо выделить два события, которые оказали влияние на развитие китайско-африканских отношений.

Во-первых, важным событием, – для активизации диалога между сторонами, – стала Бандунгская конференция 1955 года. Африканские и азиатские государства сплотила единая идея – борьба против колониализма и империализма. Важной вехой в укреплении сотрудничества между Китаем и Африкой можно считать успешный запуск китайской стороной железной дороги, которая соединила танзанийский порт Дар-эс-Салам с Замбией (1975 год). Таким образом, африканские государства начали большее внимание уделять китайскому вектору во внешней политике, о чем свидетельствует поддержка Китая в ряде международных организаций, в том числе и в ООН.

Во-вторых, создание в 2000 году, – по инициативе председателя КНР Цзян Цзэмина, – Форума китайско-африканского сотрудничества существенно повы-

сило уровень сотрудничества между КНР и странами Африки. Здесь важным является и то, что китайская сторона заявила об увеличении помощи государствам Африки, в том числе за счет списания 31 стране долга, который составлял 10 млрд юаней (1,2 млрд долл. США) [3]. Вызывает интерес тот факт, что китайская сторона обязалась в течение трех лет подготовить 10 тыс. специалистов, а также предоставить более свободный доступ африканской продукции на китайский рынок [3]. Таким образом, по мнению автора, именно данная инициатива китайской стороны послужила стимулом для африканцев к переезду в Китай либо для обучения, либо для налаживания торгово-экономических контактов.

В то же время необходимо упомянуть о том, что еще в XV веке китайские торговые корабли подошли к восточному побережью африканского континента, в порт Момбаса (Кения). Чжэн Хэ – китайский путешественник, дипломат, возглавил данную экспедицию. Однако стоит отметить, что за экспедициями последовала политика изоляционизма и отказ от развития программы мореплавания императорским Китаем. Таким образом, неверно утверждать, что данная экспедиция положительно отразилась на последующем развитии китайско-африканских отношений. В то же время интерес представляет китайская позиция по данному вопросу. Так, по мнению Ли Синьфэна, – заместителя директора Института изучения Западной Азии и Африки Китайской академии социальных наук, экспедиция Чжэн Хэ оказала положительное влияние на развитие китайско-африканского торгового и культурного взаимодействия того периода [4].

Африканцы в Китае

В Китае пребывают африканцы различного социального положения. Например, дипломаты африканских государств или официальные представители, студенты, приезжающие в Китай на короткий или продолжительный срок, бизнесмены и так далее. Большую часть составляют именно торговцы и бизнесмены, которых объединяет цель закупки китайских товаров и последующей реализации на родине. Необходимо сказать о том, что большую роль в вопросе увеличения доли африканцев в китайском обществе сыграл Азиатский финансовый кризис 1997 года, который побудил африканцев покинуть такие юго-восточные государства Азии, как Таиланд, Малайзия и Индонезия [8].

Далее автором будут выделены города с большим количеством африканского населения, будут раскрыты причины выбора данных городов, определено граждане каких африканских государств предпочитают переезд в Китай.

Переходя к городам с большим процентом африканцев, в первую очередь необходимо рассмотреть Гуанчжоу. Город находится в одной из самых богатых провинций Китая, в провинции Гуандун, которую зачастую называют «мировым заводом». Ввиду того, что именно в Гуанчжоу производится большое количество товаров с привлекательной себестоимостью, африканские предприниматели отправляют китайскую продукцию в Африку для ее реализации. Большую часть африканцев в Гуанчжоу составляют выходцы из западной части Африки, особенно из Нигерии, что является абсолютно логичным

ввиду высокого уровня отношений с Китаем, а также высокой плотности населения африканского государства.

К сожалению, официальные статистические данные о количестве африканского населения в Китае закрыты. Исходя из данных, представленных в книге «Африканцы в Китае» Адамса Бодома и Ли Аньшаня, из 300 опрошенных в 2017 году африканцев были граждане следующих государств: 58 – нигерийцев, 38 – малийцев, 35 – сенегальцев, 30 – ганцев, 29 – гвинейцев и т.д.; из них было 246 бизнесменов, 20 студентов, 18 торговцев и 6 преподавателей [9. Р. 21–22].

Помимо Гуанчжоу, который зачастую в китайских средствах массовой информации именуют «китайским Бруклином» [5], большая африканская диаспора проживает в провинции Чжэцзян, городе Иу. Однако здесь преобладают выходцы из стран Ближнего Востока и Северной Африки, особенно из Мавритании, Марокко, Египта, Ливии, Туниса, Алжира. Из 50 опрошенных африканцев в Иу – 48 бизнесмены и 2 торговца [9. Р. 49]. Иу – самый большой в Китае и один из самых больших городов в мире по продаже различных товаров, созданный правительством Китая с нуля в качестве центра по снабжению продукцией. Иу является все более привлекательным городом для африканцев, которые уже получили высшее образование в Китае, хорошо владеют китайским языком и способны самостоятельно осуществлять коммерческую деятельность.

В Макао, безусловно, преобладают африканцы из бывших колоний Португалии в Африке, а именно из Анголы и Мозамбика. В Гонконге африканская диаспора не столь значимая, как в Гуанчжоу или Иу. Из африканцев, проживающих в Гонконге, большую часть составляют граждане ЮАР, особенно население европеоидной расы. В Пекине большинство граждан африканских государств занимают дипломатические должности или работают в качестве представителей в различных международных организациях.

Шанхай – важный финансовый и культурный город КНР, а также крупнейший по численности населения город. Шанхай является одним из самых популярных мест для иностранцев среди всех городов Китая. Здесь сложно говорить о том, из каких же государств или регионов Африки приезжает большее количество африканцев. Однако стоит отметить, что в Шанхае до сих пор не сложилось африканское сообщество. Причина кроется в том, что африканцы предпочитают более южные города Китая, исключением является лишь Пекин – столица КНР, где сосредоточены не только диппредставительства, международные организации, но и ведущие университеты.

Африканцы, находящиеся на территории Китая и занимающиеся коммерцией, активно привлекают к трудоустройству китайских граждан, особенно молодежь в сферу торговли. Несомненно, процент занятости китайских граждан под руководством африканцев не может сравниться с занятостью в китайских компаниях, однако плюсом трудоустройства в африканскую компанию является повышение уровня владения английским и французским языками, что повышает конкурентоспособность на рынке занятости. Большинство выходцев из стран Африки испытывают языковой барьер, поэтому для ведения бизнеса привлекают китайцев.

Важными для укрепления гуманитарного взаимодействия являются проводимые африканской стороной мероприятия. Безусловно, пребывание представителей бизнеса и торгового сектора играет положительную роль в развитии китайско-африканского торгово-экономического взаимодействия, так как является мостом между китайским бизнесом в Китае и китайскими предприятиями, заводами, находящимися в Африке. Китайцы благодаря находящимся в стране африканцам могут ближе познакомиться с культурой, обычаями и традициями различных африканских государств, принять участие в проводимых африканской стороной встречах и мероприятиях, что способствует укреплению отношений и большему взаимопониманию народов. Посольства африканских государств периодически устраивают конференции, кинопоказы, презентации для китайской аудитории. Студенты из африканских государств также являются важным звеном в деле расширения знаний китайцев об Африке и африканцах. Обучающиеся активно участвуют в ежегодно проводимых в китайских вузах неделях культуры. Из культурных мероприятий следует отметить Фестиваль культуры Африки, который является крупнейшим культурным мероприятием африканских государств, проводимым в Китае после саммитов Форума китайско-африканского сотрудничества. В фестивалях обычно принимают участие мастера искусства, ученые, официальные лица. Еще одним значимым мероприятием является программа «Фокус на культуру Африки», в рамках которой проходят десятки культурных мероприятий. В мае 2018 года состоялась очередная неделя Африки в Китае. Десятидневная программа проходила с участием деятелей искусства, кулинарии, хореографии, бизнеса и т.д.

Интерес представляет и тот факт, что, несмотря на большое количество проводимых культурных мероприятий, в том числе и перекрестных, увеличивающееся количество африканских бизнесменов, торговцев, студентов в Китае, представители африканских диаспор живут достаточно обособленно от китайцев. Исключением являются только студенты и специалисты по обмену, которые ввиду учебы и повышения квалификации проводят большую часть времени в китайском кругу.

Влияние китайской политики в отношении Африки на увеличение африканцев в Китае

Стоит начать с того, что в 2006 и 2015 годах были обнародованы два базовых документа, которые определили африканский вектор во внешнеполитической стратегии КНР, а именно: «Политика Китая в отношении Африки». Эти документы включают в себя план последующего развития китайско-африканского сотрудничества. «Политика Китая в отношении Африки» 2006 года включает в себя нижеследующие 6 разделов: «Положение и роль Африки», «Китайско-африканские отношения», «Африканская политика Китая», «Расширение всестороннего сотрудничества между Китаем и Африкой», «Форум китайско-африканского сотрудничества и его последующая деятельность», «Связи между КНР и африканскими региональными организациями» [6]. В документе также были указаны базовые принципы сотрудничества Китая и Африки:

- искренняя дружба и равноправие, сотрудничество на основе пяти принципов мирного сосуществования;
- взаимная выгода и совместное процветание, сотрудничество в торговой, экономической, социальной и культурной областях;
- взаимная поддержка и тесное взаимодействие, что подразумевает сотрудничество в ООН и на других международных площадках;
- страны намерены задействовать опыт друг друга и учиться друг у друга, что предполагает также и сотрудничество в сфере науки, образования, культуры и здравоохранения [2].

В статье автором анализируется роль китайской стороны в привлечении выходцев из государств Африки. Здесь в первую очередь необходимо отметить тот факт, что для Китая важным является позиционирование государства в качестве ключевого участника по линии «Юг – Юг». Данный вид сотрудничества крайне актуален для развивающихся государств, так как большинство стран «Юга» нуждаются в привлечении инвестиций и иностранной помощи в целях развития. Ряд китайских специалистов считают, что целью сближения Китая со странами «Юга» является создание блока развивающихся стран в качестве механизма противостояния вызовам глобализации [2].

О важности африканского вектора во внешней политике Китайской Народной Республики говорит количество визитов руководства КНР в государства Африки. Примечательно, что уже на протяжении 20 лет первые визиты премьер-министр КНР совершает именно в страны африканского континента.

Особенностью внешнеполитического курса Китая в отношении Африки является то, что китайская сторона при развитии диалога с африканскими государствами уделяет большое внимание общности судеб, таким образом, акцентируя внимание на том, что Китай не является приверженцем колониальной политики, так как в свое время пострадал от колониальной экспансии западных государств. Такая позиция китайского руководства увеличивает доверие африканской стороны по отношению к Китаю. Китайской стороне успешно удается купировать возникающее порой недовольство со стороны африканцев «издержками» государственного продвижения вглубь африканских государств. Для этого Китай акцентирует внимание на том, что государство, реализуя проекты в Африке, преследует цель взаимовыгодного сотрудничества с упором на самостоятельное развитие государств африканского континента.

Еще одной особенностью внешней политики Китая в отношении стран Африки является продвижение китайским руководством идеи идентичности. Основой данной идеи служит то, что Китай относит себя к развивающимся странам, и, таким образом, китайскую и африканскую стороны объединяют единые цели развития и взаимного выигрыша. Также стоит подчеркнуть, что Китай придерживается формы «Африка для африканцев», тем самым поддерживает ведущую роль Африканского Союза и других африканских организаций в решении вопросов, касающихся африканского континента. Китай также положительно относится к процессам афроинтеграции.

Несомненно, важным для укрепления отношений является развитие сотрудничества в гуманитарной сфере, а именно в сфере образования. Активно

создаются совместные ВУЗы, а также активизируется совместное университетское сотрудничество. В 2011 году на базе Чжэцзянского педагогического университета был открыт Китайско-африканский бизнес-институт, цель которого сводится к объединению профессионалов и бизнес консультированию, а также созданию «африканских рук» для Китая и «китайских рук» для Африки.

Не секрет, что Институты Конфуция играют важную роль в деле распространения не только китайского языка за рубежом, но и культуры, традиций. Институты Конфуция представлены в ряде государств Африки.

Первый Институт Конфуция в Африке был открыт в 2005 году на базе Тяньцзиньского педагогического университета и Найробийского университета. На данный момент более чем в 40 странах Африки открыли свои двери Институты Конфуция, в 2019 году планируется открытие около 7 подобных заведений. Большой интерес для КНР представляют ЮАР, Ангола, Судан, а также Нигерия и Египет, которые являются ведущими торговыми партнерами китайской стороны в Африке. Во всех вышеперечисленных государствах успешно функционируют Институты Конфуция.

Последние годы китайский язык становится все более и более популярным на африканском континенте, что связано не только с увеличивающимся присутствием китайских компаний в Африке, но также и возможностью получения высшего образования на территории КНР.

В Китае существуют различные гранты, как правительственные, так и городские, по привлечению иностранцев в Китай. Выпускники китайских вузов являются ценными кадрами не только у себя на родине, но, оставшись в Китае служат мостом для укрепления отношений между китайской и африканской сторонами. Китай, обучая африканцев таким профессиям, как, например, медик, технолог, строитель, педагог, вкладывает значимые инвестиции в будущее развитие Африки. Нельзя отрицать то, что часть выдающихся студентов привлекается китайскими компаниями и организациями для последующего трудоустройства на территории КНР. В Китае сформировано четкое взаимодействие между вузами и компаниями. Студенты, обучающиеся на последних курсах бакалавриата, в магистратуре получают возможность во время обучения в китайских высших учебных заведениях проходить практику, стажерские программы в различных компаниях. Такая возможность способствует не только увеличению знаний и приобретению новых компетенций студентами, но также позволяет китайским компаниям еще со студенческой скамьи выделить высокоодаренных студентов для последующего трудоустройства и работы на территории КНР или же в китайских представительствах за рубежом.

Безусловно, существуют законодательно закрепленные документы относительно въезда иностранцев, а также санкции и штрафы в отношении нарушителей, однако незаконный въезд, незаконное пребывание, незаконное трудоустройство остаются проблемами, с которыми приходится сталкиваться иммиграционным службам Китая [5]. В то же время нельзя говорить о том, что данная проблема встречается повсеместно, напротив, китайское законодательство четко регламентирует правила пребывания иностранцев, а в случае нарушения налагаются серьезные штрафы.

Особый интерес тема образования вызывает ввиду инициативы председателя КНР Си Цзиньпина о создании Центра инновационного сотрудничества между Китаем и Африкой в целях содействия инновациям среди молодежи и предпринимательству, озвученной во время Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC), прошедшего в Пекине в начале сентября 2018 года. Председатель КНР заявил о необходимости осуществления образовательного тренинга для 1 тыс. высококвалифицированных африканцев, предоставления 50 тыс. правительственных грантов, проведение 50 тыс. семинаров и практикумов, а также приглашения 2 тыс. молодых африканцев с целью обмена [10]. Свою речь во время Форума в Пекине Си Цзиньпин завершил нижеследующей фразой: «Будущее китайско-африканских отношений зависит от нашей молодежи... “Красное восходящее солнце осветит дорогу впереди”. Уверен, что эстафета китайско-африканской дружбы будет передаваться из поколения в поколение и в том, что Китай и Африка, работая вместе, построят еще более динамичное сообщество с общим будущим. Наступил день, когда китайская нация реализует свою мечту о национальном обновлении, а Африка реализует свою мечту о единстве и умиротворении!» [10].

Заключение

Автор приходит к выводу, что Китай, укрепляя позиции на международной арене, расширяя взаимодействие со странами африканского континента, оказывает влияние на отношение к государству со стороны Африки. Африканские государства положительно относятся к позиции, занимаемой китайским руководством относительно сотрудничества для достижения взаимной выгоды, разделяют общие настроения касательно противодействия гегемонизму, заинтересованы в углублении взаимодействия. По мнению автора, африканцы, прибывающие в Китай, не только служат мостом для дальнейшего углубления отношений, но также позволяют сторонам достигнуть большего понимания культуры, традиций и обычаев другой стороны.

Автор приходит к выводу, что большая часть африканцев, проживающих в Китае, находятся в городе Гуанчжоу, провинции Гуандун, а также в городах Иу, Макао, Гонконге, Пекине и Шанхае. Из текста статьи становится очевидным, что именно китайская сторона оказывает существенное влияние на увеличение в Китае выходцев из африканских стран, что связано с привлечением молодежи в Китай для обучения или переквалификации. Сотрудничество в сфере образования воспринимается как ключевой элемент для укрепления всестороннего партнерства между Китаем, – крупнейшим развивающимся государством в мире, и Африкой, – континентом с наибольшим количеством развивающихся стран [12].

Таким образом, по мнению автора, увеличение африканского населения в Китае связано с проводимым руководством государства курсом на интенсификацию контактов со странами Африки, а также привлечением молодежи. Китай, оказывая помощь африканской стороне, не только выигрывает от количества

контрактов, в том числе в сфере добычи полезных ископаемых на территории Африки, но и повышает имидж государства в глазах мирового сообщества. В то же время следует указать, что африканские государства нуждаются в инвестициях, технологиях, товарах из Китая для последующего развития. Говоря об уровне влияния африканцев, проживающих в Китае, на укрепление китайско-африканских отношений, автор приходит к выводу, что в настоящее время африканцы, проживающие в КНР, большее внимание уделяют вопросам коммерции, образования, что, безусловно, влияет на отношения между странами, но незначительно. Автор выражает надежду на более тесное гуманитарное сотрудничество между странами, а также народную дипломатию для большего понимания сторонами друг друга и последующего укрепления взаимодействия.

Благодарности. Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках совместного проекта РФФИ-КАОН № 17-27-21002 «Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Борох О., Ломанов А. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. С. 54.
- [2] Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая. М.: Институт Африки РАН. 2008. С. 107–108.
- [3] Китайско-африканские отношения в “лодке” нового века – обзор шестилетнего процесса Форума китайско-африканского сотрудничества (Чжун Фэй гуаньси чэн шан синь шицзи дэ ханчуань – Чжун Фэй хэцзо луньтань лю чжоу нянь личэн хуэйгу) // Сайт Хуася Цзинвэй (Хуася цзинвэй ван). Access mode: <http://www.huaxia.com/zt/tbgz/06-057/2006/00529518.html> (14.10.2018).
- [4] Ли Синьфэн. Чжэн Хэ и Африка // Академия общественных наук Китая (Чжэн хэ юй фэйчжоу // Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ). Пекин, 2012. С. 428.
- [5] Миллион иностранцев, проживающих и работающих в Гуандуне, подвергаются испытанию иммиграционную политику КНР (Бай вань вайго жэнь цзай гуандун цзюй чжу гунцзо каоянь Чжунго иминь чжэнцэ) // Сайт газеты «Экономическая информация» (Цзинцзи цанькаобао). Access mode: <http://news.163.com/09/1014/05/5L1N1VRN0001124J.html> (20.10.2018).
- [6] Правительством КНР было опубликовано документ о политике Китая в отношении Африки // Агентство Синьхуа. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/4022339.html> (18.11.2018).
- [7] Чжоу Ихуан. Основные сведения о Китае // Дипломатия Китая (Гуаньюй Чжунго цзибэнь дэ синьси // Чжунго вайцзяо). Пекин, 2005. С. 188.
- [8] Bodom A. Africa-China relations in an era of globalization: The role of African trading communities in China // West Asia and Africa (Цюаньцюхуа шидай дэ Чжун Фэй гуаньси: Фэйчжоу цзай хуамаои гуаньти дэ цзяосэ // си фэй Фэйчжоу). 2009. Pp. 62–67.
- [9] Bodom A., Li Anshan Africans in China. A sociocultural study and its implications for Africa-China Relations // Social Science Academic Press. 2018. P. 196.

- [10] Full text of Chinese President Xi Jinping's speech at opening ceremony of 2018 FOCAC Beijing Summit // Xinhua net. Access mode: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/03/c_129946189.htm (10.09.2018).
- [11] Regulations of the People's Republic of China on Administration of the Entry and Exit of Foreigners // China Consular Affairs. Access mode: <http://cs.mfa.gov.cn/wgrlh/lhqz/lhqzjs/t1120987.shtml> (10.10.2018).
- [12] Zabella A. China's Higher Education Partnership with Africa As a Tool of Public Diplomacy of the People's Republic of China // ICADCE 2017. Pp. 759–762.
- [13] Zhao J. On China's Soft Power // China Foreign Affairs University. Beijing, 2012.

REFERENCES

- [1] Boroh O., Lomanov A. Ot «myagkoj sily» k «kul'turnomu mogushchestvu» // Rossiya v global'noj politike. 2012. № 4. S. 54.
- [2] Dejch T.L. Afrika v strategii Kitaya. M.: Institut Afriki RAN. 2008. Pp. 107–108.
- [3] Kitajsko-afrikanskije otnosheniya v "lodke" novogo veka – obzor shestiletnego processa Foruma kitajsko-afrikanskogo sotrudnichestva (Chzhun Fey guansi chen shan sin shitszi de khanchuan ? Chzhun Fey khetszo luntan lyu chzhou nyan lichen khueygu) // Sajt Huasya Czinvehj (Khuasya tszinvey van). Access mode: <http://www.huaxia.com/zt/tbgz/06-057/2006/00529518.html> (14.10.2018).
- [4] Li Sin'fehn. CHzhehn Heh i Afrika // Akademiya obshchestvennyh nauk Kitaya (Chzhen khe yuy feychzhou // Chzhungo shekhuey kesyue chubanshe). Pekin, 2012. P. 428.
- [5] Million inostrancev prozhivayushchih i rabotayushchih v Guandune podvergayut ispytaniyu immigracionnuyu politiku KNR (Bay van vaygo zhen tszay guandun tszyuy chzhu guntso kaoyan Chzhungo imin chzhentse) // Sajt gazety «Epkonomicheskaya informaciya» (Tszintsi tsankaobao). Access mode: <http://news.163.com/09/1014/05/5LIH1BPH0001124J.html> (20.10.2018).
- [6] Pravitel'stvom KNR bylo opublikovan dokument o politike Kitaya v otnoshenii Afriki // Agentstvo Sin'hua. Rezhim dostupa: <http://russian.people.com.cn/31521/4022339.html> (18.11.2018).
- [7] CHzhou Ihuan. Osnovnye svedeniya o Kitae // Diplomatiya Kitaya (Guanyuy Chzhungo tsziben de sinsi // Chzhungo vaytszyao). Pekin, 2005. P. 188.
- [8] Bodomo A. Africa-China relations in an era of globalization: The role of African trading communities in China // West Asia and Africa (Tsyuantsyukhua shiday de Chzhun Fey guansi: Feychzhou tszay khuamaoi tuanti de tszyaose // Si fey Feychzhou) . 2009. Pp. 62–67.
- [9] Bodomo A., Li Anshan Africans in China. A sociocultural study and its implications for Africa-China Relations // Social Science Academic Press. 2018. P. 196.
- [10] Full text of Chinese President Xi Jinping's speech at opening ceremony of 2018 FOCAC Beijing Summit // Xinhua net. Access mode: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/03/c_129946189.htm (10.09.2018).
- [11] Regulations of the People's Republic of China on Administration of the Entry and Exit of Foreigners // China Consular Affairs. Access mode: <http://cs.mfa.gov.cn/wgrlh/lhqz/lhqzjs/t1120987.shtml> (10.10.2018).
- [12] Zabella A. China's Higher Education Partnership with Africa As a Tool of Public Diplomacy of the People's Republic of China // ICADCE 2017. Pp. 759–762.
- [13] Zhao J. On China's Soft Power // China Foreign Affairs University. Beijing, 2012.

Africans in China and its influence for China-Africa relations

Anastasiia A. Zabella

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

Recent years, steadily growing China's influence on Africa. Africa is often called "China's second continent", which is associated with an enhanced Chinese presence on the African continent. However, the question of the presence of Africans in China and the influence on the development of Chinese-African relations, which will be the subject of this article, remains little studied.

This topic is of particular interest because of the initiative of the PRC President Xi Jinping to create the Center for Innovative Cooperation between China and Africa to promote innovation among youth and entrepreneurship, voiced during the China-Africa Cooperation Forum (FOCAC) held in Beijing in early September 2018.

In this article, the author will highlight the important historical events of the development of the Chinese-African dialogue, consider the main cities with a high percentage of the African population, identify the reasons for the presence of Africans in China and the impact on the development of cooperation between the parties.

Key words: Africans in China, China-Africa relations, FOCAC, China's humanitarian policy

Информация об авторе / Information about the author

Забелла Анастасия Александровна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. E-mail: zabella-rudn@yandex.ru

Zabella Anastasiia, PhD, Assistant, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: zabella-rudn@yandex.ru

Для цитирования / For citations

Забелла А.А. Африканцы в Китае и их влияние на развитие китайско-африканских отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 65–75. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-65-75>

Zabella A.A. Africans in China and its influence for China-Africa relations // RUDN Journal of World History. 2019. Vol. 11. No. 1. Pp. 65–75. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-65-75>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 25.09.2018

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-1-76-90

Научная статья

Рах Романа и римский «империализм» в I в. н.э.⁷

В.О. Никишин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр., 27–4, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена такому историческому феномену, как римский «империализм» в эпоху Августа и его ближайших преемников. Несмотря на то что основатель Принципата провозгласил наступление «Августова мира», он провел несколько завоевательных войн (например, в Испании и Германии). Однако уже Тиберий отказался от «агрессивного империализма», после чего империя перешла к обороне на всех рубежах. Императоры I в. лишь время от времени предпринимали наступательные акции (например, в Армении или Британии). Вероятно, причин отказа римлян от политики экспансии было две. Во-первых, к тому времени они уже завоевали практически все Средиземноморье и расширять границы империи более не имело смысла. Во-вторых, создание профессиональной армии привело к заметному снижению уровня милитаризации римского общества, которое отныне было кровно заинтересовано в сохранении мира и стабильности на всем пространстве «римского мира».

Ключевые слова: римский «империализм», «оборонительный империализм», «агрессивный империализм», «справедливая война», Квинтилий Вар, Август, Клавдий, Тевтобургский лес, вассальные царства, «Августов мир»

*«Говорят, что империя поведет за собой войну.
Нет! Империя – это мир!»*

Наполеон III

Введение

По мере расширения Римской средиземноморской державы римляне все более убеждали себя в том, что они самим провидением призваны властвовать над миром, а потому постепенно прониклись чувством собственного превосходства над всеми «чужаками», будь то греки или варвары. Отношения римлян с покоренными народами на протяжении веков во многом определяло чувство превосходства, однако на практике римские власти могли (когда

© Никишин В.О., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

хотели!) быть достаточно гибкими и реалистичными. Этот нюанс нашел свое отражение и в идеологии. Так, Проперций писал в одной из своих элегий о Римской державе: «Это страна, которая сильна оружием, но не способна / на коварство – о Рим, молве не стыдно за твою историю. / У нас острый меч, но мы столь же и благочестивы – / Наш гнев умеет сдерживать свою победную длань» (Propert. III. 22. 20–22. Пер. А.И. Любжина).

Методы и материалы

В эпоху «Августова мира» Вергилий писал в «Энеиде»: «Римлянин! Ты научись народами править державно – / В этом искусство твое! – налагать условия мира, / Милость покорным являть и смирять войною надменных!» (Verg. Aen. VI. 851–853. Пер. С.А. Ошерова под ред. Ф.А. Петровского). В этой чеканной формуле просто и ясно сформулированы основные задачи римской имперской политики. Между тем еще в 66 г. до н.э. в одном из своих публичных выступлений Цицерон заявил: «Трудно выразить словами, квириды, как чужеземные народы ненавидят нас за распущенность и несправедливость тех людей, которых мы в течение последнего времени к ним посылали облеченными империем. Как вы думаете, остался ли в тех краях хотя бы один храм, к которому наши должностные лица отнеслись бы с должным уважением, как к святилищу, хотя бы один город, который они признали бы неприкосновенным, хотя бы один дом, достаточно крепко запертый и защищенный? Они уже выискивают богатые и благоденствующие города, чтобы объявить им войну под любым предлогом, лишь бы получить возможность разграбить их» (Cic. Leg. Manil. 65. Пер. В.О. Горенштейна).

Порой ненависть провинциалов к римлянам приводила к таким кровавым эксцессам, как «Эфесская резня» 88 г. до н.э., когда по приказу царя Митридата VI Эвпатора в Малой Азии при полной поддержке и горячем участии местного населения были перебиты все «одетые в тогу», т.е. не только римляне и италики, но даже греки и азиаты, получившие права римского гражданства, вместе с членами их семей, рабами и вольноотпущенниками – всего порядка 80 тыс. человек.

Серторианская война в Испании, три войны с Митридатом, завоевание Цезарем Галлии, решающая фаза борьбы Антония с Октавианом, а также другие войны и разного рода локальные конфликты с участием римлян, греков и варваров на этом переломном этапе римской истории выявили крайне непростой характер взаимоотношений «природных» римлян с их соседями – союзниками или провинциалами, друзьями или врагами, бывшими или потенциальными, тайными или явными. Кризис республиканской формы правления и начало формирования монархических структур на рубеже эр потребовали не только перестройки самой системы провинциального управления, оказавшейся крайне неэффективной, но и существенных изменений в политике и идеологии имперских властей по отношению к провинциалам и «чужакам» вообще.

Важно отметить следующее: римляне, имея в виду представителей других народов, никогда не проводили ни в теории, ни тем более в повседневной

жизни столь же резкой грани, которая всегда пролегла – по крайней мере, в теории – между греками и варварами. Причины подчас весьма агрессивно и непримиримого римского негативизма по отношению к варварам в известной степени коренятся в греческой антиварварской традиции. Не следует сбрасывать со счетов также фактор военной угрозы, реальной или воображаемой, со стороны варваров. В конечном счете римляне сумели преодолеть узкий «национализм» и создали великую державу, просуществовавшую полтысячи лет.

Исследование проблемы

Римляне, любившие именовать себя «властителями мира» (Cic. *Mur.* 75; App. *Bell. Civil.* I. 11; Polyb. I. 1. 5; Plut. *Tib. Gracch.* 9) [17. P. 18], породили такой исторический феномен, как римский «империализм»¹. За последние полтора века в антиковедении сформировались, как минимум, три разных подхода к изучению данного феномена. В середине XIX в. появилась теория «оборонительного империализма» (Т. Моммзен, Т. Франк, М. Олло, Ж. Каркопино), в соответствии с которой римляне создали свою державу, защищая самих себя и своих союзников от нападений со стороны воинственных соседей². Антиподом этой теории стала теория «агрессивного империализма» (У. Хэррис, П. Брант, Э. Бэдиан), согласно которой римская внешняя политика была изначально агрессивной в силу якобы имманентно присущего римлянам милитаризма и «воинственного духа». Как это часто бывает, промежуточное положение между двумя крайностями занял третий подход (самые видные представители – А. Экстайн и Г. Вульф), наиболее взвешенный и рациональный [17. P. 12–13]³. Адепты этого подхода исходили из того, что римскую внешнюю политику на протяжении веков определяло множество разных факторов как объективного, так и субъективного свойства, а вовсе не пресловутый милитаризм, понимаемый как некая патологическая римская агрессивность. Эти факторы необходимо изучать и анализировать. В контексте данного подхода Рим рассматривается как один из участников системы международных отношений, сложившейся в Средиземноморье в I тыс. до н.э. Для этой системы были характерны бесконечные межгосударственные военные конфликты и «анархия» (последняя понимается как многополярная система, лишенная признанного лидера⁴ и каких бы то ни было норм международного права).

¹ Сам термин появился в антиковедении сравнительно недавно, в начале XX в. [4. С. 9].

² Эта теория, окончательно сформулированная Т. Франком в 1914 г., безраздельно господствовала в антиковедении вплоть до 1979 г., когда вышла в свет эпохальная монография У. Хэрриса [21]. По словам Е.В. Смыкова, «естественно, с концом колониальной эры должна была неизбежно завершиться и эпоха господства концепции “оборонительного империализма”» [4. С. 15].

³ Между тем такой выдающийся антиковед, как Э. Грюн, вообще считал термин «империализм» неприменимым к римским реалиям [19. P. 3].

⁴ В конечном счете таким признанным лидером стал Рим, а на смену «анархии» в международных отношениях пришел однополярный мир со своей жесткой политической иерархией.

Так, по мнению А. Экстайна, «успехи римлян были обусловлены слабостью и уязвимостью реальных и потенциальных противников Рима в отношении мобилизации общества в условиях военной угрозы наряду с преимуществами Рима в этом плане» [15. Р. 311].

Безусловно, нельзя сводить причины столь длительного существования Римской империи, объединявшей в своих границах десятки разнородных территорий и сотни различных этносов, народностей и племен, находившихся на разных стадиях исторического развития, к одному лишь фактору грубой силы и принуждения. Как справедливо отметил Е.В. Смыков, «если признавать, что все разнородные территории, в разное время вошедшие в состав Римской империи, сплачивала лишь сила – почему в таком случае это государственное образование оказалось столь прочным и не распалось даже в периоды опустошительных гражданских войн, когда мощь государства растрачивалась в братоубийственной бойне? Очевидно, признание римской политики исключительно агрессивной и завоевательной не вполне соответствует историческим реалиям и не дает ответы на возникающие вопросы» [4. С. 3].

У римлян не было термина, аналогичного позднему термину «империализм», поскольку латинские авторы практически не теоретизировали на эту тему; имея в виду расширение римского господства, наиболее близким по смыслу следует признать греческое слово «гегемония» (см., напр.: Polyb. I. 63. 9; Strab. VI. 4. 2) [16. Р. 39–40]. В свою очередь термин «империализм» является производным от латинского *imperium* – «военная власть». В I в. до н.э. к традиционному значению термина *imperium* добавилось еще одно – «держава»⁵. Его мы находим у Цицерона (*Cic. Balb.* 64; *Prov. cons.* 33; *Mur.* 58; *Mil.* 83) и Саллюстия (*Sall. Cat.* 10. 1). Во времена принципата Августа словосочетание *imperium populi Romani* стало означать то, что сегодня мы называем Римской империей [16. Р. 43].

В основе римской внешнеполитической парадигмы, сформировавшейся в эпоху Республики, лежало понятие «справедливой войны» (*bellum iustum*) (*Cic. Off.* I. 34–36) [30. Р. 29–30]. «Справедливой» признавалась только та война, которую римляне объявили и вели по всем правилам с достойным противником во имя «справедливой» цели, т.е. защищая либо самих себя, либо своих союзников (*Cic. Rep.* III. 35) [22. S. 9 ff.]. Напротив, необъявленные войны вроде *bellum servile* («рабская война», примеры – две войны с рабами на Сицилии и движение Спартака) или партизанской («малой») войны, которые велись «не по правилам», считались «разбоем» (*latrocinium*). В «Дигестах» Помпоний пишет: «“Hostes” hi sunt, qui nobis aut quibus nos publice bellum decrevimus: ceteri “latrones” aut “praedones” sunt» («Враги – это те, кто нам или кому мы публично объявили войну; все остальные являются разбойниками или грабителями») (*Pompon. Dig.* 50. 16. 118. Пер. В.О. Никишина. *Ср.: Ulpian. Dig.* 49. 15. 24). Таким образом, *hostes* – это враги Рима в «правильной», т.е. объявленной по всем правилам, с соблюдением надлежащих обрядов и процедуры войне, тогда как *latrones* («разбойники») суть враги Рима в «неправильной», т.е. необъ-

⁵ У греков «архэ». См.: Polyb. I. 1. 5–6; Dio Cass. LXXIII. 14. 4; Herodian. I. 1. 5.

явленной войне [12. P. 17 ff.; 18. P. 214 ss.; 20. P. 17]. Когда у латинских авторов речь заходит о критике издержек римского «империализма», «разбойниками» (*latrones*) они называют самих римлян. Так, в «Письме Митридата» у Саллюстия римляне названы «разбойниками, грабящими народы» (*latrones gentium*) (Sall. *Hist.* IV. 69. 22. Пер. В.О. Горенштейна). У Тацита в «Агриколе» Калгак именуется римлян «расхитителями всего мира» (*raptores orbis*) (Tac. *Agr.* 30. 5. Пер. А.С. Бобовича под ред. М.Е. Сергеенко)⁶. Сравнения Рима с разбойником (*latro*) мы находим также у Помпея Трога (*Iustin.* XXXVIII. 4. 2) и Курция Руфа (*Curt.* VII. 8. 19).

Опираясь на понятие *bellum iustum*, Цицерон дал философско-нравственное оправдание римской территориальной экспансии (*Cic. Rep.* III. 34–37) [31. S. 89–93]. Здесь мы сталкиваемся с любопытным парадоксом. На закате Республики Цицерон, а в период Принципата Тацит, с одной стороны, оправдывают римский «империализм», видя в нем благо для покоренных народов – при условии «справедливой власти» (*iustum imperium*), но с другой – критикуют его же за ряд издержек. Так, Цицерон утверждал, что власть Рима над другими народами обусловлена римской доблестью (*propter virtutem omnibus nationibus imperat*) (*Cic. Verr.* II. 4. 81. Ср.: *Cic. Mur.* 22), что римляне богами и самой природой предназначены для господства (*Cic. Phil.* VI. 19; X. 20), которое виделось ему как своего рода «протекторат»⁷ над другими народами (*patrocinium orbis terrarum*) (*Cic. Off.* II. 26–27). Вместе с тем тот же Цицерон признавал не только то, что римляне наряду с войнами для защиты союзников вели также войны «за владычество» (*de imperio*) (*Cic. Off.* I. 38; II. 26), но и то, что они сами подчас поступали несправедливо по отношению к своим соседям-варварам (*Cic. Rep.* III. 16 [подробнее см.: 26]; *Fam.* XV. 1. 5), которые, случалось, начинали против них «справедливую войну» (*Cic. Prov. cons.* 4). Кроме того, Цицерон сурово порицал злоупотребления римской провинциальной администрации (*Cic. Leg. agr.* II. 45–47; *Prov. cons.* 5–7; *Leg. Man.* 40–41; *Dom.* 23; *Sest.* 93–94). Классическим образцом бескомпромиссного обличения творимого римским наместником произвола являются знаменитые веррины.

⁶ «Расхитителям всего мира, им уже мало земли: опустошив ее, они теперь рыщут по морю; если враг богат – они алчны; если беден – спесивы, и ни Восток, ни Запад их не насытят; они единственные, кто с одинаковой страстью жаждет помыкать и богатством, и нищетой; отнимать, резать, грабить на их лживом языке зовется господством; и создав пустыню, они говорят, что принесли мир» (“*Raptores orbis, postquam cuncta vastantibus defuere terrae, mare scrutantur: si locuples hostis est, avari, si pauper, ambitiosi, quos non Oriens, non Occidens satiaverit: soli omnium opes atque inopiam pari adfectu concupiscunt. Auferre trucidare rapere falsis nominibus imperium, atque ubi solitudinem faciunt, pacem appellant*”).

⁷ Термин «протекторат» в данном случае нельзя считать вполне удачным, поскольку с его употреблением неизбежно связана известная модернизация истории (см. выше). Тем не менее, нам представляется, что именно этот термин (от англ. «защищать», «оказывать покровительство») на сегодня наиболее адекватно отражает римскую формулу отношений между римлянами и покоренными народами, т.е. традиционных отношений патроната – клиентелы. О дискуссии в историографии XX в. по поводу сущности, мотивов и идейной подоплеки римского «империализма» см.: 16. P. 45 ff.

В свою очередь Тацит противопоставляет налагаемому на побежденных «справедливому» римскому господству (*Romanum ius, victis impositurum*) (Тас. *Ann.* XV. 6), которое было бы для них «благом», развращающее влияние цивилизации на неискушенных варваров (Тас. *Germ.* 5; 15) и, как следствие, порчу нравов «благородных дикарей». Время от времени возникавшие восстания против римского владычества дали основание Тациту вложить в уста британца Калгака слова о том, что даже союзников Рима из числа галлов, германцев и британцев до поры удерживают на римской службе *metus ac terror* («боязнь и устрашение»), а вовсе не *caritas* («искренняя приверженность») (Тас. *Agr.* 32). Поэтому римлянам приходилось постоянно опасаться «выступлений враждебных народов» (*tumultus hostilis*) (Тас. *Ann.* IV. 29). Результатом такого положения вещей стало проведение политики «разделяй и властвуй»: по словам Юлия Цивилиса, “*provinciarum sanguine provincias vinci*” (Тас. *Hist.* IV. 17). Суть этой политики заключалась в том, чтобы всеми средствами разжигать среди варваров смуты и междоусобия с целью использовать это состояние нестабильности в своих политических интересах (Тас. *Ann.* XII. 48). Такова была «цена проблемы»: для римлян – плата за имперские амбиции, для покоренных народов – плата за «блага» романизации. Как писал Г.С. Кнабе, «восстания неизменно подавлялись, но ощущение жестокости и бесчеловечности римской власти, напора и силы, с которой все местное, корневое, свое стремилось выбиться из-под этого пресса, было всеобщим. К нему присоединялось, впрочем, и другое чувство. При всем гнете и насилии римское господство означало рост богатства, распространение цивилизации, усложнение жизни и труда, торжество над хаотичными силами природы. Насильственно насаждаемая римская государственность воспринималась как плата за приобщение к классической античной культуре» [2. С. 84–85].

По словам Тима Корнелла, «римляне были империалистами и гордились этим» [13. Р. 141. О римском «империализме» эпохи Республики см.: 14]. К IV в. до н.э. «война для Рима была социальной, политической и экономической необходимостью» [14. Р. 572]. Так было на протяжении веков, однако в конце Республики – начале Империи ситуация в корне меняется. Последний мощный всплеск римского «империализма» приходится на время принцепата Августа [подробнее см.: 11. Р. 96 ff]. Харизматичный наследник Цезаря присоединил к империи Египет, Паннонию, Мёзию, Норик, Рецию, мечтая о покорении Британии, Парфии и далекой Индии [11. Р. 108]. Исключительно важной, рубежной вехой в истории Августова «империализма» стала, безусловно, *clades Variana* (9 г.), положившая конец мечтам Августа и его ближайшего окружения о завоевании Германии. Разгром легионов Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу в известном смысле ударил по «застоявшимся умам», остудив пыл агрессивно настроенных римских консерваторов во главе с Августом и освежив в коллективной исторической памяти римлян их давние «фобии», связанные с галлами и германцами [8. S. 45]. После гибели легионов Вара римляне, видимо, всерьез опасались германского вторжения в Италию, хотя никакой реальной угрозы Риму со стороны германцев тогда не было.

Как удачно высказался в свое время Питер Брант, «реакция римлян на вероятную угрозу напоминает реакцию возбужденного тигра, потревоженного во время еды» [10. Р. 177]. Поэтому после катастрофы в Тевтобургском лесу германцев в Риме стали еще больше бояться и ненавидеть. Следствием этого явились изгнание галлов и германцев из Рима по приказу Августа (Dio Cass. LVI. 23. 4) и жестокие акции в отношении мирного населения в ходе римских военных экспедиций за Рейн; об одной из таких акций сообщает Тацит (Tac. *Ann.* I. 51).

Наконец, Август начал создавать на рубежах империи защитный «пояс» в виде вассальных царств, которые в случае военной угрозы должны были принять на себя первый удар варварских полчищ⁸. «Стоящими на страже державы» именуются эти государственные образования в надписи из Кизика, датированной 37 г. до н.э. (IGR. Vol. IV. 145, v. 3). Впрочем, Дэвид Браунд в своей классической работе убедительно показал, что рассматривать вассальные царства лишь как буферные государства в общепринятом смысле этого термина, введенного в оборот в 1920-х гг. лордом Дж. Керзоном (buffer states), т.е. как страны, расположенные между враждующими великими державами, разделяющие их и обеспечивающие таким образом отсутствие общих границ, было бы неверно [9. Р. 91, п. 1–2]. Здесь необходимо помнить об амбивалентной сущности римского института патроната-клиентелы: клиент и патрон традиционно были связаны взаимными обязательствами [9. Р. 93. Ср.: 23. Р. 33, п. 47. См. также: 6]. Соответственно, если вассальные цари защищали империю, то и империя, в свою очередь, защищала их и в случае надобности оказывала (или не оказывала, при неблагоприятном обороте событий ограничиваясь предоставлением политического убежища изгнанному из своего царства монарху и его семье: 27. Р. 47–48) помощь войсками, оружием и деньгами. В свете такого подхода «буферная» теория в чистом виде дает сбой [11. Р. 299]: ведь если вассальные царства были «буфером» для Рима⁹, то и Рим, со своей стороны, являлся «буфером» для вассальных царств [11. Р. 93].

После смерти Августа (14 г.), завещавшего своему преемнику воздержаться от расширения границ империи (*consilium coercendi intra terminus imperii*) (Tac. *Ann.* I. 11. Ср.: Dio Cass. LVI. 33. 5), территориальная экспансия Рима постепенно сходит на нет. В 16 г. Тиберий отозвал Германика с театра военных действий, и римляне перешли к обороне на рейнском рубеже (Tac. *Ann.* II. 26). Более того, Тацит пишет о резком снижении военной активности Рима при Тиберии по сравнению с эпохой Республики (Tac. *Ann.* IV. 32. Ср.: Tac. *Ann.* I. 3; II. 26; VI. 32; *Agr.* 13). Известно, что в период Принципата имели место локальные вооруженные конфликты на границах и восстания в провинциях, как то: восстания Такфарината (17–24 гг.), Флора и Сакровира (21 г.), Боудик-

⁸ Вассальные правители не только обеспечивали правопорядок и безопасность на окраинах Римской державы, но и служили проводниками греко-римской цивилизации на местах. Одним из таких царей был Юба II Мавретанский [3].

⁹ Вплоть до нач. II в. н.э. вассальные царства играли немалую роль в обеспечении безопасности имперских границ [25. Р. 203].

ки (61 г.), Цивилиса (69–70 гг.), два грандиозных восстания в Иудее (66–73 и 132–135 гг.). О многих военных конфликтах мы, очевидно, просто-напросто не знаем, поскольку наши источники о них не сообщают. По мнению Т. Корнелла, все дело в том, что войны в эпоху Республики отличались по своему характеру от войн периода Принципата: первые велись ради завоевания новых земель, тогда как вторые главным образом имели своей целью удержание уже завоеванных территорий, а также подавление восстаний и мятежей в провинциях [13. Р. 153]. Характерно, что при этом в рамках официальной имперской идеологии продолжала существовать парадигма *imperium sine fine* («империя без границ»), нашедшая свое отражение в литературных произведениях, надписях и монетной чеканке, а идея расширения империи (*propagatio imperii*) жила в умах римлян и при Антонинах, и при Северах [32. Р. 298–299].

Разумеется, характер войн менялся постепенно. Начало этого длительного процесса, видимо, следует отнести ко II в. до н.э.: чем дальше, тем продолжительнее становились мирные «интерлюдии», ежегодные кампании постепенно сменились постоянным военным присутствием в провинциях, а со времен Гракхов участились внутренние конфликты – гражданские войны в Италии, восстания и мятежи в провинциях [13. Р. 157 ff.; 14. Р. 582].

По выражению Т. Корнелла, «римская Республика... пала жертвой собственного успеха» [13. Р. 158]. Уже с I в. до н.э. крупные захватнические авантюры, такие как завоевание Галлии, вторжение в Британию или покорение Дакии, носили исключительный характер и случались крайне редко, милитаризм римского общества в целом и аристократии в частности неуклонно снижался [14. Р. 574–575]. В этом плане внешнеполитический курс Ранней империи мало чем отличался от внешнеполитического курса периода Поздней республики. Эту тенденцию нарушил всплеск «империализма» при Августе.

Чем можно объяснить данный феномен? Во-первых, не будем забывать, что Принципат, который во II в. представлялся некоторым современникам монархией без царских регалий (*Suet. Tib. 14. 2*), во времена Августа и Тиберия официально именовался «восстановленной республикой» (*res publica restituta*). В рамках этой сугубо консервативной идеологемы был по-своему логичен и даже, пожалуй, неизбежен возврат к республиканскому «империализму», т.е. к активной внешней политике и, конкретно, к завоевательным войнам. Во-вторых, огромная армия (25 легионов) не могла долго находиться в бездействии. В-третьих, Август, видимо, стремился подтвердить свое реноме достойного наследника Цезаря – великого завоевателя и полководца. В-четвертых, проведение активной внешней политики было необходимо из соображений престижа правящей династии [13. Р. 161–162].

Интеллектуалы Августова «золотого века» чутко восприняли и отразили в своих произведениях великодержавные устремления основателя Принципата; пример – известные пассажи у Тита Ливия («нет человеческих сил, способных противиться римскому оружию») (*Liv. I. 16. 7. Пер. В.М. Смирин*) и Вергилия («Рим до пределов вселенной расширит власти пределы своей») (*Verg. Aen. VI. 781–782. Пер. С.А. Ошерова под ред. Ф.А. Петровского*). Вместе с тем,

по-видимому, не приходится всерьез говорить о том, что такой осторожный и в высшей степени осмотрительный политик-прагматик, каким был Август, в своем внешнеполитическом курсе руководствовался агрессивной стратегией.

К началу новой эры римская политика «перманентной» территориальной экспансии, по-видимому, полностью себя исчерпала. Провозглашение «Августова мира» (*paх Augusta*) греческие и римские писатели объясняли тем, что римляне к тому времени уже завоевали лучшую часть ойкумены, а воевать за бесплодные и скудные земли варваров просто не имело для них никакого смысла (Strab. VI. 4. 2; XVII. 3. 24; App. *Praef.* 7; Flor. II. 29. 20).

В современной историографии на сей счет существует вполне обоснованное мнение, что решающую роль в отказе наследников Августа от политики «агрессивного империализма» сыграл сам факт появления профессиональной армии и военных (*virī militares*), для которых война стала ремеслом. В результате милитаризация римского общества постепенно стала сходить на нет, людей, сведущих в военном деле, становилось все меньше, а тех, кто был совершенно незнаком с армейскими реалиями и абсолютно равнодушен к военному ремеслу, напротив, все больше. Иными словами, война стала «незнакомой реальностью» для большинства жителей многонациональной империи [13. Р. 168], принцепсы же, если и отправлялись в завоевательный поход, то исключительно из соображений политического престижа. Если так, то указанные объективные обстоятельства, надо полагать, значительно облегчали главную задачу, стоявшую перед имперской пропагандой: сделать так, чтобы население Римской империи поверило в идентичность понятий «империя» и «мир» [33. Р. 178]¹⁰.

Результаты

Само установление режима принципата, когда, по словам Тацита, «в интересах спокойствия и безопасности всю власть пришлось сосредоточить в руках одного человека» (Tac. *Hist.* I. 1. Пер. Г.С. Кнабе под ред. М.Е. Грабарь-Пассек), со временем было осмыслено – и прокламировалось – как «установление гражданского мира» (*paх civilis*) (Suet. *Claud.* 41. 2). Пропаганда убеждала граждан в том, что Август «умиротворил» и «восстановил» республику, освободив её от власти «партий», смуты, голода и страха; он обуздал пиратов и вернул господам беглых рабов, восстановив свободу, законный порядок в государстве и право частной собственности. Как утверждал сам Август в своих «Деяниях», «после того как я потушил гражданские войны, владея при всеобщем согласии высшей властью, я передал государство из своей власти в распоряжение сената и народа римского» (*RGDA.* XXXIV. Пер. А.Л. Смышляева). На аверсе монет, отчеканенных в 28 г. до н.э., красовалась легенда: *libertatis populi Romani vindex* («защитник свободы римского народа»), тогда

¹⁰ Помимо всего прочего, завоевательные войны ложились тяжким бременем на финансы империи; этот фактор был одним из решающих, когда императоры принимали решение о том, начинать или нет очередную военную кампанию [28. Р. 332].

как на реверсе была изображена богиня мира Пакс (Pax). Так закладывались идеологические основы принципата Августа [1. С. 334]¹¹. В этой связи необходимо признать, что лозунг *pax Romana*, являясь безусловным идеологическим штампом (ср. с тирадой мятежного бритта Калгака в интерпретации Тацита: «создав пустыню, они (римляне. – В.Н.) говорят, что принесли мир» (*ubi solitudinem faciunt, pacem appellant*: Тац. *Агр.* 30), во многом отвечал реальной действительности и не мог не пользоваться поддержкой в массах¹². Хотя на деле, разумеется, «мир» в провинциях был весьма относительным [13. Р. 188–189]. В этом отношении весьма характерным представляется пример Галлии.

Когда в 48 г. Клавдий даровал своим землякам, знатым и богатым выходцам из Лугдунской Галлии (недаром Сенека в своем «Апоколокинтосисе» назвал Клавдия «галлом»: *Sen. Apocol.* 6. 1), право заседать в сенате и занимать почетные должности в Риме (*ius honorum*), консерваторы напомнили принцепсу о вековом *metus Gallicus*: «Или нам мало, что венеты и инсубры прорвались в курию, и мы жаждем оказаться как бы в плену у толпы чужеземцев?» (Тац. *Ann.* XI. 23. Здесь и далее цит. в пер. А.С. Бобовича под ред. Я.М. Боровского и М.Е. Сергеенко). В ответ Клавдий заявил о том, что галлы связаны с римлянами «общностью нравов, сходством жизненных правил, родством» (*ibid.* 24)¹³. Свою аргументацию император подкрепил тезисом о «столетней верности» галлов Риму (CIL XIII 1668 [= ILS 212] col. II 33–34: “*centum annorum immobilem fidem obsequiumque*”). Получается, что, по версии Клавдия, после покорения Галлии Цезарем (51 г. до н.э.) в отношениях между галлами и римлянами царил «нерушимый и прочный мир» (*continua inde ac fida pax*) (Тац. *Ann.* XI. 24). И это при том, что в 21 г. н.э. восстали эдуи и треверы под предводительством Флора и Сакровира (Тац. *Ann.* III. 40–46; *Vell.* II. 129. 3), да и до того в Галлии время от времени велись военные действия (галлы восставали в 38 и 31–27 гг. до н.э.) [33. Р. 187]! Хотя Тацит и пишет, что Галлия в этот период была замирена (Тац. *Hist.* I. 16), однако археологические исследования убеждают нас в обратном. Речь идет, прежде всего, о прекрасно укрепленных фортах, раскопанных на территории бывших галльских провинций. Таким образом, Галлия вовсе не была замирена настолько, насколько этого хотелось бы Тиберию или Клавдию [33. Р. 188, п. 1].

Заключение

Понятие *pax Romana* включало в себя два компонента: мир в провинциях и безопасность границ [33. Р. 179]. Границы империи отделяли мир цивили-

¹¹ Характерно, что с именем Августа римляне связывали понятия «свобода» и «богатство» (*Suet. Aug.* 98. 2).

¹² По мнению Е.М. Штаерман, «золотой век» Августа действительно вызвал всплеск массового энтузиазма и веры в счастливое будущее: один лишь сервиллизм не мог послужить основой того расцвета литературы и искусства, которым было отмечено правление Августа [5. С. 183].

¹³ Несмотря на глухой ропот консервативной «оппозиции Его Величества» в сенате, процесс интеграции провинциальных элит, начавшийся еще в эпоху Республики, получил интенсивное продолжение при преемниках Клавдия [24. Р. 305 ff.).

лизации (*imperium Romanum* [о нем см.: 29]), эту, по словам Фергюса Миллара, «сложную систему, включавшую в себя много разных географических зон, этнических групп и политических устройств» [25. Р. 229], от мира варварства. Как писал Дакре Балсдон, «если римлянин окидывал взором мир, он видел цивилизацию в Греции и – не каждый грек согласился бы с ним – в Риме (также, может быть, в далекой Индии), и он находил ее во всех тех, кто был достаточно романизован (в некоторых случаях, как сказал бы Тацит, чересчур романизован). То были дети света; все остальное утопало во тьме варварства» [7. Р. 63–64]. В перспективе пространство цивилизации могло расширяться (парадигма *imperium sine fine*: Verg. Aen. I. 279). Как остроумно заметил Грег Вульф, «границы имперского периода являлись системами коммуникаций и развертывания, а вовсе не пределами Римской державы, и римские писатели не считали, что войска служат лишь оборонительным целям» [33. Р. 180].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AAWM – Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz.

CAH – The Cambridge Ancient History.

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum.

CQ – Classical Quarterly.

IGR – Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes.

ILS – Inscriptiones Latinae Selectae.

JRS – The Journal of Roman Studies.

RGDA – Res gestae divi Augusti.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995.
- [2] Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М., 1981.
- [3] Никишин В.О. Как культура преодолела негативный стереотип: портрет мавретанского царя Юбы II в контексте римских этнических предрассудков // Египет и сопредельные страны. Вып. 2. 2017. С. 43–59.
- [4] Смыков Е.В. Новые подходы к исследованию римской восточной политики. Саратов, 2010.
- [5] Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987.
- [6] *Amici – socii – clientes? Abhängige Herrschaft im Imperium Romanum* (Berlin Studies of the Ancient World. Vol. 31) / Hrsg. E. Baltrusch und J. Wilker. Berlin, 2015.
- [7] Balsdon J.P.V.D. *Romans and Aliens*. L., 1979.
- [8] Bellen H. *Metus Gallicus – Metus Punicus. Zum Furchtmotiv in der römischen Republic* / AAWM. 3. 1985.

- [9] Braund D.C. *Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship*. L., 1984.
- [10] Brunt P.A. “*Laus imperii*” // *Imperialism in the Ancient World* / Eds. P.D.A. Garnsey and C.R. Whittaker. Cambridge, 1978. P. 159–191.
- [11] Brunt P.A. *Roman Imperial Themes*. Oxford, 1990.
- [12] Burian J. *Latrones*. Ein Begriff in römischen literarischen und juristischen Quellen // *Eirene*. *Studia Graeca et Latina*. 21. 1984. S. 17–23.
- [13] Cornell T. The end of Roman imperial expansion // *War and Society in the Roman World / Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society*. Vol. 5 / Eds. J. Rich and G. Shipley. L., 1993. P. 139–170.
- [14] Eckstein A.M. *Conceptualizing Roman Imperial Expansion under the Republic // A Companion to the Roman Republic* / Eds. N. Rosenstein and R. Morstein-Marx. Oxford, 2006. P. 565–589.
- [15] Eckstein A.M. *Mediterranean Anarchy, Interstate War, and the Rise of Rome*. Berkeley and Los Angeles, 2006.
- [16] Edwell P. *Definitions of Roman Imperialism // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81)* / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 39–52.
- [17] Ghio G. *Roman Soldiers on the Spot: Integration and Issues. A case study based on the province of Egypt (I–II century AD)*. Leiden, 2017–2018.
- [18] Giuffrè V. “*Latrones desertoresque*” // *Labeo*. *Rassegna di diritto romano*. 27. 1981. P. 214–218.
- [19] Gruen E.S. *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. Vol. 1. Berkeley, 1984.
- [20] Grünewald Th. *Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality*. L.; N.Y., 2004.
- [21] Harris W.V. *War and Imperialism in Republican Rome, 327 – 70 BC*. Oxford, 1979.
- [22] Kroll W. *Die Kultur der ciceronischen Zeit*. Leipzig, 1933.
- [23] Lintott A. *Imperium Romanum: Politics and Administration*. L.; N.Y., 1993.
- [24] Madsen J.M. *The Provincialisation of Rome // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81)* / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 305–318.
- [25] Millar F. *Rome, the Greek World, and the East* / Eds. H.M. Cotton and G.M. Rogers. Vol. 2. *Government, Society, and Culture in the Roman Empire*. L., 2004.
- [26] Paterson J. *Transalpinæ gentes: Cicero, De re publica 3, 16 // CQ*. 1978. 28. P. 452–458.
- [27] Pitts L.-F. *Relations between Rome and the German “Kings” on the Middle Danube in the First to Fourth Centuries A.D.* // *JRS*. 79. 1989. P. 45–58.
- [28] Potter D. *The Limits of Rower // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81)* / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 319–332.
- [29] Richardson J.S. *Imperium Romanum: Empire and the Language of Power // JRS*. 81. 1991. P. 1–9.
- [30] Stone M. *The Genesis of Roman Imperialism // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81)* / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 23–38.
- [31] Vogt J. *Ciceros Glaube an Rom*. Darmstadt, 1963.
- [32] Whittaker C.R. *Frontiers // CAH*. 2nd ed. Vol. XI. *The High Empire, AD 70–192* / Ed. A.K. Bowman. Cambridge, 2008. P. 293–319.
- [33] Woolf G. *Roman peace // War and Society in the Roman World / Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society*. Vol. 5 / Eds. J. Rich and G. Shipley. L., 1993. P. 171–194.

REFERENCES

- [1] Abramzon M.G. Monety kak sredstvo propagandy oficialnoy politiki Rimskoj Imperii [The Coins as a mean of propaganda of the official policy of the Roman Empire]. M., 1995.
- [2] Knabe G.S. Kornelij Tacit. Vremya. Zhizn'. Knigi [Cornelius Tacitus. Time. Life. Books]. M., 1981.
- [3] Nikishin V.O. Kak kultura preodolela negativnyj stereotip: portret mavretanskogo carya Juby II v kontekste rimskih etnicheskikh predrassudkov [How the culture overcame a negative stereotype: the portrait of Mauretanian king Juba II in the context of the Roman racial prejudices] // Egipet i sopredel'nye strany [Egypt and neighbouring countries]. Vyp. 2. M., 2017. S. 43–59.
- [4] Smykov E.V. Novye podhody k issledovaniju rimskoj vostochnoj politiki [The new approaches of research of the Roman eastern policy]. Saratov, 2010.
- [5] Shtaerman E.M. Social'nye osnovy religii drevnego Rima [Social bases of the religion of Ancient Rome]. M., 1987.
- [6] Amici – socii – clientes? Abhängige Herrschaft im Imperium Romanum (Berlin Studies of the Ancient World. Vol. 31) / Hrsg. E. Baltrusch und J. Wilker. Berlin, 2015.
- [7] Balsdon J.P.V.D. Romans and Aliens. L., 1979.
- [8] Bellen H. Metus Gallicus – Metus Punicus. Zum Furchtmotiv in der römischen Republic / AAWM. 3. 1985.
- [9] Braund D.C. Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship. L., 1984.
- [10] Brunt P.A. “Laus imperii” // Imperialism in the Ancient World / Eds. P.D.A. Garnsey and C.R. Whittaker. Cambridge, 1978. P. 159–191.
- [11] Brunt P.A. Roman Imperial Themes. Oxford, 1990.
- [12] Burian J. Latrones. Ein Begriff in römischen literarischen und juristischen Quellen // Eirene. Studia Graeca et Latina. 21. 1984. S. 17–23.
- [13] Cornell T. The end of Roman imperial expansion // War and Society in the Roman World / Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society. Vol. 5 / Eds. J. Rich and G. Shipley. L., 1993. P. 139–170.
- [14] Eckstein A.M. Conceptualizing Roman Imperial Expansion under the Republic // A Companion to the Roman Republic / Eds. N. Rosenstein and R. Morstein-Marx. Oxford, 2006. P. 565–589.
- [15] Eckstein A.M. Mediterranean Anarchy, Interstate War, and the Rise of Rome. Berkeley and Los Angeles, 2006.
- [16] Edwell P. Definitions of Roman Imperialism // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81) / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 39–52.
- [17] Ghio G. Roman Soldiers on the Spot: Integration and Issues. A case study based on the province of Egypt (I–II century AD). Leiden, 2017–2018.
- [18] Giuffrè V. “Latrones desertoresque” // Labeo. Rassegna di diritto romano. 27. 1981. P. 214–218.
- [19] Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. 1. Berkeley, 1984.
- [20] Grünewald Th. Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality. L.; N.Y., 2004.
- [21] Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome, 327 – 70 BC. Oxford, 1979.
- [22] Kroll W. Die Kultur der ciceronischen Zeit. Leipzig, 1933.

- [23] Lintott A. *Imperium Romanum: Politics and Administration*. L.; N.Y., 1993.
- [24] Madsen J.M. *The Provincialisation of Rome // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81) / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 305–318.*
- [25] Millar F. *Rome, the Greek World, and the East / Eds. H.M. Cotton and G.M. Rogers. Vol. 2. Government, Society, and Culture in the Roman Empire. L., 2004.*
- [26] Paterson J. *Transalpinæ gentes: Cicero, De re publica 3, 16 // CQ. 1978. 28. P. 452–458.*
- [27] Pitts L.-F. *Relations between Rome and the German “Kings” on the Middle Danube in the First to Fourth Centuries A.D. // JRS. 79. 1989. P. 45–58.*
- [28] Potter D. *The Limits of Rower // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81) / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 319–332.*
- [29] Richardson J.S. *Imperium Romanum: Empire and the Language of Power // JRS. 81. 1991. P. 1–9.*
- [30] Stone M. *The Genesis of Roman Imperialism // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81) / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 23–38.*
- [31] Vogt J. *Ciceros Glaube an Rom. Darmstadt, 1963.*
- [32] Whittaker C.R. *Frontiers // САН. 2nd ed. Vol. XI. The High Empire, AD 70–192 / Ed. A.K. Bowman. Cambridge, 2008. P. 293–319.*
- [33] Woolf G. *Roman peace // War and Society in the Roman World / Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society. Vol. 5 / Eds. J. Rich and G. Shipley. L., 1993. P. 171–194.*

Research article

Pax Romana and the Roman “imperialism” in the 1st century A.D.

Vladimir O. Nikishin

*Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky Av, 27–4, Moscow, Russia, 119991*

This article is devoted to such a historical phenomenon as the Roman “imperialism” in the epoch of Augustus and his coming successors. Despite the fact that the founder of the Principate had declared the coming of “pax Augusta”, he spent several wars of conquest (for instance, in Spain and Germany). But Tiberius had already refused of “aggressive imperialism”, then the Empire moved to defense at all frontiers. The emperors of the 1st century A.D. only from time to time took offensive actions (for example, in Armenia or Britain). Probably, there were two reasons for the Romans’ rejection of expansion policy. First of all, by that moment they had already conquered practically all the Mediterranean, and the expanding of the boundaries of the Empire hadn’t sense any more. Secondly, the creation of professional army led to the noticeable decline of the militarization level of the Roman society, which from that on was keenly interested in the keeping of peace and stability all over the “pax Romana”.

Keywords: the Roman “imperialism”, “defensive imperialism”, “aggressive imperialism”, “bellum iustum”, Quintilius Varus, Augustus, Claudius, Teutoburger Forest, vassal kingdoms, “pax Augusta”

Информация об авторе / Information about the author

Никишин Владимир Олегович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва. E-mail: cicero74@mail.ru

Nikishin Vladimir Olegovich, Candidate of Historical Sciences, senior teacher of the department of the ancient history in the history faculty of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: cicero74@mail.ru

Для цитирования / For citation

Никишин В.О. Pax Romana и римский «империализм» в I в. н.э. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 76–90. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-76-90>

Nikishin V.O. Pax Romana and the Roman “imperialism” in the 1st century A.D. // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. № 1. Pp. 76–90. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-76-90>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 14.12.2018

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-1-91-100

Научная статья

Участие оргеонов в финансировании религиозных церемоний в Аттике IV в. до н.э. (по данным эпиграфики)¹⁴

Е.В. Булычева

Российский государственный гуманитарный университет
Миусская пл., 6, Москва, Россия, 125993

Статья посвящена участию оргеонов (особых религиозных сообществ) в организации и финансировании религиозных церемоний в Афинах IV в. до н. э. Основным источником по данному вопросу является эпиграфический материал – надписи, сохранившиеся на мраморных стелах, посвященные экономической деятельности оргеонов. Эти религиозные сообщества получали от афинского полиса право на распоряжение священной землей, сдавали храмовые участки (теменосы) в аренду, также в некоторых случаях организовывали их продажу, получая определенный доход. Кроме того, в число оргеонов входили состоятельные граждане, которые совершали пожертвования и выступали спонсорами деятельности ассоциации. Эти полученные средства использовались для организации внутренней деятельности сообщества, а также вкладывались в организацию и финансирование различных религиозных церемоний, которые проводились в самом сообществе и на территории афинского полиса.

Ключевые слова: оргеоны, полис, религиозные церемонии, надписи, священные земли, сообщество

Введение

Древнегреческое общество, как и другие коллективы древнего мира было весьма религиозным. В афинском полисе существовали различные религиозные сообщества, которые находились при храмах многочисленных богов и героев, исполняя определенные религиозные культы и церемонии [1. С. 5]. При этом, к сожалению, сведений об их деятельности сохранилось немного. В основном это фрагментарные сообщения надписей, найденных археологами на территории Афин и в других греческих областях. Одним из таких религиозных объединений являлись оргеоны. Объединения оргеонов были одними

© Булычева Е.В., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

из наиболее древних на территории афинского полиса, ведущие свое происхождение с раннеархаических времен и активно занимающиеся религиозной деятельностью в позднеклассический период (IV–III вв. до н. э.) [2. С. 57], Практически единственный имеющийся в нашем распоряжении источник о деятельности оргеонов – надписи, посвященные экономической деятельности этого сообщества, их распоряжению священными землями (теменосами). На основании этих данных попытаемся представить картину участия оргеонов в организации и финансировании религиозных церемоний в Афинах в IV в. до н.э. Религиозные церемонии были постоянным явлением в жизни афинского полиса. Они проводились при храмах в дни, посвященные празднествам в честь различных богов и героев, а также во время крупных общегреческих праздников [3. Р. 25–26].

Методы и материалы

Основным методом исследования в данной статье является комплексный подход к изучению источников, базирующейся на принципах историзма, системности и объективности. Анализ источников включает общенаучные методы работы с историческим материалом (анализ, синтез, аналогия, сравнение). Основным источником для изучения деятельности оргеонов (как уже говорилось выше) является эпиграфический материал. При этом следует обратить внимание на тот факт, что в некоторых случаях данные эпиграфики весьма фрагментарные, что создает определенные трудности при анализировании. Надписи, которые содержат сведения о деятельности оргеонов, представлены в собрании эпиграфических документов – *Inscriptiones Graecae*, который был впервые издан в Берлине в 1924 году. При ссылках на этот сборник в статье будет использовано общепринятое сокращение – IG. Кроме того, будут привлечены надписи из собрания X. Плекета (в статье будет использовано общепринятое сокращение – Pleket).

К сожалению, у античных авторов практически не содержатся сведения по этому вопросу. Вероятно, причиной того, что объединения оргеонов практически обходят вниманием письменные источники, можно попытаться объяснить, во-первых, тем, что они имели сугубо частный характер, а, во-вторых, что в классическую эпоху, когда наблюдается расцвет их деятельности, эти сообщества представляли собой культовые союзы, члены которого не всегда имели гражданский статус, могли быть чужестранцами, в связи с чем о них предпочитали не писать античные авторы [4. С. 73]. В связи с этим исследование проблемы будет построено в основном на изучении эпиграфики.

Исследование проблемы

В Древних Афинах, как и в других полисах Древней Греции, организации празднеств уделялось большое внимание. Праздничные церемонии проводились как внутри отдельных гражданских коллективов, так и на уровне

всего греческого полиса. Как правило, они посвящались различным богам и героям, в связи с чем центральное место в проведении празднеств отводилось организации религиозных церемоний [3. Р. 21–22], которые сопровождались масштабными жертвоприношениями, мусическими и спортивными агонами, а также театральными постановками. На проведение этих мероприятий, безусловно, требовались немалые средства. Знаменитый оратор Демосфен в одной из своих речей рассуждает над тем, что проведение церемоний во время праздников Панафиной и Дионисий в Афинах требовало больших хлопот и затраты огромных средств (IV. 35). В частности, он отмечает, что на организацию Панафиной тратилось средств больше, чем на содержание афинского флота (IV. 35). При этом следует обратить особое внимание на тот факт, что торжественные мероприятия, сопровождавшиеся различными церемониями, делились на те, которые проводились на общеполисном уровне, и другие, которые организовывались на локальном уровне и могли проводиться каким-либо демом (территориально-административным подразделением полиса) или определенным религиозным сообществом. В связи с этим возникает вопрос об источниках финансирования этих церемоний. Как свидетельствуют данные эпиграфики, многие храмы были весьма богатыми. Их доходы пополнялись за счет распоряжения земельными участками, а также вкладами от частных лиц. Особенно богатые фонды были у святилища Артемиды в Бравроне (IG. II². 1514–1522), храма Асклепия (IG. II². 1532–1539), а также у других аттических святилищ [6. Р. 14–17]. Поэтому они могли финансировать религиозные празднества и церемонии. В ряде случаев это могли быть, как вклады частных лиц, которые участвовали в церемониях, так и пожертвования со стороны полиса и определенных религиозных сообществ [4. С. 11–14].

В данной статье рассмотрим вопрос об участии религиозного объединения оргеонов в финансировании религиозных церемоний в Афинах IV в. до н.э. По сведениям эпиграфического материала, оргеоны, будучи религиозным сообществом, активно занимались экономической деятельностью [7. 27–29]. Оргеоны распоряжались земельными участками святилищ (теменосами), которые принадлежали храмам. При этом интересно отметить, что, судя по содержанию надписей, это были земельные участки, принадлежавшие святилищам богов и героев (IG. II². 2499; Pleket. 43). В качестве основного вида распоряжения в договорах оргеонов указана сдача теменосов в аренду частным лицам. Таким образом, оргеоны выступали в качестве арендодателей. Судя по содержанию надписей, они сдавали в аренду теменос с расположенными на нем хозяйственными постройками и земельными угодьями (Pleket. 43, lin. 15–21; IG. II². 2499, lin. 5–10, 20–30, 40).

Земельные участки сдавались в аренду за определенную плату, а также оргеоны предписывали арендатору выполнение определенных условий, связанных с обработкой земель и проведением соответствующих строительных и ремонтных работ, направленных на благоустройство теменоса. Кроме сдачи в аренду земельных участков святилищ, оргеоны в некоторых случаях участвовали в сделках по продаже какого-то вида имущества (IG. II². 1599). При этом

надпись сохранилась весьма фрагментарно, и невозможно точно установить, какой вид имущества поступал на продажу. Трудно также объяснить мотивы участия оргеонов в сделке по продаже, поскольку в афинском полисе не было распространено участие религиозных сообществ в подобного рода операциях. Возможно, это могло быть связано со следующими причинами. Во-первых, как известно, в афинском полисе было немало так называемых окраинных земель, которые практически не были пригодны для каких-либо хозяйственных работ, и их распорядители не были заинтересованы в их активном освоении [2. С. 140–141]. Во-вторых, продажа могла быть вынужденной, поскольку, как известно, IV в. до н.э. время весьма противоречивое в жизни афинского полиса, когда после завершения Пелопоннесской войны многие земли оказались в разоренном состоянии и у коллективов не было достаточных средств для их восстановления. Кроме того, оргеоны получали определенные средства от вкладов, которые часто совершали сами члены сообщества. Н. Джоунс отмечает, что в классическую эпоху появилась особая тенденция: оргеоном мог стать тот, кто вносил в организацию некоторые средства [9. Р. 260–261]. По мнению исследователя, это было вполне сознательной политикой оргеонов, направленной на то, чтобы привлечь как можно больше спонсоров. Об этом свидетельствует и тот факт, что таким людям предоставлялись функции управляющих [9. Р. 261].

Средства, полученные оргеонами от проведения экономических сделок, судя по сохранившемуся в нашем распоряжении материалу, были средней стоимости. Так, в надписи о сдаче в аренду теменоса оргеонов Эгрета сказано, что арендная плата составляет 200 драм ежегодно (IG. II². 2499, lin. 5). В другом договоре – о передаче в аренду теменоса оргеонов Иатра указана арендная плата в 20 драм ежегодно (Pleket/ 43, lin. 6). Возможно, что во втором случае она была значительно меньше, поскольку в аренду сдавался земельный участок, небольшой по площади и мало пригодный для возделывания. В обоих случаях эту арендную плату вряд ли можно считать высокой, однако ее нельзя назвать слишком низкой, поскольку до нашего времени сохранились арендные договоры, в которых арендодателями являются демы и фратрии, и суммы арендной платы весьма различаются. Так, в договоре о сдаче в аренду фратрии диалейцев представлена сумма арендной платы в 600 драм ежегодно (IG. II². 1241, lin. 14–15). В тоже время в договоре о сдаче в аренду земельных участков и пастбищ дема Пирея арендная плата составляет около 10 драм ежегодно (IG. II². 2496, lin. 5). В целом, изучая содержание договоров о сдаче в аренду священных земель, можно прийти к выводу, что арендная плата сильно варьировалась – от небольшой суммы в 10 драм до 600 драм и выше [2. С. 72].

Плата за аренду могла зависеть от разных факторов (количество и качество земель, наличие каких-либо хозяйственных построек и т.д.). К сожалению, в нашем распоряжении нет подробных сведений о том, на какие нужды расходывались средства от сдачи в аренду, полученные коллективами. Х. Мичелл отмечает в своей работе, что древнегреческое государство и храмы, сдающие в

аренду свои земли, использовали доходы, полученные от этих операций, прежде всего на организацию праздничных церемоний, которые проводились в полисе [8. Р. 44]. В. Розивач, опираясь на «Ареопагетик» Исократы, отмечает, что следует различать финансирование от лица архонта-басилея, которое шло прежде всего на так называемые отеческие (традиционные) жертвоприношения, а новые церемонии (введенные в полисе в конце V – начале IV в. до н.э.) оплачивали аттические коллективы, среди которых были и оргеоны [9. Р. 54–55]. Кроме того, важно учитывать, что от сдачи теменосов в аренду арендодатели получали доход не только в виде арендной платы, но также определенные сельскохозяйственные продукты в виде плодовых и злаковых культур, а также разных пород домашних животных (Greek historical inscriptions. 37, lin. 37, 40, 80–88; IG. II². 2492, lin. 30–35; 2496, lin. 10–15). Безусловно, что все эти продукты также использовались в качестве доходов от арендной платы и тратились во время проведения торжественных жертвоприношений, а также раздавались в качестве угощений жреческому персоналу [2. С. 84–85]. В надписях о сдаче в аренду земельных участков оргеонов, как и других организаций и объединений полиса, содержатся указания на то, что арендатору следует проводить определенные строительные и ремонтные работы, которые также требуют немалых затрат и необходимы для проведения праздничных процессов и церемоний (IG. II². 2499, lin. 30–35; Pleker. 43, lin. 20–25).

Таким образом, мы видим, что оргеоны получали определенные средства от сдачи в аренду теменосов, которые они могли тратить на проведение различных праздничных, религиозных церемоний. Судя по сведениям эпиграфического материала, оргеоны тратили имеющиеся у них средства на организацию и финансирование праздничных церемоний, которые проводились на территории святилища, земли которого находились в их распоряжении.

Опираясь на сведения надписи о сдаче в аренду священного участка оргеонов героя Эгрета, можно заключить, что жертвоприношения в честь чтимого божества проходили не менее чем раз в год. В договоре сказано, что оргеоны совершают жертвоприношения в честь героя Эгрета в течение месяца боэдромиона (IG. II². 2499, lin. 25–30). Судя по данным других источников, оргеоны проводили торжественное жертвоприношение, после которого устраивали пир и совместно чтили своего героя [4. Р. 80]. Во главе сообщества находился управляющий – гестиатор, который назначал дни торжественных жертвоприношений, следил за поступлением и распределением средств. В зависимости от величины объединения кроме гестиатора в состав управления могли входить также эпимелеты, казначей и, конечно же, жрецы. Именно на этих должностных лиц сообщества возлагались обязанности, связанные с получением и распределением средств, полученных от экономических операций. Так, в надписи сдаче в аренду теменоса оргеонов героя Эгрета сказано, что арендатор Диогнет должен предоставить арендную плату ежегодно какому-либо управляющему или эпимелету первого числа месяца боэдромиона (IG. II². 2499, lin. 20–22). Эти управляющие также должны следить за постановкой стелы с условиями договора, что являлось важной гарантией соблюдения

условий сделки (IG. П². 2499, lin. 35). Судя по данным эпиграфики, управляющими оргеонов часто назначались попечители святилища, которые приносили в дар сообществу определенные средства и в благодарность получали руководящие должности (Syll³. 1096, lin. 10–11). Важным является и то, что для организации жертвоприношений использовались не только денежные средства, но также проводились определенные работы, которые были направлены на создание всех необходимых условий для проведения соответствующих религиозных церемоний. В надписи о сдаче в аренду земельного участка оргеонами Эгрета сказано: «всякий раз, когда оргеоны будут совершать жертвоприношения в месяце боэдромион, арендатор должен предоставить здание, где есть помещение для жертвоприношений, открытое и покрытое крышей вместе с печью, скамьями и столами» (IG. П². 2499, lin. 25–30).

Последнее замечание особенно интересно. Судя по сведениям других надписей, в специальном, культовом помещении устанавливались специальные жертвенные столы, которые накрывали как служители культа, так и прихожане за свой счет (IG. П². 776, lin. 10–12). Исследователи, которые специально занимаются этим вопросом, отмечают, что на основании эпиграфического материала можно выделить отдельные типы жертвенных столов, которые накрывались в зависимости от масштаба праздника, бога или героя, которому они посвящались, характера праздничного мероприятия и ряда других локальных факторов [10. P. 31–46]. При этом в данном договоре также содержится предписание оргеонов арендатору, что мебели (специальных столов и скамей) должно быть достаточно для заполнения двух ритуальных, трапезных помещений (IG. П². 2499, lin. 30).

Подобное предписание, скорее всего, свидетельствует о том, что оргеоны устраивали церемонии и жертвоприношения, рассчитанные на определенное количество участников, которых, судя по всему, было немало. Кроме того, можно предположить, что были какие-то особенно важные торжества (возможно, в честь покровителя сообщества – героя Эгрета), которые предполагали определенный масштаб жертвенной трапезы. Кроме того, от арендатора оргеоны требовали проведения определенных ремонтных, реставрационных работ на территории святилища, которые, судя по всему, должны были помочь преобразить территорию почитаемого бога или героя, особенно перед проведением торжественных церемоний. В надписи о сдаче в аренду священного участка героя Иатра сказано, что арендатор Трасибул может покинуть теменос только после того, как он выполнит соответствующие строительные и ремонтные работы (Plekēt. 43. lin. 25). Таким образом, можно заметить, что для оргеонов весьма важным является обустройство священной территории, на которой проводились торжественные церемонии.

Для религиозных сообществ проведение торжественных празднеств и церемоний являлось весьма важным мероприятием. В связи с этим они с особой благодарностью относятся к тем, кто выступает в качестве попечителей этих событий. В надписи оргеонов богини Бендиды сказано, что попечители, предоставившие средства на организацию празднеств, получают от оргеонов в качестве особой благодарности позолоченный венок стоимостью в 100 драхм

серебра (Syll³. 1095). В другой надписи также постановлено оргеонами увенчать золотым венком стоимостью в 500 драхм попечителей, совершивших пожертвования для организации торжественных церемоний, проводимых оргеонами (Syll³. 1096). При этом в этих постановлениях содержится весьма своеобразное предписание о том, что попечителям, награжденным оргеонами такими дорогими золотыми венками, следует через некоторое время передать эти награды обратно в святилище чтимого божества (Syll³. 1096, lin. 15).

Подобная практика была распространена в Афинах. Сохранились сведения из речей Демосфена и эпиграфического материала о том, что боспорские цари, совершавшие поставки хлеба в Афины, пользовались почетом в полисе и получали на празднике Панафинеи в честь богини Афины золотой венок. (Dem. XX. 31–33). По окончании торжественной церемонии награждения им следовало передать эту награду в храм богини Афины на Акрополе (МИС. 3). Подобная церемония была связана с культовым поклонением божеству или герою, показателем дани уважения к нему. В связи с этим, безусловно, возникает вопрос о том, какую цель в таком случае преследовали попечители, совершая такую благотворительность. Скорее всего, здесь не может быть однозначного ответа. Во-первых, следует учитывать тот факт, что мы говорим об античном обществе, особой психологии человека того времени, когда служение божеству уже считалось почетным и не требовало особой награды. Во-вторых, награждение было символичным, неким знаком отличия, которое имело для награжденного особое, ритуальное значение. Кроме того, попечитель в любом случае получал выгоду. Как уже отмечалось ранее, он мог стать высшим должностным лицом, управляющим оргеонов. Он также получал определенную экономическую выгоду. В частности, в сохранившихся постановлениях оргеонов есть предписания – освободить от взносов, которые были обязательными для членов сообщества, попечителей, а также их потомков (Syll³. 1096, lin. 10–15).

Результаты

Анализ эпиграфики и некоторых сведений античных авторов дает возможность прийти к следующим результатам исследования. Во-первых, праздничные церемонии требовали немалых затрат [11. С. 84–88], расходы на которые брали на себя различные подразделения и объединения афинского полиса, среди которых особое место занимали религиозные сообщества оргеонов. Во-вторых, оргеоны для финансирования праздничных церемоний использовали различные фонды своих доходов. В первую очередь следует назвать доходы, которые они получали от сдачи в аренду священных земель, а также средства, предоставляемые попечителями сообщества. В-третьих, необходимо обратить внимание на тот факт, что для самих оргеонов участие в финансировании праздничных церемоний имело особое значение. С одной стороны, это, скорее всего, было данью традиции, показателем привязанности сообщества к традициям афинского полиса. С другой стороны, они старались продемонстрировать свою значимость, оправдать собственное право на распоряжение священными землями, которое предоставил им полис.

Заключение

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Афинский полис постоянно организовывал торжественные празднества и церемонии, требующие значительного финансирования. Одним из источников покрытия расходов становились средства, которые перечисляли религиозные сообщества оргеонов. В распоряжении оргеонов находились священные участки – теменосы, которые, как правило, сдавались в аренду частным гражданам. Часть дохода, полученная от аренды, поступала на финансирование торжественных церемоний. Кроме того, как свидетельствует эпиграфический материал, в ходе аренды осуществлялись ремонтные и строительные работы, выполнение которых также позволяло обеспечить проведение праздничных ритуалов и жертвоприношений. За ходом финансирования следили специальные должностные лица, входящие в руководящий состав организации оргеонов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Фролов Э.Д. Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб.: Наука, 2001.
- [2] Булычева Е.В. Древняя Аттика в конце V–IV вв. до н. э. Распоряжение общественной землей в полисе. М.: РГГУ, 2018.
- [3] Parke H.W. *Festivals of the Athenians*. London, 1977.
- [4] Ferguson W.S. *The Attic orgeones* // *Harvard Theological Review*, 1944. 37.
- [5] Булычева Е.В. Аренда храмовых земель и финансирование религиозных церемоний в Аттике в IV в. до н. э. // *Вестник РГГУ. Серия «Филология. Культурология. Востоковедение»*. М.: РГГУ, 2015. № 9. С. 9–17.
- [6] Linders T. *The treasurers of the other gods in Athens and their functions*. Meisenheim and Glan, 1975.
- [7] Булычева Е.В. Экономическая деятельность оргеонов Аттики в IV в. до н. э. (по данным договоров об аренде и продаже земли) // *Вестник Литературного Института им А.М. Горького*. М., 2014. № 3. С. 24–33.
- [8] Michell H. *The economics of ancient Greece*. Cambridge, 1943.
- [9] Rosivach V.I. *The system of public sacrifice in fourth century*. Atlanta, 1994.
- [9] Jones N.F. *The associations of classical Athens*. Oxford, 1999.
- [10] Gill D. *Greek cult tables*. New York, 1991.
- [11] Гвоздева Т.Б. Награды на Панафинейских играх (Перевод. Вступительная статья и комментарии) // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. М.: РУДН, 2013. № 3. С. 84–95.

REFERENCES

- [1] Frolov E.D. *Al' ternativnye social' nye soobshestva v antichnom mire*. SPb.:Nauka, 2001.
- [2] Bulycheva E.V. *Drevnjaja Attika v konce V–IV vv. do n.e. Rasporejenie obshhestvennoi zemlei v polise*. M.: RGGU, 2018.

- [3] Parke H.W. Festivals of the Athenians. London, 1977.
- [4] Ferguson W.S. The Attic orgeones // Harvard Theological Review, 1944.37.
- [5] Bulycheva E.V. Arenda hramovyh zemel' i finansirovanie religioznyh ceremonij v Attike IV v do n.e. // Vestnik RGGU. Serija «Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie». М.: RGGU, 2015. № 9. С. 9–17.
- [6] Linders T. The treasurers of the other gods in Athens and their functions. Meisenheim and Glan, 1975.
- [7] Bulycheva E.V. Ekonomicheskay deajtel'nost orgeonov Attiki v IV v. do n. e. (po dannim dogovorov ob arende i prodazhe zemli) // Vestnik Literaturnogo Instituta im. A.M. Gor'kogo. М., 2014. № 3. С. 24–33.
- [8] Michell H. The economics of ancient Greece. Cambridge, 1943.
- [9] Jones N.F. The associations of classical Athens. Oxford, 1999.
- [10] Gill D. Greek cult tables. New York., 1991.
- [11] Gvozdeva T.B. Nagrady na Panafinejskih igrakh (Perevod. Vstupitel'naja stat'ja i komentarii) // Vestnik RUDN. М.: RUDN, 1913. № 3. С. 84–95.

Research article

Part orgeones in financing religious ceremonies in Attica IV century B.C. (according to epigraphy)

Elena V. Bulycheva

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya square, Moscow, Russia, 125993

The article is devoted to participation orgeones (religious communities) in the organization and financing of the research Institute of religious ceremonies in Athens IV century BC, the Primary source on this issue is epigraphic material – inscriptions, preserved on a marble stele dedicated to economic activities organov. These religious communities received from the Athenian policy the right to dispose of the sacred land, leased temple sites (Temenos), and in some cases organized their sale, receiving a certain income. In addition, the bodies included wealthy citizens who made donations and sponsored the activities of the Association. These funds were used to organize the internal activities of the community, as well as to organize and Finance various religious ceremonies, which were held in the community and on the territory of the Athenian Polis.

Keywords: orgeones, policy, religious ceremonies, inscriptions, sacred earth community

Информация об авторе / Information about the author

Булычева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории РГГУ. E-mail: bulychevalena@yandex.ru

Bulycheva Elena V., PhD in Historical Sciences in Russian State University for the Humanities. E-mail: bulychevalena@yandex.ru

Для цитирования / For citation

Булычева Е.В. Участие оргеонов в финансировании религиозных церемоний в Аттике IV в. до н.э. (по данным эпиграфики) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 91–100. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-91-100>

Bulycheva E.V. Part orgeones in financing religious ceremonies in Attica in IV century B.C. (according to epigraphy) // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. No. 1. Pp. 91–100. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-91-100>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 14.12.2018

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-1-101-110

Научная статья

Средневековая станковая керамика поселения Мурзалы в Восточном Приаралье¹⁵

Е.Б. Барина

Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский проспект, 32А, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена изучению поливной и неполивной средневековой керамики, изготовленной на гончарном круге, поселения Мурзалы в Восточном Приаралье. Выделены особенности технологии ее изготовления, форм, орнаментации, проведена сравнительная типология. Станковая керамика поселения Мурзалы произведена на ножном круге быстрого вращения и имеет гончарный обжиг. Она представлена орнаментированными и неорнаментированными хумами, котлами, широкогорлыми и узкогорлыми горшками, кувшинами, мисками, блюдами, чашами, кружками, светильниками и т.д. Станковая керамика поселения Мурзалы в целом аналогична хорезмийской XII–XIV вв. и относится ко времени наивысшего хозяйственного расцвета и политического могущества Хорезма.

Ключевые слова: Восточное Приаралье, Хорезм, керамика, произведенная на гончарном круге, средневековье

Введение

Археологический материал, прежде всего керамический, который лег в основу этой статьи, был вывезен из Восточного Приаралья в ходе многолетних работ Хорезмской экспедиции Академии наук СССР и долгое время сохранился в экспедиционных хранилищах в Москве. Автору, являвшемуся на протяжении нескольких лет полевым сотрудником Хорезмской экспедиции, было разрешено использовать часть накопленного материала для самостоятельного научного исследования. Автор имел дело непосредственно с керамическим материалом, делая его техническую и научную обработку. Под этим подразумевается его графическая фиксация, а также классификация, типологизация и составление хронологической шкалы.

В своей работе автор ставил перед собой следующие задачи:

© Барина Е.Б., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

– во-первых, обработать ранее не изученный керамический материал (который был любезно предоставлен д.и.н. Л.М. Левиной), собранный в ходе археологических разведок на крупном средневековом поселении Мурзалы;

– во-вторых, сравнить, насколько археологический материал подтверждает выводы, сделанные современными учеными на основе исследования, прежде всего, письменных источников.

Найденный на поселении керамический материал разделен нами на две крупные части: I – грубая лепная, нехарактерная для Хорезма посуда, II – поливная и неполивная керамика, сходная с хорезмийской.

В данной работе мы ограничимся исследованием станковой поливной и неполивной керамики поселения Мурзалы, открытого археолого-топографическим отрядом во главе с Б.В. Андриановым в 1957 году. На основе исследования архитектурных и топографических особенностей поселения, а также керамического, вещевого и монетного материала С.П. Толстов считал, что оно было основано в XII веке – в эпоху Великих Хорезмшахов, и было, вероятно, хорезмийской колонией, просуществовавшей до XIII–XIV вв. то есть до немного более позднего времени, чем монгольское завоевание [1. С. 77–89].

Методы, материалы и обсуждение

Вторая группа керамики поселения Мурзалы – гончарного обжига станковая, произведенная на ножном круге быстрого вращения. Такая керамика делится на поливную или неполивную. Большое значение для обеих подгрупп имеет наличие или отсутствие орнаментации. Рассмотрим, прежде всего, *неполивную керамику*. Можно выделить несколько видов неполивной керамики II группы: хумы, хумчи, котлы, крупные и мелкие горшки, кувшины, миски, блюда, кружки, чаши и дигири.

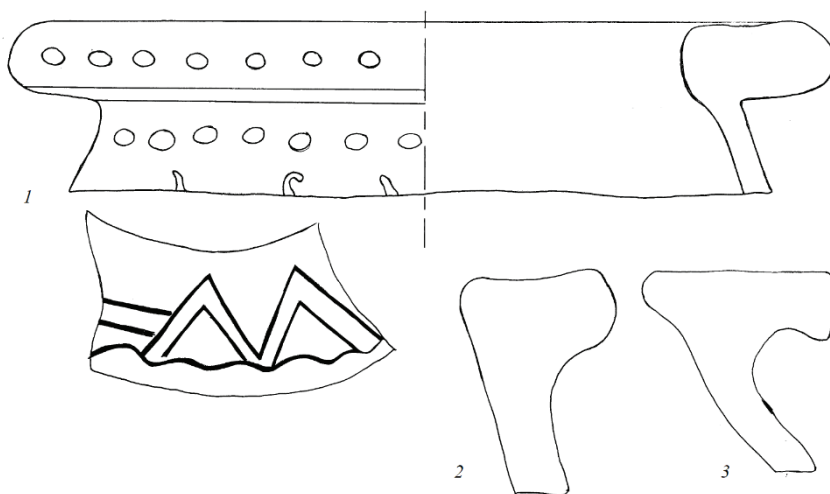

Рис. 1

Хумы имеют плотное хорошо отмученное тесто. Оно может быть разных оттенков серого и красного цветов, вплоть до красно-оранжевого, с примесями мелкого песка, шамота, дресвы, а так же гипса. Хумы, как правило, агобированы. Среди небольшого количества фрагментов хумов есть орнаментированные и неорнаментированные. Наиболее характерный орнамент – линейно-волнистый, прочерченный зубчатым штампом. В разных комбинациях он образует многочисленные геометрические фигуры, располагающиеся поясами на тулове или на широком отогнутом венчике (рис. 1 1). Кроме этого, хумы могут быть украшены глубокими, но не сквозными отверстиями. Реже встречается налестный орнамент в виде полос с пальцевыми защипами и вдавлениями.

Хумы II группы поселения Мурзалы имеют вытянутую яйцевидную форму с полочковидным венчиком или сильно утолщенным отогнутым краем, имеющим в сечении подтреугольную форму. Для последних характерно наличие невысокого горла, плавно переходящего в тулово. Плечики практически не выражены. Большая часть хумов имеет на венчике желобок для крышки (рис. 1 1–3). Аналогичные хумы были найдены в окрестностях Кават-Калы и Кызылча-Калы и относятся к XII – началу XIII века.

Котлы II группы характеризуются резко отогнутым острым или прямоугольным в сечении краем, переходящим в тулово. Диаметры венчика колеблются в пределах 22–28 см. Для них типичны покатые плечики и тонкие стенки. Котлы носят след однородного гончарного обжига, сделаны из серого теста и покрыты разными оттенками серого ангоба. Среди примесей присутствует крупный песок, шамот и известь (рис. 2 1, 2).

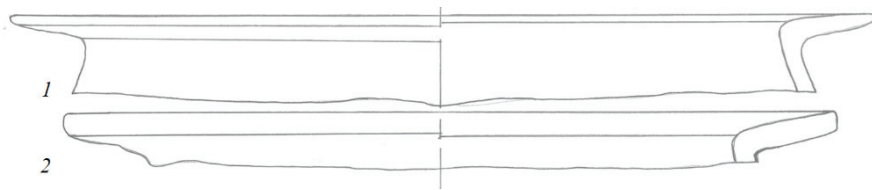

Рис. 2

Среди станковой керамики встречаются несколько разновидностей горшков: широкогорлые, с сужающимся к краю горлом и узкогорлые.

Широкогорлые горшки. Для них характерно хорошо отмученное светлое сероватое, коричневатое или розоватое тесто с небольшим количеством примесей мелкого песка, темного шамота, иногда гипса. Обычно они имеют темный ангоб. Широкогорлые сосуды бывают большие и маленькие. Диаметры больших колеблются в пределах 20–24 см, а маленьких – 11–14 см. И большие и маленькие горшки этого вида имеют характерный загнутый книзу клювовидный венчик на невысоком, слегка отогнутом наружу, горле. Край венчика мо-

жет быть острым или подтреугольным. Орнаментированных сосудов данного типа не найдено (рис. 3).

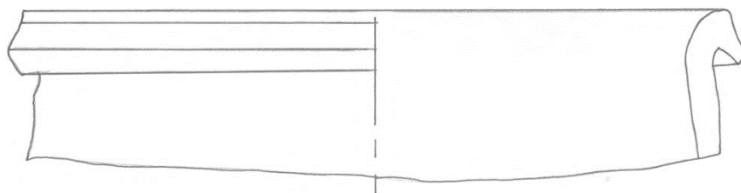

Рис. 3

Горшки с сужающимся к краю горлом. У нас имеется лишь несколько фрагментов венчиков. Все они серого гончарного обжига с темным или черным ангобом. Для них характерно плотное тесто с примесями дресвы, песка и гипса. Могут присутствовать следы лощения. Венчики горшков этого вида могут быть нескольких типов:

1) венчик не выражен. Край немного утолщен. Он может быть простым, скругленным или со скошенным внутрь бережком;

2) венчик утолщен в виде валика;

3) сложный рельефный венчик, состоящий из двух обыкновенных валиков между двумя заостренными треугольными выступами, один из которых является краем. Все они отделены друг от друга неглубокими желобками (рис. 4).

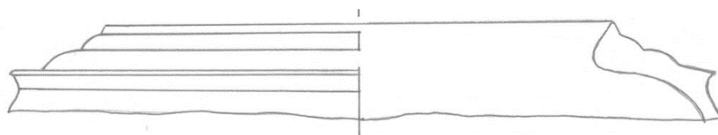

Рис. 4

По и рельефу горла можно предположить, что горшки с сужающимся по краю горлом были большой боченкообразной формы. Горшки находят себе аналогии на Шемаха-Кале (XIII–XIV вв.) и Замахшире (XII – начале XIII века).

Узкогорлые горшки. Для них характерно довольно высокое узкое прямое или расширяющееся в виде небольшого раструба горло. Они могут быть крупными с диаметром венчика 13–15 см, средние 7–10 см и мелкие до 3 см. Можно выделить несколько подвидов венчиков таких горшков: с заостренным краем, с краем в виде небольшого валика и с венчиком в виде резко отогнутого наружу вниз клювовидного подтреугольного венчика с острым краем.

Фрагменты узкогорлых горшков не имеют характерного единого цвета обжига или ангоба. Однако, во всех случаях тесто черепков плотное, хорошей отмучки с примесями мелкого песка, шамота и гипса. Этот вид горшков, как правило, орнаментирован. Для фрагментов с заостренным краем и валикообраз-

ным венчиком характерны наклепанные по краю полосы, украшенные пальцевыми зашипами и медальоновидными вдавлениями. В целом, эти две разновидности узкогорлых сосудов по форме и орнаменту похожи на найденные, на поселении Мурзалы, лепные горшки. Для сосудов с клювовидным венчиком характерен наклепной орнамент, украшенный пальцевыми вдавлениями, направленными по кругу в одну сторону и образующими ровные чередующиеся месяцеобразные ребра и углубления. Такой орнамент располагается непосредственно под козырьком клювовидного венчика (рис. 5 1–6).

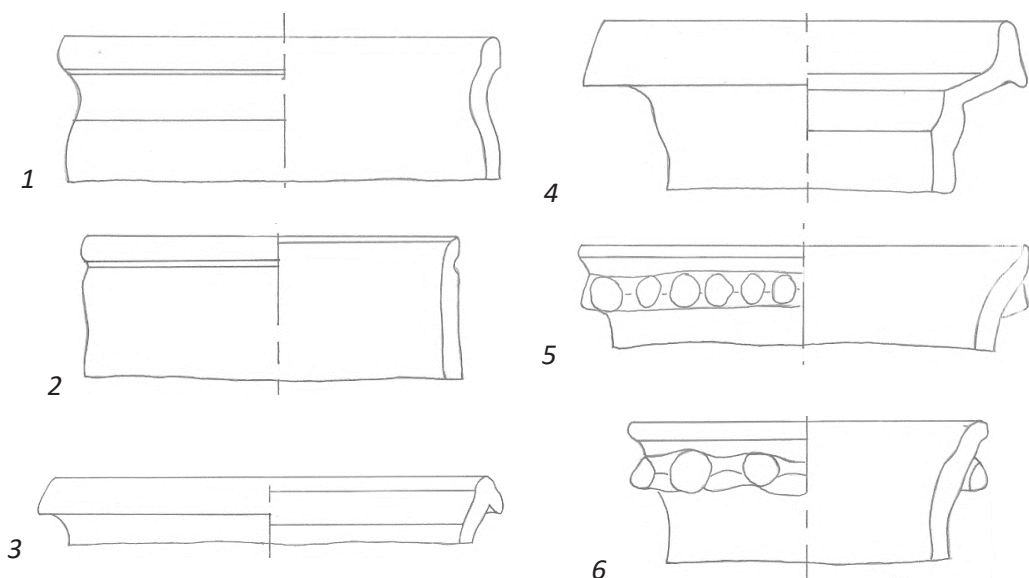

Рис. 5

У нас нет археологически целых форм узкогорлых горшков. Но по имеющимся отдельным фрагментам стенок, найденным в непосредственной близости от венчиков и подходящим по технологическим характеристикам, можно предположить, что горшки этого вида имели широкое тулово с крутыми ярко выраженными плечиками и сужающимися к донцу стенками.

Кувшины по форме тулова и горла напоминают узкогорлые горшки. Тесто, хорошо отмученное очень плотное с примесями мелкого песка, шамота и гипса, имеет серый равномерный гончарный обжиг. Высокое горло кувшина завершается утолщенным или манжетовидным венчиком, высота которого колеблется от 1,5 до 3 см, а на краю находится небольшой слив. Горло переходит в несколько заниженные, широкие плечики (рис. 6). Далее стенки тулова плавно сужаются к донцу. Ручки кувшинов могут быть разных форм и размеров. По формам ручек в сечении можно выделить несколько подвидов: круглые, круглые со сквозным отверстием изнутри, овальные, подпрямоугольные, подпрямоугольно-вогнутые, а так же овальные или подпрямоугольные ручки с ребром-выступом вдоль внешней стороны. Ручки прикреплялись нижней ча-

стью к венчику кувшина, а верхней – изогнутой – к его краю, выступая над ним на несколько сантиметров.

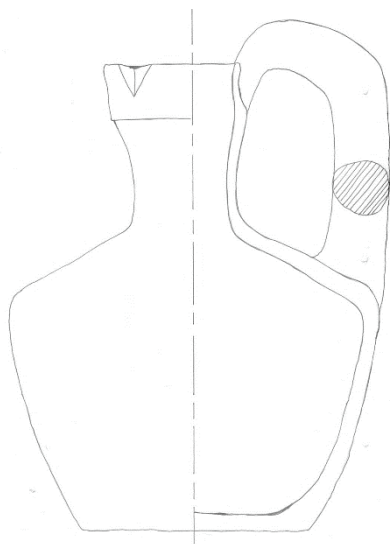

Рис. 6

У нас нет фрагментов, где бы орнамент проходил по венчику, зато тулово нередко украшалось поясным линейно-волнистым орнаментом. Он мог быть в виде нескольких нанесенных по сырой глине зубчатым штампом рядов полос и прочерченными между ними тем же штампом смыкающихся краями небольших арок; в виде волнообразных и прямых линий, расположенных под углом и образующих разные геометрические орнаменты; в виде нанесенных штампом насечек. В комплексе найдены фрагменты кувшинов, стенки которых были украшены штампованным растительно-геометрическим орнаментом – цветочным узором и поясом чередующихся треугольников и веточек какого-то растения. Надо отметить, что орнаментированы далеко не все кувшины.

Миски. На поселении Мурзалы найдено несколько фрагментов мисок, относящихся ко II группе керамики. По форме венчиков можно выделить два типа:

1) с прямым краем и чуть скошенным внутрь бережком. Такие миски могут иметь налепной орнамент с пальцевыми защипами или вдавлениями;

2) с отогнутым венчиком. Степень отогнутости может значительно колебаться. Миски с чуть отогнутым венчиком имеют уплощенный или скругленный край. Сильно отогнутый венчик может переходить в невысокую шейку и далее в широкие плечики. Миски находят аналогии в комплексе Шемаха-Калы и относятся к XIII–XIV вв.

Блюда. Найдено всего два небольших блюда II групп. Их диаметры 20 и 23 см. Тесто светло-серое с примесями песка и шамота, ангоб – темный. Не-

глубокие блюда имеют скругленный край, на внешней стороне которого может располагаться небольшой выступ.

Чаши, как правило, имеют серый или светло-коричневый обжиг, черный ангоб и изредка лощение. Помимо лощения, они могут быть украшены волнистым прочерченным орнаментом. Для этих сосудов характерны примеси песка и небольшого количества гипса. Некоторые чаши имеют по краю желобок для крышки. Диаметры чаш не превышают 20 см. Их можно разделить по формам венчика: у одних край простой заостренный или чуть скругленный; обжиг – серый. У других – венчик в форме валика округлой, вытянутой или подтреугольной формы, с четко выраженным желобком под ним. Чаши этого подтипа имеют светло-коричневый обжиг.

Кружки обычно серого цвета обжига с примесями песка, шамота и гипса. Они могут быть разных форм: боченкообразной, вытянутой вширь сплюснутой с широкими плечиками. Край обычно утолщенный или скругленный. Есть фрагмент кружки с венчиком в виде валика, расположенного изнутри. Кружки бывают орнаментированными и неорнаментированными. Нам встречался только прочерченный по сырой глине волнистый орнамент. Кружки имеют вертикальные, выступающие в своей верхней части над краем ручки. В сечении они могут быть круглые или прямоугольные, а по форме – округлые или вытянутые в виде перевернутой капли.

Светильники состоят из тулова-резервуара, носика и ручки. Тулово обычно имеет форму сплюснутой луковицы, вытянутый носик располагается в его нижней части. Ручка, выгибаясь, выступает над краем. В сечении, как правило, овально-вытянутой формы. Тесто – очень плотное, светлых оттенков – сероватое или бежевое с примесями песка и гипса.

Дигири высокие, сильно вытянутые хозяйственные сосуды, имеют очень толстое, маленькое в диаметре (около 5 см) донце, которое уже диаметра венчика примерно в два раза. Хотя эти сосуды сделаны на круге, их обработка довольно грубая и неровная. Тесто красного или серого цвета с примесью песка. Дигири могут иметь небольшие петлевидные ручки, прикрепленные к тулову, овальные или прямоугольно-вытянутые в сечении. Подобные сосуды найдены на Шемаха-Кале. Они датируются XIII–XIV вв.

Вторая подгруппа станковой керамики II группы поселения Мурзалы – *поливная*. Для всех поливных сосудов характерно плотное глиняное красноватое или кашинное чуть желтоватое тесто. По формам поливные сосуды могут быть:

- 1) крупными или мелкими чашами:
 - а) сегментовидными с прямым или отогнутым краем,
 - б) сферическими;
- 2) горшками с подрезанными при формовке донцами:
 - а) боченкообразными,
 - б) банкообразными;

3) чираки-светильники с высоким резервуаром, длинным граненым носиком и небольшой ручкой с листовидным держаклом, украшенным с внешней

стороны рельефным штампованным узором. Подобные светильники датируются XII веком и найдены в окрестностях Кават-калы, на Замахшире, Даудан-кале, Шах-Сенеме и некоторых других городищах Хорезма [2. Рис. 15 5, 6].

По цвету и качеству поливы можно выделить следующие типы сосудов:

1) полива желто-коричневых тонов. Как правило, такие сосуда имеют каричневую роспись по желтому фону, однако может встречаться сплошная коричневая полива без росписи. Подобная керамика находит аналогии в комплексах Замахшира и Куня-Уаза [2. С. 286. Рис. 7, 8];

2) зеленая полива разных оттенков, положенная непосредственно на стенки или на белую ангобированную подгрунтовку. Подобные сосуда встречены на Шемаха-Кале и датируются золотоордынским временем [2. С. 323];

3) бирюзовая полива. Может быть глухой без орнамента или украшенной черным или темно-синим орнаментом. Аналогии найдены на Кават-кале и Замахшире. Подобная керамика относится к XII–XIV вв. [2. С. 323];

4) бесцветная полива с подглазурной росписью коричнево-зеленых оттенков, синим и черным цветами. Керамика этого типа сходна с найденной в комплексах Шемаха-калы, Кават-калы и Сарая Берке, датирующейся XIV веком [2. С. 322]. Также в большом количестве встречается на поселении Уйгарак.

Поливные сосуда поселения Мурзалы могут иметь или не иметь орнамент. Орнаменты встречаются следующих типов:

- 1) геометрический – прямые или волнистые линии, точки и т.п.,
- 2) растительный – в виде стилизованных цветов, веточек и листьев,
- 3) зооморфный – украшение в виде стилизованных крыльев птиц,
- 4) эпиграфический – в виде надписей или отдельных букв. Это наиболее часто встречающийся вид орнамента.

Таким образом, поливная керамика II группы поселения Мурзалы находит аналогии среди керамических комплексов других памятников, прежде всего Хорезма. В целом она датируется XI–XIV вв., причем наибольшее количество фрагментов приходится на XII – начало XIV века.

Заключение

Таким образом, станковая керамика II группы поселения Мурзалы в целом аналогична хорезмийской XII–XIV вв., причем типы орнаментов восходят к афригидскому периоду VI–VIII вв. В конце этого же периода появляется и ряд форм, свойственных уже хорезмшахскому времени. Таковы, например, кувшины с высоким горлом, покрытые линейно-волнистым прорезным орнаментом; крупные сосуда с туловом уплощенно-округлой формы и вдавленным или волнообразным орнаментом под венчиком; хумы с туловом боченкообразной формы, украшенные налестками и защипами по венчику. Некоторые формы афригидской керамики, видоизменяясь, продолжали в основном присутствовать у венчиков в виде двух выступающих валиков с налестчатой продавленной пальцами полоской. Защипы на тулове приобрели вид овальных медальонов.

Керамика XII–XIV вв. относится ко времени наивысшего хозяйственного расцвета и политического могущества Хорезма, которое было прервано с приходом монгольских войск в 1219 году. Вся керамика, как видим, была ремесленной. Сосуды изготовлялись на круге или особым способом, сочетающим работу на круге со штамповкой в специальной форме, оставлявшей на стенках сосудов сложный рельефный узор. На протяжении всего периода бытовали узкогорлые кувшины со штампованными плечиками. Украшающий их рельефный узор близок к орнаментации металлических изделий.

Анализ керамического материала позволяет сделать вывод, что поселение было обжито кочевыми племенами (1) еще с X века, а с XII в. занято хорезмийцами, которые принесли сюда не только керамику, украшения и предметы домашней утвари, но и топографические и архитектурные особенности метрополии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Об этом свидетельствует комплекс лепной кухонной посуды, которая в этой работе не рассматривались [3].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Т. 1. Вып. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 276 с.
- [2] Вактурская Н.Н. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. М.: Наука, 1959. С. 63–220.
- [3] Баринава Е.Б. Керамические комплексы поселений Мурзалы, Иркибай и Уйгарак как источник по этноистории средневековых кочевников Восточного Приаралья // Восток и Запад: приоритеты эпох. М.: Изд-во РУДН, 2010. С. 16–58.

REFERENCES

- [1] Polevyye issledovaniya Khorezmskoy ekspeditsii v 1958–1961 gg. T. 1. Vyp. 6. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 276 s.
- [2] Vakturskaya N.N. Klassifikatsiya srednevekovoy keramiki Khorezma (IX–XVII vv.) // Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. T. IV. M.: Nauka, 1959. S. 63–220.
- [3] Barinova Ye.B. Keramicheskiye komplekсы poseleniy Murzaly, Irkibay i Uygarak kak istochnik po etnoistorii srednevekovykh kochevnikov Vostochnogo Pri-aral'ya // Vostok i Zapad: prioritety epokh. M.: Izd-vo RUDN, 2010. S. 16–58.

Medieval ceramics made on a potter's wheel of Murzaly in the Eastern Aral Sea region

Elena B. Barinova

Institute of Ethnology and Anthropology RAS
119991 Moscow, Leninsky Prospekt, 32 A

The article is devoted to the study of glazed and non-glazed medieval ceramics made on a potter's wheel, the settlement of Murzaly in the territory of the Eastern Aral sea region. The features of its manufacturing technology, forms, ornamentation are highlighted, a comparative typology is carried out. The easel ceramics of the Murzaly settlement were made on a fast-spinning foot wheel and have pottery roasting. It is represented by ornamented and non-ornamented homas, pots, wide-necked and narrow-necked pots, jugs, bowls, dishes, bowls, mugs, lamps, etc. The easel ceramics of the Murzaly settlement are generally similar to the Khorezm XII–XIV centuries and refers to the time of the highest economic prosperity and political power of Khorezm.

Keywords: the Eastern Aral Sea region, Khorezm, ceramics made on a potter's wheel, Middle Ages

Информация об авторе / Information about the author

Баринова Елена Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва. E-mail: BarinovaElena@rambler.ru

Elena B. Barinova, Ph.D.(in History), Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. E-mail: BarinovaElena@rambler.ru

Для цитирования / For citation

Баринова Е.Б. Средневековая станковая керамика поселения Мурзалы в Восточном Приаралье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 101–110. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-101-110>

Barinova E.B. Medieval ceramics made on a potter's wheel of Murzaly in the Eastern Aral Sea region // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. No. 1. Pp. 101–110. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-101-110>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 27.11.2018

АБОНЕМЕНТ

на газету
журнал

37025

(индекс издания)

Вестник РУДН.

Серия: Всеобщая история

(наименование издания)

Количество
комплектов

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Линия отреза

ДОСТАВочНАЯ

37025

ПВ	место	литер

КАРТОЧКА

(индекс издания)

на газету
журнал

Вестник РУДН.

Серия: Всеобщая история

(наименование издания)

Стои- мость	подписки	руб.	Количество комплектов	
	каталожная	руб.		
	пере- адресовки	руб.		

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

почтовый индекс											
код улицы											
дом	корпус	квартира									

город

село

область

район

улица

фамилия, инициалы

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ

на газету
журнал

--

(индекс издания)

Вестник РУДН.

Серия: _____

(наименование издания)

Количество комплектов	

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

--

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Линия отреза

ПВ	место	литер

ДОСТАВОЧНАЯ

--

КАРТОЧКА

(индекс издания)

на газету
журнал

Вестник РУДН.

Серия: _____

(наименование издания)

Стои- мость	подписки	руб.	Количество комплектов	
	каталожная	руб.		
	пере- адресовки	руб.		

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

почтовый индекс									
код улицы									
дом	корпус	квартира							

город

село

область

район

улица

фамилия, инициалы